

ISSN 2221-2698

электронный научный журнал
«Арктика и Север»

А И С

ФГАОУ ВО «Северный (Арктический)
федеральный университет имени М.В. Ломоносова»

**№ 37
2019**

Архангельск

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37

ISSN 2221-2698

Арктика и Север / Arctic and North. 2019. № 37

© Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2019

© Редакция электронного научного журнала «Арктика и Север», 2019

Журнал «Арктика и Север» зарегистрирован в Роскомнадзоре как электронное периодическое издание на русском и английском языках, свидетельство Эл № ФС77-42809 от 26 ноября 2010 г.; в Научной электронной библиотеке eLIBRARY, РИНЦ, лицензионный договор № 96-04/2011R от 12 апреля 2011 г.; научной электронной библиотеке «КиберЛенинка» (2016); в базах данных: Directory of Open Access Journals — DOAJ (2013); Global Serials Directory Ulrichsweb, США (2013); NSD, Норвегия (2015); InfoBase Index, Индия (2015); ERIH PLUS, Норвегия (2016); MIAR, Испания (2016); OAJI (2017); RSCI на платформе Web of Science (2018). Выходит в свет не менее 4 выпусков в год.

Учредитель — ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», г. Архангельск. Главный редактор — Кудряшова Елена Владимировна, доктор философских наук, профессор, ректор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Все номера журнала находятся в свободном доступе (CC BY-SA) в Интернете на русском и английском языках. Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей, декларация об этике опубликованы на сайте: <http://www.arcticandnorth.ru/rules/>

Журнал публикует статьи, в которых объектом исследования являются Арктика и Север, по следующим группам специальностей: 08.00.00 Экономические науки; 22.00.00 Социологические науки; 23.00.00 Политология.

Плата с авторов, в том числе с аспирантов и студентов, за публикацию статей не взимается. Гонорары не выплачиваются.

Все рукописи подвергаются двойному слепому рецензированию. Редакция рассматривает факт направления и получения авторских рукописей как передачу авторами своих прав на публикацию в журнале «Арктика и Север» и размещение в базах данных, включая РИНЦ, DOAJ и другие, что способствует продвижению публикационной активности авторов и отвечает их интересам.

The journal "Arctic and North" (also known as "Arktika i Sever") is registered at Roskomnadzor as an internet periodical issued in Russian and English, Registration certificate El no. FS77-42809, November 26, 2010; at the system of Elibrary, license contract no. 96-04/2011R, April 12, 2011; Scientific Electronic Library "Cyberleninka" (2016). Also in the catalogs of international databases: Directory of Open Access Journals — DOAJ (2013); Global Serials Directory Ulrichsweb, USA (2013); NSD, Norway (2015); InfoBase Index, India (2015); ERIH PLUS, Norway (2016); MIAR, Spain (2016); OAJI (2017); RSCI based on Web of Science (2018). The journal is issued not less than 4 times per year.

The Founder is Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia. Editor-in-Chief is Elena V. Kudryashova, Dr. Sci. (Phil.), Professor, Rector of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. All journal issues are available free of charge (CC BY-SA) in Russian and English at the webpage of the journal. Rules and regulations on submission, peer reviews, publication and the Declaration of Ethics are available at: <http://www.arcticandnorth.ru/en/requirements/>

The Journal is devoted to the scientific articles focused on the Arctic and the North relevant for the following professional degrees: 08.00.00 Economics; 22.00.00 Social science; 23.00.00 Political science.

No payments for publication are collected from authors, including students and post-graduate students. Honorariums are not paid.

All manuscripts are reviewed using double blind peer review system. The Editorial Board considers receiving of the manuscripts as an authors' transfer of rights to be published in "Arctic and North" and be placed in the databases, including but not limited to RSCI, DOAJ and OAJI, that assists and promote the publishing activity of the authors and is in authors' interests.

Our English webpage is located at: <http://arcticandnorth.ru/en>
We will be glad to see you among the authors of "Arctic and North"!

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

- ОСИПОВА Е.Э., СМИРНОВ С.В., ХАИРОВА Т.А.** Предпосылки развития экспорта российской Арктики, каботажных перевозок и проектных грузов для арктических проектов 5
OSIROVA E.E., SMIRNOV S.V., KHAIROVA T.A. Preconditions for the development of Russian Arctic export, coastal (cabotage) transportation and project cargo for the arctic demand
- СНИЦА А.Л.** Развитие системы образования как фактор демографического развития регионов Крайнего Севера 22
SINITSA A.V. The education system development as a factor in the demographic growth of the Far North of Russia
- СКУФЫНА Т.П., БАЖУТОВА Е.А., САМАРИНА В.П.** Предпринимательская активность в регионах российской Арктики в сравнении с общероссийской ситуацией 51
SKUFINA T.P., BAZHUTOVA E.A., SAMARINA V.P. Entrepreneurial activity in the Russian Arctic territories compared to the all-Russian situation

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ POLITICAL PROCESSES AND INSTITUTIONS

- КИМ М., МАРЧЕНКОВ М.Л.** Республика Корея в Арктическом регионе: от теоретического оформления политики к её практической реализации 69
KIM M., MARCHENKOV M.L. The Republic of Korea and the Arctic region: from policy formulating to policy making
- ТУЛУПОВ Д.С., ЦАРЕНКО Е.В.** Подход Европейского союза к политике в арктическом направлении и его соотношение с региональными интересами РФ 82
TULUPOV D.S., TSARENKO E.V. European Union's approach to the Arctic policy development through the lens of the Russian regional interests

СЕВЕРНЫЕ И АРКТИЧЕСКИЕ СОЦИУМЫ NORTHERN AND ARCTIC SOCIETIES

- ЛЫТКИНА Т.С., СМИРНОВ А.В.** Вытеснение на Российском Севере: миграционные процессы и неолиберальная политика 94
LYTKINA T.S., SMIRNOV A.V. Expulsions in the Russian North: migration processes and neoliberal policy
- НЕДОСЕКА Е.В., ЖИГУНОВА Г.В.** Особенности локальной идентичности жителей моногородов (на примере Мурманской области) 118
NEDOSEKA E.V., ZHIGUNOVA G.V. Features of local identity of single-industry town residents (the case of the Murmansk Oblast)

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ REVIEWS AND REPORTS

БУТОРИН М.В. «Районка» как летописец истории Архангельского Севера BUTORIN M.V. District newspapers as a chronicler of the Arkhangelsk North history	134
ДРАННИКОВА Н.В. Рецензия на книгу М.А. Лукиной «Исторические очерки о жизни на островах в дельте Северной Двины» DRANNIKOVA N.V. Review on the book “Historical Essays about Life on the Islands of the Northern Dvina Delta” by M.A. Lukina	140
МИТЬКО В.Б., МИНИНА М.В., МИТЬКО А.В. История и деятельность Арктической общественной академии наук MITKO V.B., MININA M.V., MITKO A.V. History and activities of the Arctic Public Academy of Sciences	144

РЕЗЮМЕ SUMMARY

Авторы, названия, аннотации, ключевые слова Authors, titles, abstracts, and keywords	153
Редакционный совет журнала «Арктика и Север» Editorial board of the “Arctic and North” journal	161
Благодарности Acknowledgments	163
Выходные данные Output data	164

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

УДК 338.47(985)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.5

Предпосылки развития экспорта российской Арктики, каботажных перевозок и проектных грузов для арктических проектов *

© **ОСИПОВА Елена Эдуардовна**, кандидат экономических наук, доцент

E-mail: e.e.osipova@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

© **СМИРНОВ Сергей Владимирович**, директор

E-mail: sergey@sozvezdye.org

Ассоциация поставщиков нефтегазовой промышленности «Созвездие», Архангельск, Россия

© **ХАЙРОВА Татьяна Александровна**, ведущий эксперт

E-mail: t.hairova@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается понятие и описание Северного морского пути, основные предпосылки развития экспорта Российской Арктики при использовании СМП. Дается понятие и анализ каботажных перевозок с использованием арктических судов и прогнозные выводы по возможным арктическим проектам. Системы развития экспорта российской Арктики, каботажных перевозок и проектных грузов для арктических проектов включает системы грузовых перевозок по железным дорогам и морским транспортным флотом. Целью настоящей статьи является анализ данных транспортных систем, а также определение ключевых перспектив развития данной системы в России с учётом нового понятия – Северный морской транспортный коридор. Учитывая, что это национальная транспортная коммуникация Российской Федерации, развитие грузопотока в арктической зоне отвечает различным проектам России по освоению Арктики.

Ключевые слова: Северный морской путь, каботажные перевозки, российская Арктика, Северный морской транспортный коридор, перевалка, экспорт, арктические суда, углеводородное сырьё, транспортно-логистические маршруты, транспортная инфраструктура.

Preconditions for the development of Russian Arctic export, coastal (cabotage) transportation and project cargo for the arctic demand

© **Elena E. OSIPOVA**, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor

E-mail: e.e.osipova@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

© **Sergey V. SMIRNOV**, Director

E-mail: sergey@sozvezdye.org

Association of oil and gas industry suppliers “Sozvezdie”, Arkhangelsk, Russia

© **Tatyana A. KHAIROVA**, leading expert

E-mail: t.hairova@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

* Для цитирования:

Осипова Е.Э., Смирнов С.В., Хайрова Т.А. Предпосылки развития экспорта российской Арктики, каботажных перевозок и проектных грузов для арктических проектов // Арктика и Север. 2019. № 37. С. 5–21. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.5

For citation:

Osipova E.E., Smirnov S.V., Khairova T.A. Preconditions for the development of Russian Arctic export, coastal (cabotage) transportation and project cargo for the arctic demand. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 37, pp. 5–21. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.5

Abstract. The article considers the concept and description of the Northern Sea Route (NSR), the main prerequisites for the development of Russian Arctic export by using the NSR. The concept and analysis of coastal shipping using Arctic vessels and the predictive conclusions on possible Arctic projects are also presented in the article. Systems for the development of Russian Arctic export, coastal transportation and project cargo for Arctic demand include freight transport systems by rail and sea transport fleet. The purpose of this article is to analyze the data of transport systems, as well as to identify key prospects for the development of this system in Russia, taking into account a new concept – the Northern Sea Transport Corridor. According to the fact that it is a national transport corridor of the Russian Federation the development of the cargo traffic is mainly connected with the Arctic exploration projects.

Keywords: *the Northern Sea Route, short sea shipping, Russian Arctic, The Northern Sea Transport Corridor, transshipment, exports, arctic vessels, hydrocarbons, transport and logistics routes, transport infrastructure.*

Введение

«В XXI веке одним национальных интересов Российской Федерации в Арктическом регионе является использование Северного морского пути, который включает в себе большой стратегический потенциал не только для северных территорий, но и для всего государства в целом. Данная транспортная магистраль, существующая в особо экстремальных природно-климатических условиях, имеет важное геополитическое значение и обладает высоким экономическим потенциалом» [1, Осипова Е.Э., Ширихина Е.Ю., с. 639].

«С середины 80-х годов XX века можно проследить тенденцию к усилению внимания мирового сообщества к арктическим территориям. Европейские государства заинтересованы в развитии международного транзитного судоходства по трассам Северного морского пути, поскольку данный маршрут является выгодным решением в стремлении сократить время доставки грузов из Европы в страны Азиатско-тихоокеанского региона. В связи с этим возрастает международный интерес к коммерческому использованию Северного морского пути. Арктика и Северный морской путь становятся новыми объектами международной политики и мирового хозяйства» [2, Лукин Ю.Ф., с. 156].

Перспективы развития международного судоходства по Северному морскому пути усиливают потребность активизации деятельности северных регионов России, поэтому роль Архангельской области в процессе развития арктических регионов возрастает.

Для судоходных компаний Северный морской путь открывает возможность участия в различных арктических проектах и осуществления грузовых транзитных, каботажных, мультимодальных перевозок.

«В судоходстве Северный морской путь определяется как «навигационно-рекомендованная трасса от Новой Земли до Берингова пролива», а Законодательством Российской Федерации — как «исторически сложившаяся национальная единая транспортная коммуникация России в Арктике»¹.

«Акватория Северного морского пути — водное пространство, прилегающее к северному побережью Российской Федерации, охватывающее внутренние морские воды, территориальное море, прилежащую зону и исключительную экономическую зону Российской Федерации и огра-

¹ Северный морской путь — главная транспортная артерия России. URL: <https://будущее-арктики.рф/severnyj-morskoj-put-glavnaya-transportnaya-arteriya-rossii/> (дата обращения: 04.11.2019).

ниченное с востока линией разграничения морских пространств с Соединенными Штатами Америки и параллелью мыса Дежнева в Беринговом проливе, с запада меридианом мыса Желания до архипелага Новая Земля, восточной береговой линией архипелага Новая Земля и западными границами проливов Маточкин Шар, Карские Ворота, Югорский Шар»².

Внутренние морские воды Российской Федерации — воды, расположенные в сторону берега от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря Российской Федерации. Внутренние морские воды относятся к составной части территории Российской Федерации.

Территориальное море Российской Федерации — примыкающий к сухопутной территории или к внутренним морским водам морской пояс шириной 12 морских миль, отмеряемых от исходных линий.

«Прилежащая зона Российской Федерации — морской пояс, который расположен за пределами территориального моря, прилегает к нему, и внешняя граница которого находится на расстоянии 24 морских миль, отмеряемых от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря»³.

Исключительная экономическая зона Российской Федерации — морской район, находящийся за пределами территориального моря Российской Федерации и прилегающий к нему, с особым правовым режимом, установленным настоящим Федеральным законом, международными договорами Российской Федерации и нормами международного права. Внутренней границей исключительной экономической зоны является внешняя граница территориального моря.

На данный момент в разработке стратегии развития Арктики до 2035 года появится новое понятие Северного морского транспортного коридора (рис. 1), т.к. «функции единого оператора Северного морского пути (СМП) должны распространяться на территории от Новой земли до Камчатки, а не до Чукотки, где заканчиваются определенные в данный момент границы СМП». Об этом сообщает ТАСС со ссылкой на замминистра РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики Александр Крутиков. Для того чтобы этот проект состоялся, существующего регулирования недостаточно: границы СМП четко определены в соответствии с международным правом — от Новой земли до Чукотки. Поэтому в стратегии мы вводим новое понятие Северного морского транспортного коридора — собственно всей транспортной коммуникации от Мурманска до Камчатки — и считаем, что функции единого оператора СМП должны распространяться на весь этот коридор», — сказал он на парламентских слушаниях «О ходе подготовки проекта стратегии развития Арктической зоны РФ до 2035 года». Крутиков отметил, что предполагается сделать Севморпуть глобально конкурентоспособным транспортным коридором и начиная с 2030-х гг. наращивать объем международных перевозок. «Нам необходимо обеспечить регулярность и предсказуемость таких

² Кодекс торгового мореплавания (КТМ РФ), Глава I. Общие положения (ст. 1–11), Статья 5.1. Плавание в акватории Северного морского пути. URL: <https://base.garant.ru/12115482/c739ecf0943aabba2bfe9e5fa22e57a6/> (дата обращения: 04.11.2019).

³ Северный морской путь в проблеме международных транспортных коридоров. URL: <http://rostransport.com/transportrf/pdf/3/05.pdf> (дата обращения: 04.11.2019).

перевозок, стоимость прохождения СМП за счет государственной поддержки должна быть чуть ниже стоимости южного маршрута, по крайней мере, в первые годы. Важно, чтобы транспортные компании и грузоотправители поверили, что по СМП можно перевозить грузы безопасно и точно в срок», — пояснил замминистра. Он также добавил, что в настоящее время начата проработка проекта создания регулярной контейнерной линии между Мурманском и Петропавловском-Камчатским, «до которых из Европы и Азии грузы будут доставляться фидерными судами, там консолидироваться на отечественных контейнеровозах — они, кстати, тоже могут быть атомными или на СПГ — и доставляться под гарантии государства»⁴.

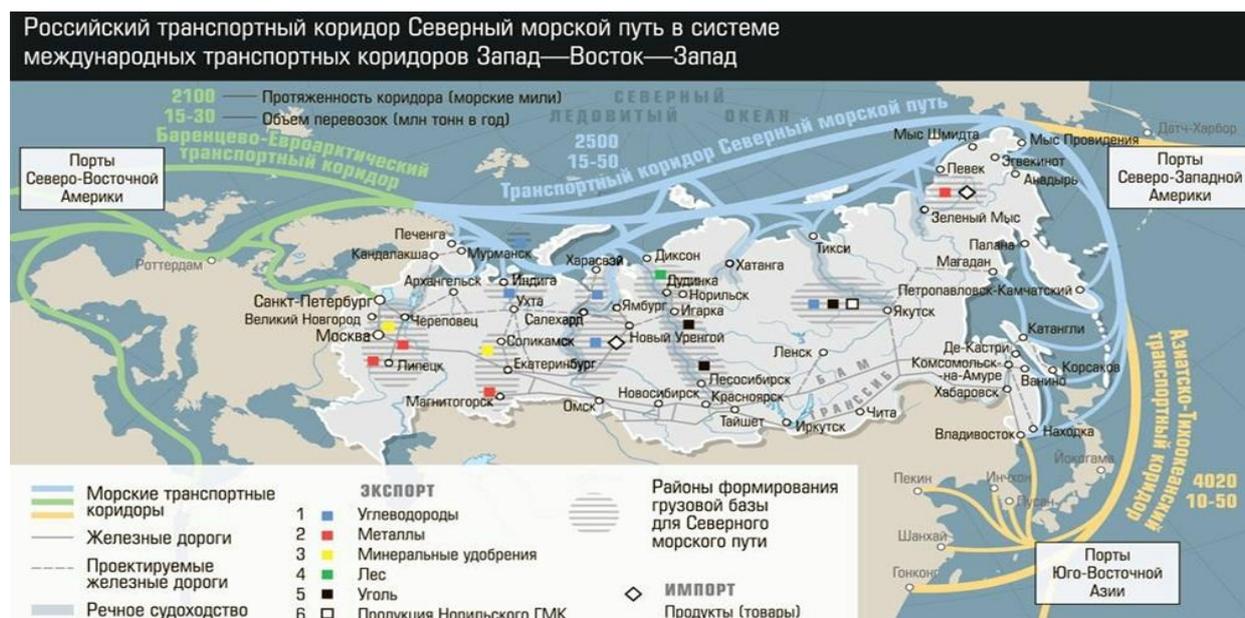

Рис. 1. Северный морской транспортный коридор⁵.

Использование Северного морского пути Россией в экспорте грузов

«Начало первого десятилетия XXI века характеризуется резкой актуализацией темы Арктики в мировой политике, существенным изменением геополитической ситуации. Это было связано с целым рядом факторов. К основным можно отнести вопросы разграничения в юридическом отношении морских территорий и континентальных шельфов. Кроме того, в условиях изменения климата и сокращения ледовых покровов в Арктике возникают благоприятные условия для освоения природных богатств, добычи углеводородного сырья, что в свою очередь становится толчком к развитию транспортных коммуникаций. В связи с этим повышается внимание к проблемам развития Северного морского пути. Изменение климата и таяние льдов не только открывают новые возможности, но и создают огромные риски, что стало предметом мировой повестки. Ещё

⁴ В стратегии развития Арктики появится понятие Северного морского транспортного коридора. URL: https://www.korabel.ru/news/comments/d_strategii_razvitiya_arktiki_poyavitsya_ponyatie_severnogo_morskogo_transportnogo_koridora.html (дата обращения: 04.11.2019).

⁵ Российский транспортный коридор Северный морской путь. URL: https://expert.ru/data/public/281963/281999/expert_734_138.jpg (дата обращения: 04.11.2019).

одним фактором повышенного внимания к Арктическому региону является важное военно-стратегическое значение данных территорий. Таким образом, эти аспекты привели к укреплению роли Северного морского пути для России» [4, Проблемы Северного морского пути].

Необходимо подчеркнуть, что освоение Арктики в различных аспектах становится одним из ключевых направлений как на уровне федеральных органов власти, так и для крупных сырьевых компаний, оперирующих в Арктическом регионе. Особую роль в этом процессе играют транспортные коммуникации, обеспечивающие ключевое значение в реализации арктических проектов. Морские маршруты позволяют эффективно выстроить процесс освоения ресурсов, сконцентрированных в Арктике. В связи с этим особую значимость приобретает потребность в дальнейшем освоении и развитии Северного морского пути.

Также в XXI в. Арктическая зона РФ становится одним из приоритетных регионов нового освоения, так как в ней сосредоточены значительные запасы полезных ископаемых, которые в будущем могут сформировать ресурсную базу мировой экономики. Возрастает транспортно-транзитный потенциал Арктики, что становится толчком к развитию его основной транспортной артерии — Северного морского пути. На рис. 2 представлена информация о грузоперевозках в акватории СМП за период 1970–2017 гг. по данным ФГКУ «Администрация Северного морского пути»⁶.

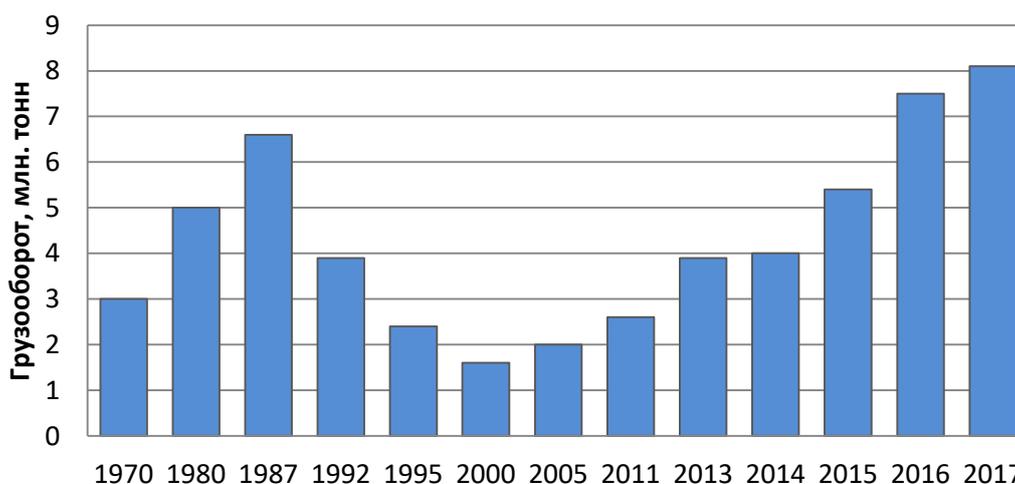

Рис. 2. Динамика перевозок грузов по трассам СМП.

«Динамика грузоперевозок по трассам Северного морского пути свидетельствует о возрождении СМП в настоящее время, что, прежде всего, связано с укреплением положения России в мирохозяйственной системе, обеспечением транспортной безопасности, экономической интеграции регионов Арктики тяготеющих к СМП территорий страны. Уже в 2016 г. был превзойден пик XX в. (1987 г.), и суммарный грузооборот достиг почти 7,5 миллионов тонн» [5, Østreng W., Jorgensen-Dahl A., Nansen F., с. 124].

⁶ Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г. URL: www.minregion.ru/uploads/attachment/documents/.../200313_2.doc (дата обращения: 04.11.2019).

«Развитие Северного морского пути в XXI в. можно разделить на несколько этапов. Так, период 2000–2007 гг. можно назвать периодом стабилизации основных параметров работы СМП. Первоначально необходимо было приостановить процесс спада основных параметров работы арктической морской транспортной системы. Это было достигнуто за счёт реализации «Первоочередных мер по обеспечению устойчивого и безопасного функционирования Северного морского пути». В обозначенный период разрабатывались финансовые вопросы и экономико-правовые аспекты условий для устойчивого развития СМП. Работа по данным направлениям осуществлялась в рамках «Программы комплексного развития СМП и его использования на коммерческой основе»⁷.

В утверждённой в 2000 г. Концепции государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера Северный морской путь был отмечен как приоритетный объект государственной поддержки Арктических проектов.

«Кроме того, прослеживается чёткое намерение привлечь на трассы СМП иностранных грузоперевозчиков, тем самым превратить транспортную коммуникацию в международный транзитный коридор. Однако оговаривается, что международное судоходство будет осуществляться по правилам, предусмотренным федеральным законодательством или международными договорами России. И, несмотря на то, что СМП получит широкое использование для межконтинентальных перевозок грузов, он будет оставаться при этом национальной транспортной магистралью в Арктике» [6, Heininen L., с. 208].

В 2015 г. был создан проект «Технические возможности и надёжность судоходства на Северном морском пути и моделирование арктической морской транспортно-логистической системы / Feasibility and Reliability of Shipping on the Northern Sea Route and Modeling of an Arctic Marine Transportation and Logistics System» для проведения комплексного анализа текущего состояния и будущих перспектив транзитных перевозок СМП. Проект собрал нескольких партнёров и многочисленных участников, представляющих промышленность, правительственные органы и исследовательские группы из Европы, Азии и России, что обеспечило уникальный и всесторонний обзор предмета. Во-первых, проект представил исчерпывающий обзор действующих нормативных актов и услуг поддержки СМП. Во-вторых, он объединяет информацию о текущем состоянии маршрута с отзывами, полученными от заинтересованных сторон в ходе обсуждений проекта, с целью создания нескольких возможных будущих эксплуатационных моделей для транзитных перевозок по СМП. Наиболее вероятной из проанализированных эксплуатационных моделей является комбинация судов с усиленным ледовым классом и независимых ледовых грузовых судов. Эта модель требует снижения суровости ледовых условий, чтобы обеспечить круглогодичное коммерческое судоходство, дальнейшее развитие морской инфраструктуры. Кроме того, создание перегрузочных узлов на каждом конце СМП с проходимыми между ними ледовыми грузовыми судами также считается жизнеспособным вариантом в будущем [7, Milakovic A.-S., Gunnarsson B., с. 53].

⁷ International Northern Sea Route Programme. URL: <http://www.fni.no/insrop/defaultINSROP.html> (дата обращения: 04.11.2019).

Российская Федерация, уделяя особое внимание в стратегии развития Арктическому региону, представляет комплекс интересов и приоритетов в Арктике, который определяется ресурсным, транспортным и военно-стратегическим потенциалом арктических территорий. «Ключевым инструментом в реализации комплексного развития Арктической зоны призвана на практике стать новая редакция Государственной программы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года и дальнейшую перспективу». В рамках новой редакции госпрограммы планируется предусмотреть выделение финансирования, будут определены целевые показатели, которые позволят осуществлять мониторинг её эффективности. Резко актуализируется проблематика, связанная с уточнением перечня приоритетных комплексных инвестиционных проектов, обладающих значительным мультипликативным эффектом и способных стать «драйверами» комплексного социально-экономического развития макрорегиона, их увязкой с общегосударственными, отраслевыми и корпоративными стратегиями, программами и планами» [8, Смирнова О.О., Липина С.А., Кудряшова Е.В., Крейденко Т.Ф., Богданова Ю.Н.].

Развитие Северного морского пути на федеральном уровне также поддерживается подпрограммой 2 «Развитие Северного морского пути и обеспечение судоходства в Арктике» государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» призвано создать условия для развития Северного морского пути в качестве национальной транспортной магистрали Российской Федерации в Арктике. Подпрограмма реализуется в два этапа: I этап — 2018–2020 гг.; II этап — 2021–2025 гг. Объём финансирования подпрограммы за счёт средств федерального бюджета составляет 35 423 031,9 тыс. рублей. Среди основных ожидаемых результатов реализации подпрограммы стоит выделить обеспечение условий реализации в интересах Российской Федерации потенциала пропускной способности Северного морского пути для задач международного товарообмена.

«Государственной программой РФ «Развитие судостроения на 2013–2030 годы» предусмотрены меры государственной поддержки, направленные на создание условий, стимулирующих производство в России наукоёмких, высокотехнологичных изделий гражданской морской техники для внутреннего рынка. Строительство и модернизация ледокольного флота, создание новых портов, модернизация портовой инфраструктуры, развитие базовой производственной и портовой инфраструктуры являются одним из приоритетов «Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года». В подпрограмму «Морской и речной транспорт» включены мероприятия по обеспечению водных путей и гидротехнических сооружений, поисковому и аварийно-спасательному обеспечению судоходства, навигационно-гидрографическому обеспечению судоходства на трассах СМП» [9, Плисецкий Е.Е., с. 106].

Экспорт российской Арктики, транспортировка углеводородного сырья и природных ископаемых

«Возможность освоения месторождений, расположенных на шельфе, морском побережье и в губах арктических морей, удалённых от железнодорожных и нефтегазопроводных систем, зависит от развитости схем морской транспортировки продукции и доставки грузов строительного

назначения. В последние годы были сформированы устойчивые логистические схемы, в реализации которых принимали участие российские, региональные и зарубежные судоходные компании» [10, Lawson W. Brigham, с. 329].

Перевозки осуществляются в западной части СМТК с удобным выходом в арктические моря и впадающих судоходных рек Российской Федерации.

«Одной из стратегических задач государства и компаний-недропользователей в рамках проектов развития минерально-сырьевых центров является приобретение новых компетенций и опыта освоения уникальных проектов, требующих неординарных технических решений и способствующих в дальнейшем трансферу знаний и технологий при реализации других проектов в Арктике, в том числе и в рамках международного сотрудничества» [11, Липина С.А., Череповицын А.Е., Бочарова Л.Н.]. Особых компетенций экипажей судов, чёткой и слаженной работы моряков и транспортников, оперирующих в сложных навигационных и климатических условиях, требует освоение минерально-сырьевых ресурсов Арктического региона.

Транспортировка рудных материалов и угля:

1. «Вывоз из Норильска рудного концентрата и металлов, добываемых Заполярным филиалом ПАО «ГМК «Норильский Никель» обеспечивается флотом из пяти арктических контейнеровозов ледового класса Arc 7, построенных ... на верфях Финляндии и Германии. Часть продукции напрямую вывозится судами компании в Западную Европу, концентрат доставляется в Мурманск для переработки на заводах АО «Кольская горно-металлургическая компания», в том числе и в Финляндии... В связи с негативным воздействием на окружающую среду в Норильске был закрыт Никелевый завод, что привело к росту грузопотока с 0,7 до 1,5 млн т в год... В Мурманске компания открыла второй причал... Двукратное увеличение грузопотока приведёт к тому, что помимо своих судов компания с большой долей вероятности будет привлекать сторонний флот, поскольку строительство судов пока не предусматривается... Важным обстоятельством является то, что право самостоятельного плавания в зимне-весеннюю навигацию в юго-западной части Карского моря предоставлено судам ледового класса не ниже Arc 7... Ритмичность и экономичность круглогодичных перевозок продукции «Норильского Никеля» может быть обеспечена только судами Arc 7; применение остальных судов требует дорогостоящей ледовой проводки» [3, Григорьев М.Н., с. 53].

2. «Компания «Восток-уголь» планирует освоение угля на западе полуострова Таймыр, а также ... строительство терминала в районе мыса Чайка. Планируемый рынок поставки — страны Западной Европы... Компания заключила долгосрочное соглашение с датской компанией Nordic Bulk Carriers AS на транспортировку судами ледового класса Arc 4, которые в соответствии с правилами РМРС могут осуществлять плавание только в летне-осеннюю навигацию, а в зимне-весеннюю только в лёгких условиях навигации в сопровождении ледокола» [3, Григорьев М.Н., с. 54].

3. ПАО «Первая горнорудная компания» планирует приступить к разработке Павловского свинцово-цинкового месторождения в 2020 г. и строительству ГОКа на Новой Земле, что также потребует круглогодичного вывоза продукции судами ледового класса не ниже Arc 5.

Успешное развитие последних двух проектов позволит осуществить их операторам финансирование строительства судов высоких ледовых классов.

Транспортировка углеводородного сырья:

«Вывоз нефти и конденсата осуществляется в западном направлении с терминалов, расположенных в западном секторе российской Арктики — на шельфе и побережье Печорского моря, в Обской губе и на р. Енисей» [3, Григорьев М.Н., с. 56].

1. «Песчаноозерское месторождение. Отгрузка нефти осуществляется с рейдового нефтяного терминала на о. Колгуев с 1987 г. В 2016 г. вывоз нефти осуществляли два танкера ледового класса Arc 4 германской компании Offen Tankers» [3, Григорьев М.Н., с. 56].

2. «Таймыргаз» ... вывозит газовый конденсат Пеляткинского месторождения из п. Дудинка в пункты западной Европы, круглогодично используя танкер ледового класса Arc 7, принадлежащий ГМК «Норильский Никель» [3, Григорьев М.Н., с. 56].

3. «СМЛОП «Варандей» с 2008 г. осуществляется вывоз нефти круглогодично тремя танкерами ледового класса Arc 6, DW 73 тыс. т. ПАО «Совкомфлот». С 2016 г. перевалка осуществляется на рейде Кольского залива (до этого осуществлялась в Норвегии) по схеме борт-о-борт на судно-накопитель. Вывоз нефти осуществляется российскими и зарубежными танкерами, привлекаемыми на условиях фрахта» [3, Григорьев М.Н., с. 56].

4. «МЛСП «Приразломная». Растущий объём отгрузки обеспечивают два танкера ледового класса Arc 6 дедвейтом 70 тыс. т ПАО «Совкомфлот», построенные специально для этого проекта. Танкеры работают по челночной схеме, отвозя нефть к РПК Норд на рейде Кольского залива» [3, Григорьев М.Н., с. 56].

5. «Новопортовское месторождение (Обская губа). Для вывоза продукции запланировано строительство шести танкеров ледового класса Arc 7 — три строит ПАО «Совкомфлот», три — ПАО «Газпромнефть» (с последующей передачей в управление Совкомфлоту). Танкеры Совкомфлота уже работают на линии... По вывозу нефти также работают иностранные (Турецкая и греческая) компании, которые используют по два судна, ранее построенные для «Лукойл-Арктик» дедвейтом по 19,8 тыс. т, ледового класса Arc 5 / Arc 4. По оценкам экспертов после ввода всех шести танкеров сохранится потребность в аренде дополнительных судов» [3, Григорьев М.Н., с. 57].

6. Ямал СПГ. «Для вывоза продукции на верфи DSME в республике Корея построено 15 газозовозов. Головное судно «Кристоф Де Маржери» построено по заказу Совкомфлота... Остальные 14 судов построены по заказам зарубежных судоходных компаний, получивших контракты на транспортировку продукции до 2045 г. Шесть судов построено по заказу Teekay LNG Partners (Канада) и China LNG Shipping (Китай), пять судов построено для греческого альянса Dynagas и China LNG Shipping и Sinotrans (Китай), оставшиеся три — для Mitsui OSK Lines (Япония) и China Shipping Development (Китай)... Помимо этого, для обеспечения проекта заявлено фрахтование дополни-

тельных 11 судов ледового класса Arc 4... Транспортировкой газового конденсата будет заниматься Dynasom, двумя танкерами, которые в настоящее время строятся в Финляндии и Китае» [3, Григорьев М.Н., с. 59].

Таким образом, на трассе СМТК в настоящее время на регулярной основе осуществляют перевозку рудных материалов, угля, углеводородного сырья около 40 судов, по утверждённым контрактам на строительство в перспективе количество судов будет увеличиваться. Для обеспечения регулярного вывоза продукции сохранится потребность в аренде дополнительных судов с высоким ледовым классом, а также потребуется строительство дополнительных судов ледового класса Arc 7 в количестве не менее 20 единиц.

Проектные грузы для арктических проектов и каботажные перевозки

Рынок судовладельцев Архангельской области сложился много лет назад и главным образом ориентирован на транспортировку грузов по СМП, обеспечение территорий Крайнего Севера Сибири и Дальнего Востока России основными жизненно важными товарами, а также строительство и обустройство различных объектов и месторождений. За последние 5 лет поставки в порт Сабетта стали круглогодичными, что отразилось на судоходном рынке. В период 2014–2018 гг. региональные судовладельцы приобрели 18 новых судов водоизмещением от 8 до 18 тыс. т ледовым классом Arc4, Arc5. В настоящее время общее количество флота в регионе составляет около 300 единиц, включая суда типа река-море, танкеры, ледоколы и т.д. Из них круглогодичную навигацию выполняют около 45 грузовых судов российских судовладельцев.

Архангельские и Российские предприятия принимают непосредственное участие в проектах Арктики.

Проект Ямал СПГ оказал значительное влияние на развитие промышленной и транспортной инфраструктуры Архангельской области и позволил приобрести региональным компаниям опыт по участию в крупном международном проекте в арктических условиях. Оператор проекта и генеральные подрядчики на ранней фазе взаимодействовали с профессиональными объединениями. Например, с Ассоциацией поставщиков нефтегазовой промышленности «Созвездие» на регулярной основе проводились технические совещания «Дни подрядчика» по вопросам производства работ, поставок материалов, выстраиванию оптимальной логистической схемы по круглогодичной доставке грузов морским транспортом. Более 150 региональных предприятий приняли участие в проекте Ямал СПГ — выполняли строительство объектов портовой инфраструктуры, возводили технологические цеха на площадке завода СПГ, изготавливали крупногабаритные железобетонные и металлоконструкции, осуществляли поставки оборудования, строительных материалов. В период с 2014 по 2018 гг. ежегодно совершалось около 160 рейсов Архангельск — Сабетта, в среднем в интересах этого проекта по 800 тыс. т грузов в год завозилось через Архангельский транспортный узел.

В следующем проекте компании Новатэк — Арктик СПГ 2 региональные предприятия — члены Ассоциации «Созвездие», судоходные компании Архангельской области нацелены на уве-

личение грузопотока, что связано с логистическими особенностями проекта и выполнением высокотехнологичных работ по производству оборудования и расширению своего участия при возведении объектов центра строительства крупнотоннажных морских сооружений.

Порядка 36% грузов Архангельского транспортного узла составляют грузы по каботажным перевозкам в Арктическом бассейне, что позволяет говорить о наличии у Архангельского транспортного узла сложившегося профиля деятельности — перевозки в Российской Арктике. Эта специализация высоко востребована и во многих отношениях уникальна. В средствах массовой информации, аналитических обзорах, в том числе зарубежных, акцент делается в первую очередь на транзитных и экспортных перевозках. Однако изменившаяся конъюнктура мирового рынка может одновременно поставить под угрозу эти виды перевозок, в то время как каботаж выполняет не менее важную функцию для обеспечения интересов государства в Арктике, хотя он нередко оказывается недооценен.

В частности, через порт Архангельск и его транспортный узел обслуживаются объекты Министерства обороны, локализованные в Арктической зоне РФ, полярные станции, национальные парки, а также завозятся грузы для строительства и обслуживания нефтегазовых проектов. В последние годы объёмы перевозок и потребность в грузах не только не снижались, но и многократно возрастали. Именно эту функцию — обслуживание каботажных перевозок — архангельские предприятия успешно выполняют сегодня. В Архангельском транспортном узле созданы благоприятные условия для того, чтобы выполнять перевалку грузов в каботажном направлении в расширенном объёме. Региональные стивидорные компании и терминалы готовы в настоящее время к приёму, хранению и перевалке свыше 1,5 млн т дополнительных генеральных категорий грузов без существенных инвестиций.

Сегодня происходит постепенное обновление флота судоходных компаний региона и Архангельского филиала «Росморпорта».

Владельцами этих теплоходов являются архангельские транспортные предприятия ОАО «Северное морское пароходство», ООО «Реском Тюмень», владеющая Северным речным пароходством, а также «Эко Шипинг», входящая в группу «Арктик Консалтинг Сервис».

С 2013 по начало 2018 г. появились новые имена среди Архангельских судоходных компаний: ООО «ТК Северный проект», ООО «Севнор Менеджмент», ООО «Арктическое морское пароходство», в арсенале которых теплоходы усиленного ледового класса, с классификационными документами Морского Регистра, прошедшие модернизацию, оборудованные кранами грузоподъёмностью до 60 т.

Достаточно важный участник различных Арктических проектов — ОАО «Северное морское пароходство» — является одной из крупнейших российских компаний на Северо-Западе России, осуществляющих морские перевозки не только на территории РФ, но и по всему миру. Одно из её основных и перспективных направлений — трассы Северного морского пути.

«Миссия ОАО «Северное морское пароходство» заключается в том, чтобы занять лидирующее положение среди морских перевозчиков в тоннаже до 8 500 т в акватории Северного морского пути с закреплением ведущих позиций в Северо-Западном регионе России.

Преимуществом Северного морского пароходства является широкий спектр деятельности. Компания осуществляет морские линейные, мультимодальные и каботажные перевозки, доставку грузов на необорудованный берег, буксировку различных объектов, технический менеджмент, обеспечивает тренажерную подготовку экипажей, выполняет корректуру морских навигационных карт, пособий и руководств для плавания, снабжает суда плавания навигационными картами внутренних водных путей.

Флот Северного морского пароходства в основном имеет суда, предназначенные для лёгких ледовых условий, часть судов — усилена, что позволяет компании оставаться основным круглогодичным перевозчиком по порту Архангельск, в портах Скандинавии и Финского залива, на регулярной основе успешно работать на трассе Северного морского пути. Наличие ледового класса позволяет судам работать в районах с тяжёлыми ледовыми условиями. Соответственно, все эти преимущества позволяют производить работу в Арктике, на трассах СМП. В настоящее время на регулярной основе флот компании осуществляет морские перевозки в арктическом регионе, выполняя уникальные рейсы и задачи профессионально и грамотно, с учётом всех сложных погодных и технических условий.

Опыт участия ОАО «Северное морское пароходство» в арктических проектах с использованием трасс СМП позволяет компании эффективно и качественно предоставлять судоходные услуги в данном сегменте. Флот Северного морского пароходства обладает всеми необходимыми характеристиками для размещения и сохранной перевозки генеральных грузов, навалочных грузов, нефтеналивных грузов, грузов в контейнерах, а также накатной техники в Арктике»⁸.

С 2007 г. по настоящее время суда задействованы в процессе обустройства системы магистральных газопроводов Бованенково-Ухта, они осуществляют доставку обетонированных труб в Байдарацкую губу Карского моря.

В 2011 г. морские перевозки грузов по Северному морскому пути судами ОАО СМП приобрели новый характер за счёт уникальности перевозимых грузов. Так, из Норвегии на Сахалин в заполярный порт Тикси была осуществлена доставка крупногабаритного груза двумя теплоходами компании — оборудование для установки гидрометеостанции. Осенью того же года был совершён настоящий арктический поход с народнохозяйственными грузами по маршруту: Земля Франца-Иосифа, мыс Желания, бухта Солнечная, Диксон, Белушья губа, небольшие острова Северного Ледовитого океана. В конце 2011 г. на Варандей был доставлен груз с оборудованием и тяжёлой техникой для нефтяных проектов.

В 2012 г. осуществлены перевозки грузов в Якутию по заказу горной компании.

⁸ ОАО «Северное морское пароходство». URL: <http://www.ansc.ru/ru/company/info.shtm> (дата обращения: 04.11.2019).

В августе 2012 г. стартовала долгосрочная Государственная программа по экологической реабилитации островов архипелага Франца-Иосифа. Из Архангельска была доставлена тяжёлая техника. Впервые с архипелага Земли Франца-Иосифа был осуществлён вывоз арктического металлолома в октябре 2012 г.

С 2012 г. суда ОАО СМП активно задействованы в перевозках грузов в порт Сабетта, причём в ближайшее время ожидается значительное увеличение объёмов перевозок по этому направлению. Уже с 2014 г. работа флота компании в направлении порта Сабетта (в рамках проекта «Ямал СПГ») приобрела круглогодичный ритм. Объём каботажных перевозок вырос в три раза.

Буксирный ледокол «Норд» ежегодно совершает буксировку различных морских объектов из Архангельска на Шпицберген.

В 2013 г. теплоход «Инженер Трубин» принял участие в экспериментальной экспедиции по маршруту Тюмень — Сабетта — Китай — Новый Порт, совершив первый исторический рейс из строящегося порта Сабетта.

В 2014 г. по заказу Министерства обороны России ОАО «Северное Морское Пароходство» было активно вовлечено в процесс обустройства инфраструктуры в Арктике, став важным звеном в большой логистической цепочке. В рамках этой программы теплоходы «Иоганн Махмасталь» и «Инженер Вешняков» доставили строительные материалы на остров Врангеля и дальневосточный мыс Шмидта. Важно отметить, что выгрузка грузов осуществлялась в сложных климатических условиях на необорудованный берег. Впервые в истории СМП на Новосибирских островах в ноябре того же года состоялась вертолётная разгрузка теплохода «Инженер Трубин».

В 2015 г. наблюдается продолжение роста каботажных перевозок на арктическом направлении. Это реализуется в основном за счёт непрерывной высокопрофессиональной работы экипажей судов «С. Кузнецов», «Инженер Трубин», «Инженер Вешняков», «Иван Рябов» и других. В ноябре 2015 г. на Земле Франца-Иосифа в районе самой северной пограничной заставы России Нагурская с теплохода «С. Кузнецов» осуществили выгрузку вертолётами. 20-дневный уникальный рейс теплохода «С. Кузнецов» стал возможным в сложных арктических условиях благодаря ледовому классу, он прошел весь путь самостоятельно без ледокольного сопровождения.

Ямальский порт Сабетта в 2015–2016 гг. обеспечил самый большой объём каботажных перевозок в рамках проекта «Ямал СПГ». За это время ОАО «Северное морское пароходство» за счёт круглогодичных рейсов в этом направлении зарекомендовало себя в качестве специализированного и ответственного перевозчика.

По итогам 2016 г. флот ОАО СМП совершил 36 рейсов в Арктическом регионе, было перевезено более 160 тыс. т народнохозяйственных грузов. В географию перевозок также вошли Дудинка, Хатанга, Певек, бухты Солнечная и бухта Мод, земля Франца-Иосифа, Новая Земля. На трассе Северного морского пути активно были задействованы теплоходы «Инженер Вешняков», «Инженер Трубин», «С. Кузнецов», «Иван Рябов»⁹.

⁹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1/99.html> (дата обращения: 04.11.2019).

В 2016 г. теплоход «Капитан Миронов» впервые в Балтийском линейном сервисе судоходной компании осуществил заход на недавно открытый многофункциональный морской перегрузочный комплекс «Бронка» (ММПК «Бронка»), доставив из Антверпена оборудование, в том числе и негабаритное.

При обслуживании строительства пирса уникальной и единственной в мире плавучей атомной теплоэлектростанции «Академик Ломоносов» теплоходы ОАО «СМП» «С. Кузнецов» и «Иоганн Махмасталь» с января по ноябрь 2017 г. осуществили доставку в самый северный российский порт Певек из Архангельска более 16 000 т грузов.

В 2018 г. ОАО «Северное Морское Пароходство» продолжило своё активное участие в арктических проектах. В районе мыса Таналау на реке Енисей была произведена выгрузка теплохода «Иоганн Махмасталь» на припайный лёд. Впервые через припайный лёд Енисея было доставлено 2 500 т генеральных грузов для обустройства и разработки Пайяхского нефтяного месторождения на Таймыре. В тесном сотрудничестве со специалистами «Арктического и Антарктического научно-исследовательского института» и АО «Таймырнефтегаз» специалистами ОАО «СМП» была разработана техническая сторона проекта доставки грузов для Пайяхского нефтяного месторождения на Таймыре, учитывающая условия необходимости ледовой проводки, осуществляемой ФГУП «Атомфлот», сжатых сроков выгрузки, сложных климатических условий. Реализованная в сложных навигационных условиях четкая и слаженная работа моряков и транспортников свидетельствует о высокой готовности ОАО СМП к работе в Арктическом регионе.

Ещё один крупный участник Арктических проектов — Росатомфлот, его главная задача, которую он успешно выполняет, является ледокольное обеспечение крупных национальных арктических углеводородных проектов. Участие в подобных мегапроектах обеспечивает работой атомный ледокольный флот на несколько десятилетий. Например, контракт ФГУП «Атомфлот» с «Ямал СПГ» подписан до 2040 г.

«С февраля 2015 года Росатомфлот начал проводку судов для целей экспорта нефти с Новопортовского месторождения. В настоящее время проводки осуществляются в период с декабря по июнь.

25 мая 2016 года состоялось открытие терминала «Ворота Арктики» для морской отгрузки сырой нефти с Новопортовского месторождения. Терминал «Ворота Арктики», расположенный в акватории Обской губы в районе села Мыс Каменный, предназначен для круглогодичной отгрузки в танкеры нефти Новопортовского нефтегазоконденсатного месторождения. Терминал находится в пресных водах, толщина льда вокруг него в зимний период может превышать 2 метра — это потребовало применения уникальных технических решений, которые обеспечивают его надежную работу в условиях Крайнего Севера.

Максимальная мощность терминала по перевалке сырья составляет более 8,5 млн т в год, его технологическая схема обеспечивает «нулевой сброс» загрязняющих веществ в акваторию Обской губы»¹⁰.

Таблица 1

Арктические проекты с участием ФГУП «Атомфлот»

№	Проект и Оператор	Проектная мощность/год	Период, годы
1	Ямал СПГ, танкера СПГ + портофлот	20,0 млн т СПГ и газоконденсата	До 2040
2	Арктик СПГ-2	20 млн т СПГ и газоконденсата	2023–2045
3	Новопортовское месторождение Газпром-нефти	8,5 млн т сырой нефти	До 2040
4	Норильский Никель, п. Дудинка	1,5 млн т цветных и благородных металлов	До 2040
5	Уголь п-ва Таймыр	3 млн т угля	2020–2025
		10 млн т угля	2025–2040
6	Пайяхское месторождение сырой нефти	10 млн т нефти	2023–2040

Заключение

Таким образом, Северный морской путь является связующей нитью в масштабах страны между её западными районами и российским Дальним Востоком, в международном масштабе — между Европой и Азией. СМП интегрирует в единую транспортную систему крупнейшие речные артерии Сибири, создаёт условия для инфраструктуры морских портов, железнодорожных и речных меридиональных коммуникаций. Он обеспечивает нормальные условия жизни на северных территориях России, добычу полезных ископаемых, их транспортировку и экспорт, каботажное и транзитное судоходство.

Все исследования последнего десятилетия, относящиеся к СМП, рассматривали его как маршрут, где можно сэкономить большое время транзита или сократить количество судов [12, Хи Н., Yin Z., Jia D., Jin F., Ouyang H., с. 543].

В целом на основе анализа можно сделать вывод о том, что система транспорта нефти и газа в российской Арктике является достаточно развитой. Тем не менее, можно дать ряд рекомендаций о возможных направлениях развития систем транспорта нефти и газа в российской Арктике:

1. Глобальной и первостепенной задачей является восстановление и развитие транспортно-логистической инфраструктуры Северного морского пути, дальнейшее наращивание мощностей ледокольного флота. В частности, целесообразным видится дальнейшее развитие транспортного узла по транспортировке УВ по маршруту СМП на Обской губе, в том числе с использованием возможностей порта Сабетта и с привлечением уже существующей инфраструктуры полуострова Ямал. Кроме того, важным и перспективным направлением является развитие инфраструктуры СМП на его восточной части маршрута.

¹⁰ International Northern Sea Route Programme. URL: <https://www.fni.no/projects/international-northern-sea-route-programme-insrop> (дата обращения: 04.11.2019).

2. Учитывать при разработке стратегии развития арктической транспортной инфраструктуры фактор климатических изменений, основываясь исключительно на научно обоснованных и достоверных теориях и научных концепциях, разработанных при участии российских научных центров и исследовательских институтов.

Благодарности и финансирование

Публикация подготовлена в рамках проекта, получившего финансирование от ЕС DG NEAR (грантовое соглашение ENI/2017/387-477, проект «Развитие Института Северного измерения как экспертного хаба / Development of a think tank functions of the Northern Dimension Institute»).

Литература

1. Осипова Е.Э., Ширихина Е.Ю. Развитие транспортного потенциала северного морского пути посредством совершенствования логистической системы // Развитие Северо-Арктического региона: проблемы и решения. Материалы научной конференции профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. 2016. С. 639–643.
2. Лукин Ю.Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире: монография. Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. 281 с.
3. Григорьев М.Н. Международное сотрудничество в морских перевозках Российских Арктических минеральных ресурсов // Арктические ведомости. 2017. № 1 (20). С. 52–59.
4. Проблемы Северного морского пути / Совет по изучению производит. сил РАН; Центр. науч.-исслед. и проектно-конструкт. ин-т. мор. флота (ЦНИИМФ). М.: Наука, 2006. 581 с.
5. Østreng W., Jorgensen-Dahl A., Nansen F. The Northern Sea Route Project Pilot Studies Report. Fridtjof Nansen Institute. Oslo. 1991. 124 p.
6. Heininen L. Circumpolar International Relations and Geopolitics // Arctic Human Development Report. 2004. Pp. 207–225.
7. Milakovic A.-S., Gunnarsson B., Balmasov S., Hong S., Kim K., Schutz P., Ehlers S. Current Status and Future Operational Models for Transit Shipping along the Northern Sea Route // Marine Policy. 2018. No. 94. Pp. 53–60.
8. Смирнова О.О., Липина С.А., Кудряшова Е.В., Крейденко Т.Ф., Богданова Ю.Н. Формирование опорных зон в Арктике: методология и практика // Арктика и Север. 2016. № 25. С. 148–157.
9. Плисецкий Е.Е. Приоритеты развития Северного морского пути в стратегическом управлении и планировании // Арктика и Север. 2016. № 22. С. 101–111.
10. Brigham L.W. The Northern Sea Route, 1999–2000 // Polar Record. 2001. No. 37. Pp. 329–336.
11. Липина С.А., Череповицын А.Е., Бочарова Л.Н. Предпосылки формирования минерально-сырьевых центров в опорных зонах развития в Арктической зоне Российской Федерации // Арктика и Север. 2018. № 33. С. 29–39.
12. Xu H., Yin Z., Jia D., Jin F., Ouyang H. The Potential Seasonal Alternative of Asia–Europe Container Service via Northern Sea Route under the Arctic Sea Ice Retreat // Maritime Policy & Management. 2011. No. 38 (5). Pp. 541–560.

References

1. Osipova E.E., Shirikhina E.Yu. Razvitie transportnogo potentsiala severnogo morskogo puti posredstvom sovershenstvovaniya logisticheskoy sistemy [Development of the transport potential of the Northern Sea Route through the improvement of the logistics system]. *Razvitie Severo-Arkticheskogo regiona: problemy i resheniya. Materialy nauchnoy konferentsii professorsko-prepodavatel'skogo sostava, nauchnykh sotrudnikov i aspirantov Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta imeni M.V. Lomonosova* [The development of the North Arctic region: problems and solutions. Materials of the scientific conference of the faculty, researchers and graduate students of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov], 2016, pp. 639–643. (In Russ.)

2. Lukin Yu.F. *Rossiyskaya Arktika v izmenyayushchemsya mire: monografiya* [Russian Arctic in a Changing World]. Arkhangel'sk, NArFU Publ., 2013, 281 p. (In Russ.)
3. Grigor'ev M.N. International cooperation in shipping Russian Arctic mineral resources. *Arkticheskie vedomosti* [The Arctic Herald], 2017, no. 1 (20), pp. 52–59.
4. *Problemy Severnogo morskogo puti* [Problems of the Northern Sea Route]. RAS; CNIIMF, Moscow, Nauka Publ., 2006, 581 p.
5. Østreng W., Jorgensen-Dahl A., Nansen F. *The Northern Sea Route Project Pilot Studies Report*. Oslo, Fridtjof Nansen Institute, 1991, 124 p.
6. Heininen L. Circumpolar International Relations and Geopolitics. *Arctic Human Development Report*, 2004, pp. 207–225.
7. Milakovic A.-S., Gunnarsson B., Balmasov S., Hong S., Kim K., Schutz P., Ehlers S. Current Status and Future Operational Models for Transit Shipping along the Northern Sea Route. *Marine Policy*, 2018, no. 94, pp. 53–60.
8. Smirnova O.O., Lipina S.A., Kudryashova E.V., Kreydenko T.F., Bogdanova Yu.N. Formirovanie opornykh zon v Arktike: metodologiya i praktika [Creation of development zones in the Arctic: methodology and practice]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2016, no. 25, pp. 148–157.
9. Plisetskiy E.E. Prioritety razvitiya Severnogo morskogo puti v strategicheskom upravlenii i planirovanii [Priorities of the strategic management and planning of the Northern Sea Route]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2016, no. 22, pp. 101–111.
10. Brigham L.W. The Northern Sea Route, 1999–2000. *Polar Record*, 2001, no. 37, pp. 329–336.
11. Lipina S.A., Cherepovitsyn A.E., Bocharova L.N. Predposylki formirovaniya mineral'no-syr'evykh tsentrov v opornykh zonakh razvitiya v Arkticheskoy zone Rossiyskoy Federatsii [The preconditions for the formation of mineral and raw materials centers in support zones of the Arctic zone of the Russian Federation]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 33, pp. 29–39.
12. Xu H., Yin Z., Jia D., Jin F., Ouyang H. The Potential Seasonal Alternative of Asia–Europe Container Service via Northern Sea Route under the Arctic Sea Ice Retreat. *Maritime Policy & Management*, 2011, no. 38 (5), pp. 541–560.

УДК [37.014.54:314.114](943.8)(045)
DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.22

Развитие системы образования как фактор демографического развития регионов Крайнего Севера *

© СИНИЦА Арсений Леонидович, кандидат экономических наук, научный сотрудник

E-mail: sinitsa@econ.msu.ru

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация. Крайний Север является важным регионом, который в значительной степени определяет перспективы социально-экономического развития страны. Тем не менее, отдельной комплексной программы развития этой территории нет, а в существующих программах развития Арктической зоны РФ вопросы демографии и развития образования отражены очень слабо. На основе данных Росстата и экспертных оценок в статье рассматривается динамика возрастной и образовательной структур населения регионов Крайнего Севера. Особое внимание уделяется группе моложе 30 лет, поскольку она является основным потребителем услуг системы образования. Также затрагивается вопрос о том, как развитие системы образования может повлиять на демографическое и экономическое развитие Крайнего Севера. Показано, что с 1990 г. численность и доля молодёжи значительно сократилась и до 2035 г. продолжит сокращаться. Европейская часть Крайнего Севера показала худшую динамику по сравнению с Азиатской. Образовательная структура населения регионов Крайнего Севера близка к общей по стране, но доля населения со средним профессиональным образованием выше, хотя и снижается. Это отражает особенности экономики данного макрорегиона. Приведённые в статье примеры показывают, что развитие системы образования положительно повлияет на демографические и экономические показатели.

Ключевые слова: Крайний Север, уровень образования, система образования, государственная политика, молодёжь, возрастная структура населения, образовательная структура населения, социально-экономическое развитие.

The education system development as a factor in the demographic growth of the Far North of Russia

© Arseniy L. SINITSA, Cand. Sci. (Econ.), Research fellow

E-mail: sinitsa@econ.msu.ru

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. The Far North is an important area that, to a great extent, determines the prospects for the socio-economic development of Russia. Nevertheless, no particular synthetic development program for these territories has been worked out. Existing programs for the development of the Arctic zone of the Russian Federation pay very little attention to demography and education. Based on Rosstat data and expert assessments, the author considers the dynamics of the age and educational structures of the population of the Far North. Special attention is paid to the group under 30 years old since it is the primary consumer of the education services. The author also addresses the question of how the development of the education system affects the demographic and economic development of the Far North. It has been argued that since 1990 the number and proportion of young people have declined significantly and will continue to decline until 2035. The European part of the Far North has a much worse dynamic compared to the Asian one. The educational structure of the population of the Far North is close to the total in the country, but the propor-

* Для цитирования:

Синица А.Л. Развитие системы образования как фактор демографического развития регионов Крайнего Севера // Арктика и Север. 2019. № 37. С. 22–50. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.22

For citation:

Sinitsa A.V. The education system development as a factor in the demographic growth of the Far North of Russia. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 37, pp. 22–50. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.22

tion of the people with secondary vocational education is higher but declining. It reflects the economy features of this macroregion. The examples discussed in the article prove the development of education will have a positive effect on demographic and economic indicators.

Keywords: *the Far North, level of education, educational system, state policy, youth, the age structure of the population, educational structure of the population, social and economic development.*

Введение

В последние годы регионы Крайнего Севера ¹ притягивают к себе всё больше внимания. Причины такого интереса очевидны: наличие огромных запасов полезных ископаемых, биологических ресурсов и исключительная геополитическая важность региона. Это означает, что для освоения территорий Севера требуется высококвалифицированная рабочая сила, которая подготовлена к проживанию в суровых условиях.

Вопросы о том, как должен быть устроен рынок труда на Севере (следует привлекать как можно больше мигрантов или опираться преимущественно на местное население, какая должна быть доля каждой из групп и аналогичные), до сих пор в научной литературе не решены. В значительной степени это связано с большой межрегиональной дифференциацией внутри Крайнего Севера по многим социально-экономическим показателям, которая не позволяет рассматривать эти регионы обобщённо и вынуждает искать для каждого свой путь развития. Тем не менее, все сходятся в том, что местное население является одним из важнейших ресурсов развития, который необходимо использовать в процессе освоения этих территорий. Несмотря на все плюсы вахтового метода освоения, у него наблюдаются и значительные минусы: обезлюживание территорий, окончательный развал экономической и социально-культурной инфраструктуры, хищническое отношение к окружающей среде, поскольку для пришлого населения эта территория не является родной, и оно не обеспокоено её развитием. Следовательно, в настоящее время нельзя игнорировать местный контекст социально-экономического развития [1, Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю., с. 8], а в значительной степени он определяется поведением домохозяйств, поэтому на первый план выходит развитие соответствующей социальной инфраструктуры, к которой относится и система образования.

Формирование и повышение качества рабочей силы является одной из основных функций системы образования. В ней важны все уровни, поскольку более высокий опирается на предшествующие. Это означает, что её развитие в целом, равно как и её отдельных частей, должно являться одним из приоритетов социально-экономической политики. Особенно развитие системы образования важно в условиях постарения населения и снижения чис-

¹ Под Крайним Севером мы подразумеваем территории, указанные в Постановлении Совмина СССР от 10.11.1967 г. № 1029 «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 сентября 1967 г. "О расширении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера"» и Постановлении Совмина СССР от 03.01.1983 г. № 12 «О внесении изменений и дополнений в Перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, утверждённый Постановлением Совета Министров СССР от 10 ноября 1967 г. N 1029» (в современной редакции), в соответствии с административно-территориальным делением 2019 г.

ленности населения в трудоспособном возрасте. Тем не менее, среди приоритетов развития в официальных документах модернизации системы образования уделяется немного места.

Образование как приоритет развития регионов Крайнего Севера

Отдельного концептуального документа, посвящённого социальному развитию Крайнего Севера, нет, поэтому то, как в социально-экономической политике закреплён такой приоритет, будет показано на примере Арктической зоны РФ. В «Основах государственной политики Российской Федерации на период до 2020 г. и на дальнейшую перспективу (утв. Приказом Президента РФ от 18.09.2008 г. № Пр-1969)» в качестве основного экономического интереса для данной территории называется «использование Арктической зоны Российской Федерации в качестве стратегической ресурсной базы Российской Федерации, обеспечивающей решение задач социально-экономического развития страны». Однако органы власти арктических регионов считают, что для этих территорий необходимо устойчивое социально-ориентированное развитие, которое должно затрагивать все сферы. Специалисты согласны с таким подходом [2, Цукерман В.А., Горячевская А.С.].

Такой же (расширение ресурсной базы) является и главная цель «Основ» в сфере социально-экономического развития. В сфере образования главная цель затрагивает развитие высшего образования («обеспечение достаточного уровня фундаментальных и прикладных исследований»). Это может позволить поднять уровень образования и отчасти снизить миграционный отток населения, но без развития предшествующих уровней образования эта мера будет гораздо менее эффективной. Более того, для проведения исследований не обязательно привлекать местных специалистов, поэтому эта цель достаточно условно направлена на развитие образования. Стратегические приоритеты тоже касаются только высшего образования («совершенствование государственного управления... за счёт расширения фундаментальных и прикладных научных исследований в Арктике»).

Модернизация объектов системы образования является одной из основных мер по реализации государственной политики в области социально-экономического развития Арктической зоны РФ. Но об этом говорится лишь как об одном из направлений модернизации всей социальной инфраструктуры, куда также включаются организации здравоохранения и жилищное строительство. Второй мерой названа подготовка и переподготовка специалистов в системе высшего и среднего профессионального образования для работы в арктических условиях. Совершенствование образовательных программ для коренного населения Арктической зоны РФ является третьей и последней мерой. В сфере науки и технологий одной из мер является проведение исследований в различных областях знаний. Для столь важного документа о развитии системы образования, в нём говорится слишком мало, особенно если учесть, что современная экономика является экономикой знаний. В «Основы» можно было бы включить и другие меры, связанные с развитием системы образования: повышение каче-

ства общего образования, развитие системы профессиональной ориентации, стимулирование к переезду в эти регионы талантливых преподавателей и другие.

Отдельно следует отметить, что в «Основах» совершенно не выделяются демографические особенности и проблемы данных территорий. Это достаточно странно, поскольку без решения демографических вопросов (необходимо увеличивать или уменьшать численность населения, на сколько, какими должны быть демографические структуры населения и прочие) говорить о стратегических приоритетах развития территорий и механизмах реализации государственной политики имеет мало смысла. Например, в сфере образования в таком случае нельзя прогнозировать входящий и исходящий потоки населения, затраты на развитие системы образования, необходимое число работников в ней и многие другие показатели, которые оказывают заметное влияние на выбор приоритетов и путей их достижения.

Для исполнения «Основ» была разработана «Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года (утв. Президентом РФ 08.02.2013 г. № Пр-232)», которая в значительной степени повторяет их положения. Тем не менее, в ней отмечается наличие отрицательных демографических процессов и несоответствие сети образовательных организаций характеру и динамике расселения, что является угрозой в социальной сфере. Также угрозой являются отсутствие эффективной системы подготовки кадров и дисбаланс между спросом и предложением рабочей силы в профессиональном отношении. Однако среди направлений совершенствования государственного управления социально-экономическим развитием Арктической зоны РФ меры, направленные на развитие системы образования, предусмотрены не были. Такие меры были включены в направления улучшения качества жизни населения. К ним были отнесены модернизация объектов инфраструктуры системы образования, развитие образования и обеспечение подготовки, переподготовки и повышения квалификации в системе высшего и среднего профессионального образования по ряду направлений, совершенствование образовательных программ для коренного населения, обеспечение сбалансированности рынка труда, переобучение трудоспособных безработных. Значительное число направлений было предусмотрено в целях развития науки и технологий. Однако они касаются исследований (в том числе международных), а не развития системы образования. В «Стратегии» положения «Основ» были конкретизированы и дополнены, что позволило получить гораздо более подходящий для работы документ.

План мероприятий по реализации «Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года (утв. Председателем Правительства РФ 16.10.2013 г. № 6208п-П16 и 30.08.2016 г.)» (опубликован не был) представляет собой перечень мероприятий, реализация которых позволит достичь целей «Стратегии». Однако эти документы в отношении системы образования крайне скромны. Например, во втором Плане приведено всего два мероприятия, которые к тому же имеют достаточно невнятные и обтекаемые формулировки: создание условий для развития системы образования

на территории Арктической зоны РФ и обеспечение субъектов РФ, которые полностью или частично входят в состав Арктической зоны РФ, трудовыми ресурсами в соответствии с их потребностями. Мероприятия, направленные на развитие науки, высоких технологий и инноваций, не включают в себя действий, направленных на развитие системы образования.

Последний документ, который мы рассмотрим, — это государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ на период до 2020 года» (утв. Постановлением Правительства РФ от 31.04.2014 г. № 366). Она является одним из механизмов реализации «Стратегии». Среди стратегических приоритетов, которые указаны в данной программе, развитие системы образования отдельно не упоминается. Среди приоритетных направлений выделяется развитие науки и технологий, но про развитие системы образования тоже ничего не говорится. Возможно, это включено в комплексное социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ. Среди целей и задач программы развитие системы образования отсутствует. При обсуждении характеристик субъектов РФ, относящихся к Арктической зоне РФ, и перспектив их развития вопросы образования иногда затрагиваются, но они касаются лишь высшего профессионального образования.

На территории Арктической зоны РФ действуют все прочие государственные программы (например, программы «Развитие образования на 2013–2020 годы» и «Развитие науки и технологий на 2013–2020 годы»). Эти программы действуют и на территории регионов Крайнего Севера, но и те, и другие недостаточно представлены в них.

Отсутствие отдельной комплексной программы развития, в которой отдельно были бы прописаны и вопросы развития системы образования, для всего Крайнего Севера отчасти можно объяснить большой межрегиональной дифференциацией. В результате приходится использовать региональные программы, которых достаточно много и они сильно различаются по качеству, однако их рассмотрение требует отдельной статьи. Тем не менее, такая программа необходима, поскольку эти регионы объединены рядом параметров, особенно в социальной сфере.

Если суммировать сказанное выше, то можно заключить, что вопросы развития системы образования не входят в число основных приоритетов и многие важные аспекты не получают должного освещения. В первую очередь это касается образовательной структуры населения, её динамики и особенностей в зависимости от пола и возраста человека. Вторым недостаточно рассмотренным аспектом является динамика численности отдельных групп населения в возрасте до 30 лет, поскольку они являются основными потребителями услуг системы образования. Знание этой информации необходимо для прогнозирования предложения труда по уровням образования и развития системы образования. О влиянии образования на социально-экономические аспекты жизни населения на Крайнем Севере в литературе не говорится достаточно подробно и при принятии решений в сфере государственного и муниципального управления не учитываются многие нюансы.

В связи с этим данная работа преследует две цели. Во-первых, мы рассмотрим возрастную и образовательную структуры населения регионов Крайнего Севера и на основе анализа их динамики определим основные проблемы развития системы образования в этих регионах, которые зависят от демографического фактора, а также способы их решения. Во-вторых, мы попытаемся кратко осветить вопрос о том, как развитие системы образования может повлиять на демографические процессы этих территорий.

Предмет и метод исследования

Перед органами власти в регионах Крайнего Севера стоит непростая задача: им надо обеспечить качественной рабочей силой не только текущие потребности, но и масштабные экономические проекты, которые важны для всей страны. Для решения проблемы активно привлекаются внутренние и внешние мигранты, но потенциал местного населения используется в недостаточном объёме. Как будет показано ниже, возрастная структура населения в регионах Крайнего Севера моложе по сравнению со средней по России, поэтому можно предположить, что значительный объём эмиграции, о которой много говорится, связан именно с получением образования. Следовательно, повысив уровень образования населения, можно не только покрыть часть потребностей в трудовых ресурсах, но и решить некоторые социальные проблемы, в первую очередь связанные с безработицей и эмиграцией.

На основе данных Росстата и экспертных оценок мы рассматриваем динамику численности населения (в том числе, перспективную, до 2035 г.) регионов Крайнего Севера и его образовательный уровень. В статистическом бюллетене «Социальные и экономические показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» многие данные по пяти- и однолетним возрастным группам отсутствуют, поэтому нашим источником информации являются материалы переписей населения 2002² и 2010³ гг., микропереписи населения 2015⁴ г., а также сведения, полученные из единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС)⁵. Мы рассматриваем не число учащихся, а возрастные

² Население по полу и возрастным группам по субъектам РФ. URL: http://www.perepis2002.ru/ct/doc/02-02_new.xls. (дата обращения: 11.11.2019). Все население, городское, сельское по уровню образования, полу и возрастным группам. URL: http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_03_01.xls (дата обращения: 11.11.2019). Население по уровню образования, полу и возрасту по субъектам РФ. URL: http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_03_03.xls (дата обращения: 11.11.2019).

³ Население по возрастным группам и полу. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol2/pub-02-02.xlsx (дата обращения: 11.11.2019). Население по возрастным группам, полу и уровню образования по субъектам РФ. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol3/pub-03-01.xlsx (дата обращения: 11.11.2019).

⁴ Население, принявшее участие в микропереписи по полу и возрастным группам. URL: [http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/01/01-01_\(%D0%B0%D0%B1%D1%81\).xlsx](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/01/01-01_(%D0%B0%D0%B1%D1%81).xlsx) (дата обращения: 11.11.2019). Население, принявшее участие в микропереписи, по полу, возрастным группам и уровню образования. URL: [http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/02/02-01_\(%D0%B0%D0%B1%D1%81\).xlsx](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/02/02-01_(%D0%B0%D0%B1%D1%81).xlsx) (дата обращения: 11.11.2019).

⁵ Численность постоянного населения — женщин по возрасту на 1 января (человек). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33459> (дата обращения: 11.11.2019). Численность постоянного населения —

группы, чтобы понимать, на какой максимум обучающихся следует рассчитывать системе образования.

База данных статистики муниципальных образований очень бедная, да и в базе микроданных микропереписи 2015 г. из-за маленького размера выборки по муниципальным образованиям данных нет, поэтому для составления динамических рядов данных мы вынуждены рассматривать регион целиком. При анализе Амурская, Тюменская (без АО) области, Республика Алтай, Забайкальский, Пермский, Приморский края были исключены, поскольку доля населения, проживающего в районах Крайнего Севера, в них мала. Это преимущественно сельские территории, в которых показатели социально-экономического развития заметно отличаются от средних по региону. Остальные регионы по нескольким причинам мы рассматриваем целиком. Во-первых, доля населения, которое проживает в районах Крайнего Севера, заметно выше, и отличия от средних по региону показателей меньше. Во-вторых, жители данных территорий в основной массе едут на учёбу в столицу своего региона, поэтому их система образования в значительной степени работает на развитие Крайнего Севера.

В-третьих, в этих регионах больше вузов расположено в районах Крайнего Севера. По аналогии с Арктической зоной РФ мы выделяем Европейскую и Азиатскую части Крайнего Севера. К первой относятся Архангельская, Мурманская области, Республика Карелия, Коми, Ненецкий АО, ко второй — Иркутская, Магаданская, Сахалинская, Томская области, Республики Бурятия, Саха (Якутия), Тыва, Камчатский, Красноярский, Хабаровский края, Ханты-Мансийский АО, Чукотский АО, Ямало-Ненецкий АО.

Мы рассматриваем все возрастные группы, но особое внимание уделяем динамике численности населения до 30 лет. К этому времени получение образования в основном завершено, и число тех, кто переходит на следующую ступень системы образования в более старших возрастах, незначительно. Наиболее интересны для нас следующие возрастные группы: 0–6,5, 6,5–18, 18–23, 0–30 лет. Как и прочие возрастные группы, группа моложе 30 лет подвержена циклическим колебаниям, связанным с динамикой половозрастной структуры населения, и изменение численности этой группы оказывает заметное влияние на реализацию государственной политики.

Возрастная структура населения регионов Крайнего Севера

На рисунке 1 представлена динамика численности детей в дошкольном возрасте (0–6,5 лет) в 1990–2018 гг. За рассматриваемый период число детей сократилось в целом по стране на 22,5%, но в регионах Крайнего Севера сокращение было больше — 36,5%. Особенно сильно это число снизилось в Европейской части (на 51,0%) против 32,2% в Азиатской части. Можно выделить две основные причины снижения: сокращение числа рождений и отъ-

езд населения репродуктивного возраста в регионы с более комфортными условиями проживания. Если сравнивать городскую и сельскую местности, то во второй, несмотря на более высокий суммарный коэффициент рождаемости, итоговое снижение больше из-за отъезда населения, причём в регионах Крайнего Севера различия меньше, поскольку в них население активно уезжало и из городов.

Из рисунка видно, что можно выделить три периода: 1990–2001, 2002–2016 (2015 для Европейской части) и 2016 / 2017–2018 гг. Основное снижение пришлось на первый период, в котором социально-экономические условия были наиболее неблагоприятными: в стране число детей снизилось на 45,5%, а на Крайнем Севере — на 51,6% (на 56,5% в Европейской части и на 50% — в Азиатской). Последовавший рост не смог компенсировать сокращение. К 2016 / 2017 гг. число детей в стране в целом увеличилось лишь на 46,2% и на 36,4% в регионах Крайнего Севера. Рост в Европейской части был маленьким (всего 20,4%). Рост в Азиатской части был больше (40,7%), но тоже ниже среднего по России уровня. С 2016 / 2017 гг. из-за снижения числа рождений число детей в дошкольном возрасте начало сокращаться. Наряду с продолжающейся эмиграцией на сокращение влияет то, что в репродуктивный возраст вступают малочисленные поколения, рождённые в 1990-е гг., и с течением времени их доля во всём населении в репродуктивном возрасте будет увеличиваться. Это позволяет утверждать, что в ближайшие 10–15 лет число детей в дошкольном возрасте будет сокращаться. В целом по стране потери в городской местности были гораздо меньше по сравнению с сельской (18,8% против 31,4%). В регионах Крайнего Севера разрыв был меньше, так как потери составили 34,8% в городской местности и 41,3% в сельской.

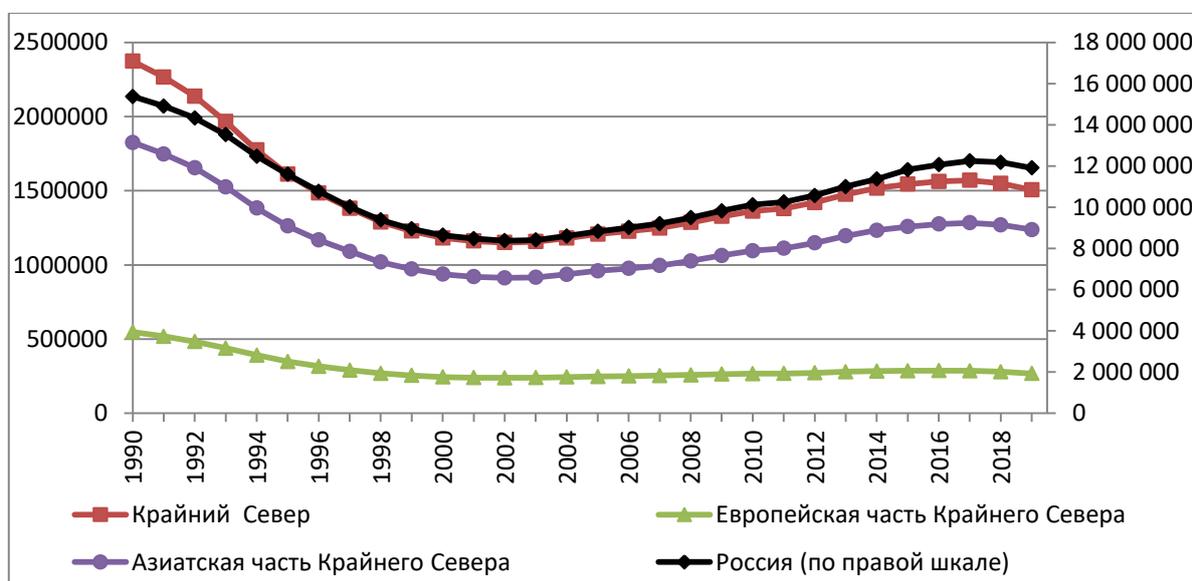

Рисунок 1. Число детей в дошкольном возрасте на Крайнем Севере на 1 января 1990–2019 гг.

Если спуститься на региональный уровень, то число детей за весь период сократилось в меньшем объёме, чем по стране в целом, лишь в добывающих Ханты-Мансийском АО (на 13%) и Ямало-Ненецком АО (на 21,4%), а также в регионе с высокой рождаемостью — Республика Тыва (на 10,3%). В Томской области с ориентацией на добывающую промышлен-

ность снижения составила 27,0%. В остальных регионах число детей сократилось более чем на 30%. Наибольшим снижением было в слабо развитых добывающих регионах с тяжёлыми условиями проживания — Чукотском АО (на 76,4%) и Магаданской области (на 75,9%), причём последний регион является единственным регионом, в котором число детей сокращалось в каждом периоде. Более чем на 50% число детей снизилось также в связи с ориентацией на добывающую промышленность Мурманской области (на 56,4%), Республике Коми (на 52,3%) и аграрно-промышленном Камчатском крае (на 54,1%).

В отношении числа детей в школьном возрасте (6,5–18 лет) картина несколько иная. В стране в целом число детей в этом возрасте увеличивалось до начала 1997 г. (рост составил 9,8%) и лишь после того, как в школьный возраст стали вступать малочисленные поколения 1990-х гг. рождения, их число стало сокращаться (рис. 2). Сокращение продлилось до начала 2013 г. и составило 41,6%. С 2013 г. фиксируется рост числа детей в школьном возрасте, который в настоящее время составил 15%, но ещё будет повышаться. В целом за период число детей сократилось на 26,2%, но в городской местности потери были немного больше по сравнению с сельской (27,3% против 23,2%).

Регионы Крайнего Севера показали гораздо более неблагоприятную динамику. В них первоначальный рост продолжался лишь до 1994 г. и составил всего 3,8% (2,6% в Европейской части и 4,2% — в Азиатской). При этом в семи регионах снижение наблюдалось уже в этот период. Снижение числа детей, которое началось в 1994 г., продолжалось до начала 2011. Вероятно, это связано с тем, что повышательный тренд прервался уже в 1994 г., и число детей не успело сильно увеличиться. По сравнению со средним по России значением, снижение было сильнее и составило 46,5% (54,9% в Европейской части и 44,0% — в Азиатской). С 2011 г. рост возобновился, но за больший период времени число детей в школьном возрасте возросло в меньшем объёме — на 14,2% (10,1% в Европейской части и 15,2% — в Азиатской). Для Азиатской части это единственный период, в котором она смогла показать значения выше средних по стране. В Европейской части во все периоды показатели были гораздо хуже средних. За 1990–2018 гг. число детей в школьном возрасте на Крайнем Севере сократилось на 36,7% (49,1% в Европейской части и 32,8% — в Азиатской), однако повышательный тренд в настоящий момент продолжается, поэтому итоговые значения будут несколько лучше. Насколько лучше, мы сможем сказать лет через пять – семь.

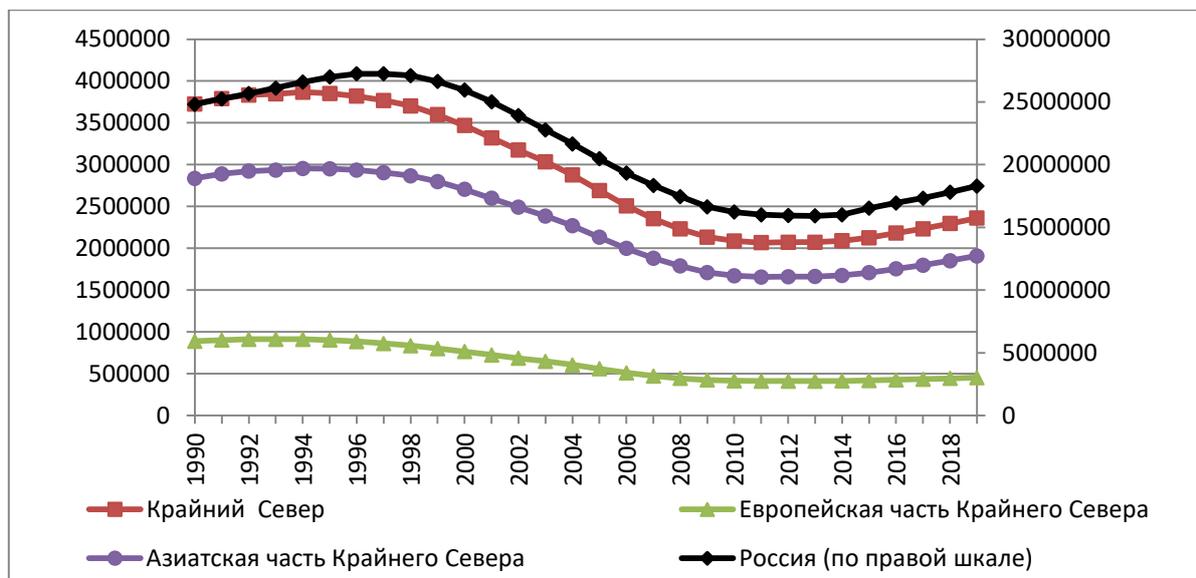

Рис. 2. Число детей в школьном возрасте на Крайнем Севере на 1 января 1990–2019 гг.

Среди регионов с наименьшими потерями следует выделить два региона: Республика Тыва (1,9%) и Ханты-Мансийский АО (3,0%). В первом регионе решающую роль оказала высокая рождаемость на фоне низкого уровня жизни и высокой доли сельского населения, а во втором — высокий уровень жизни, который вызван специализацией региона на добыче углеводородов. В экономически благополучном Ямало-Ненецком округе потери составили 13,3%. В остальных регионах потери составили более 25%. Наибольшими потери были в ориентированных на добычу полезных ископаемых Магаданской области (75,6%) и Чукотском АО (76,0%). Они связаны со значительным миграционным оттоком в 1990-е гг. Достаточно высокими потери были в добывающих Мурманской (54,5%), Сахалинской (53,2%) областях, Республике Коми (51,0%) и аграрно-промышленном Камчатском крае (55,9). В них тоже основную роль сыграла миграция. В остальных регионах потери были менее 50%. Начиная с 2011 г. рост числа детей отмечался во всех регионах без исключения.

Численность молодёжи в возрасте 18–23 лет (наиболее вероятный возраст получения высшего образования) по стране в целом увеличивалась вплоть до начала 2006 г., что объясняется динамикой рождаемости (см. рис. 3). Рост составил 28,8%, но затем последовало снижение на 44,6%, поэтому за весь период численность молодёжи снизилась на 28,7%. В городской местности снижение было заметно больше по сравнению с сельской (33,4% против 12,2%).

В регионах Крайнего Севера увеличение численности молодёжи тоже продолжалось до 2006 г., но рост был меньше и составил всего 19,2%. В Европейской части рост составил совсем незначительную величину — всего 6,9% против 24,1% в Азиатской части. Последовавшее затем снижение было больше, чем по стране в целом (47,1%), поэтому за весь период снижение составило 37,0%, что заметно превосходит среднероссийский уровень. Снижение в Европейской части (54,7%) было гораздо большим по сравнению как со средним по стране уровнем, так и по сравнению с Азиатской частью (45,4%). В результате за весь период

численность молодёжи в Европейской части сократилась более чем наполовину (на 51,5%), тогда как в Азиатской части снижение составило лишь 32,3%. Если сравнивать городскую и сельскую местности, то в регионах Крайнего Севера потери были больше в обоих случаях, но в городской местности ближе к средним по России значениям. Для городской местности потери составили 38,2%, для сельской — 32,4%. В Европейской части показатели были заметно хуже как в городской, так и в сельской местностях, поскольку потери составили 50,5% и 55,7% соответственно. В Азиатской части потери в городской местности были близки к среднему по стране уровню (34,0%), а в сельской местности были выше среднего, но гораздо ниже по сравнению с Европейской частью (25,7%).

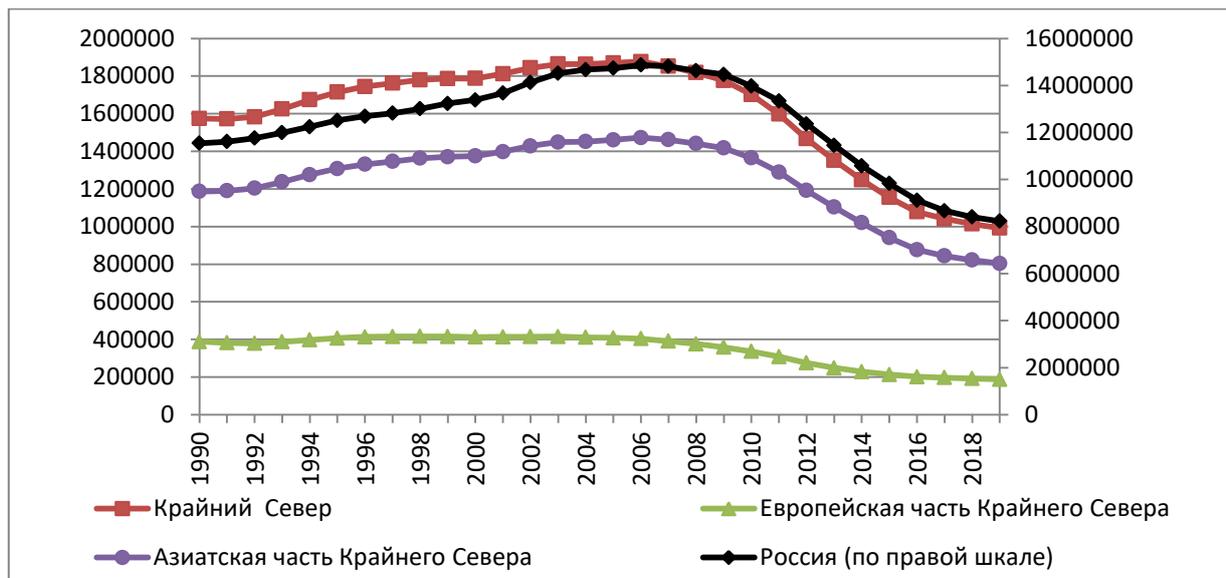

Рис. 3. Численность молодёжи в возрасте 18–23 лет на Крайнем Севере на 1 января 1990–2019 гг.

Межрегиональные различия в отношении динамики численности этой группы являются наибольшими среди всех рассматриваемых возрастных групп. Такое положение можно объяснить тем, что она в наибольшей степени зависит от миграции, которая связана с получением образования. В Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком АО отмечался значительный итоговый прирост: 31,3% и 33,8% соответственно. Это единственный случай итогового прироста по всем регионам и по всем группам, правда, это произошло за счёт роста в первом периоде более чем на 120%. Относительно небольшие потери были отмечены в Ненецком АО (14,3%) и Республике Саха (Якутия) (20,7%). Прочие регионы потеряли более трети молодёжи. Наибольшими потери были в Магаданской области (75,8%) и Чукотском АО (66,7%). Более половины молодёжи в возрасте 18–23 лет потеряли также Мурманская область (57,1%), Республика Коми (53,7%) и Камчатский край (56,5%).

Несмотря на наличие для определённых возрастных групп периодов увеличения их численности, за 1990–2018 гг. численность населения моложе 30 лет заметно снизилась (рис. 4). В целом по стране сокращение составило 23,7%. При этом численность этой группы увеличилась только на 1 января 2015 г., когда было учтено население Республики Крым и г. Севастополь. Во все остальные годы численность сокращалась. В городской местности сокра-

щение составило 23,5%, а в сельской — 24,2%, что позволяет говорить о равномерной убыли населения в разных местностях. Доля населения моложе 30 лет во всем населении за этот период тоже сократилась. Если на 1 января 1990 г. она составляла 44,6%, то на 1 января 2019 г. лишь 34,2%. В городской местности доля была изначально ниже (38,1%) и снизилась до 29,1%, тогда как в сельской местности она была выше (44,5%), но снижение произошло на близкую величину (до 35,2%).

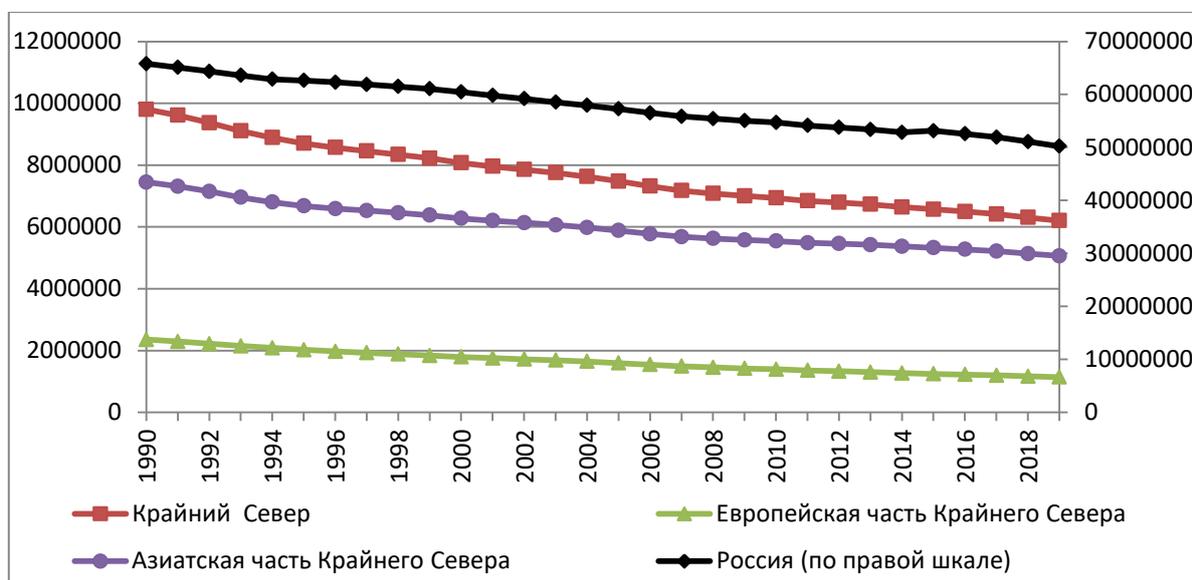

Рис. 4. Численность населения моложе 30 лет на Крайнем Севере на 1 января 1990–2019 гг.

В регионах Крайнего Севера доля молодёжи тоже снизилась, причём численность молодёжи снижалась каждый год без исключения. Снижение было заметно больше и составило 36,7%. В Европейской части регионы потеряли 51,5% молодёжи, тогда как в Азиатской — лишь 32,1%, что тоже является значительной величиной. В городской местности потери в целом были ниже (35,9%). Это касается как Европейской, так и Азиатской частей, где потери составили 49,4% и 31,4% соответственно. В сельской местности потери были выше (39,6%), но регионы, расположенные в Европейской части потеряли 59,7% населения моложе 30 лет, а в Азиатской части значительно меньше — 34,3% молодёжи.

Доля молодёжи во всем населении в регионах Крайнего Севера изначально была гораздо выше (50,3%), причём разница между Европейской (48,5%) и Азиатской (51,0%) частями была незначительной. За рассматриваемый период снижение её доли в регионах Крайнего Севера было сильнее, и на конец периода она составляла 37,5%. Разница между Европейской и Азиатской частями увеличилась за счёт большего снижения доли молодёжи в Европейской части, где на 1 января 2019 г. она составила 33,8% против 38,5% в Азиатской. Доля молодёжи в Европейской части стала ниже среднего по стране уровня. Различия между городской и сельской местностями были незначительными на протяжении всего периода. На начало периода доля молодёжи в городской и сельской местностях составляла 49,9% и 51,6% соответственно, а на конец периода — 37,1% и 38,7%. В городской местности различия между Европейской и Азиатской частями не превышали трёх-четырёх процентных пунктов

(48,5% и 50,4% в 1990 г., 34,4% и 37,9% в 2019 г.), тогда как в сельской местности они увеличились со схожих значений до почти десяти процентных пунктов (48,3% и 52,6% в 1990 г., 31,0% и 40,3% в 2019 г.).

На региональном уровне наименьшие потери были отмечены в Ханты-Мансийском АО (9,7%) и Республике Тыва (11,9%). В первом случае это связано с высоким уровнем жизни, который препятствовал эмиграции, а во втором — с высокой рождаемостью. Относительно небольшими потерями были в Ямало-Ненецком АО (20,7%) и Республике Бурятия (26,6%) — регионах с высокой долей добывающих отраслей, а также в локальном центре притяжения — Томской области (24,5%). В прочих регионах потери составили более 30%. Наибольшими потерями были в Магаданской области (76,1%) и Чукотском АО (76,4%). Они вызваны активной эмиграцией из этих регионов. Эмиграция привела к значительным потерям и в Мурманской (56,9%), Сахалинской (50,9%) областях, Республике Коми (54,0%), Камчатском крае (55,7%). В прочих регионах потери составили менее 50%.

Подводя итоги этого раздела, отметим, что регионы Крайнего Севера за 1990–2018 гг. понесли большие демографические потери, которые очень негативно влияют на перспективы их развития. На начало периода в этих регионах доля молодёжи и её отдельных возрастных групп была выше по сравнению со страной в целом. Активная эмиграция и снижение рождаемости привели к тому, что на начало 2019 г. её доля стала маленькой. В регионах с высоким уровнем жизни, ориентированных на добычу полезных ископаемых, ситуация в целом лучше. Транспортная доступность региона скорее помогала сохранить население, так как потери были выше преимущественно в регионах с более низкой транспортной доступностью, хотя в Европейской части гораздо большее влияние оказало ухудшение экономических условий. В Европейской части потери выше по сравнению с Азиатской. Также потери выше в городской местности, чем в сельской.

Дальнейшие перспективы динамики этой возрастной группы продолжают оставаться негативными. На основе прогноза численности населения до 2050 г., выполненного под руководством В.Н. Архангельского [3], и наших дооценок мы можем утверждать, что её численность до 2035 г. продолжит сокращаться.

К концу 2035 г. в стране в целом численность молодёжи до 30 лет составит примерно 44,7–48,0 млн человек, а её доля — 32,4% до 34,8%. Это означает, что снижение численности продолжится. До 2022 г. оно будет очень резким (до 48,5–49 млн человек). В 2026–2031 гг. из-за демографической волны снижение замедлится и будет незначительным (около 250–300 тыс. человек), после чего оно продолжится более быстрыми темпами. При сохранении имеющихся тенденций основной вклад в снижение внесёт группа моложе 6,5 лет (она будет сокращаться на протяжении всего периода и к его концу сократится более чем на треть). Число детей в школьном возрасте будет расти до 2025 г., а затем быстро снижаться. Численность молодёжи в возрасте от 18 до 23 лет будет увеличиваться с 2023 г. до конца периода и прирост будет значительным.

В отношении регионов Крайнего Севера ожидается несколько иная картина. Население в возрасте до 30 лет снизится до 5,4–5,8 млн человек, но это снижение из-за более высокой миграции будет проходить без плоского участка в середине периода. На конец периода доля молодёжи составит 36,1–38,7%. Вклад основных возрастных групп в общую динамику численности молодёжи будет примерно таким же, как и по стране в целом.

Образовательная структура населения Крайнего Севера

Как было показано в предыдущем разделе, возрастная структура населения регионов Крайнего Севера моложе, чем по стране в целом, при этом образовательная структура близка к средней по стране (см. табл. 1). Чтобы понять, хорошо это или плохо, необходимо учитывать особенности экономики регионов Крайнего Севера, для которой необходимо много работников со средним профессиональным образованием.

Таблица 1

Образовательная структура населения России и регионов Крайнего Севера

	Послеу- зловское	Высшее профес- сиональное	Неполное высшее	Среднее про- фессиональное	Общее (среднее полное)	Более низкий уровень обра- зования
Всё население						
2002						
РФ	0,3	15,7	3,1	39,8	17,5	22,5
Крайний Север	0,2	14,5	3,0	42,5	17,9	21,2
Европейская часть	0,2	12,9	2,3	46,7	15,6	21,8
Азиатская часть	0,2	15,0	3,2	41,2	18,6	21,1
2010						
РФ	0,6	22,1	4,4	35,7	17,7	16,5
Крайний Север	0,6	20,5	4,3	37,2	17,8	16,5
Европейская часть	0,5	18,1	3,3	41,4	15,9	17,0
Азиатская часть	0,6	21,2	4,6	36,0	18,4	16,3
2015						
РФ	0,4	25,3	2,8	40,1	17,8	13,2
Крайний Север	0,4	24,3	2,9	41,1	17,7	13,2
Европейская часть	0,2	20,8	2,1	46,1	16,1	14,2
Азиатская часть	0,5	25,3	3,1	39,5	18,2	12,9
Население моложе 30 лет						
2002						
РФ	0,2	10,2	6,7	31,6	25,2	25,1
Крайний Север	0,1	9,3	5,7	31,4	25,5	27,4
Европейская часть	0,1	8,3	4,4	36,0	22,3	28,4
Азиатская часть	0,1	9,7	6,1	30,1	26,4	27,1
2010						
РФ	0,6	19,7	11,8	27,0	20,3	17,8
Крайний Север	0,6	17,4	10,1	27,5	21,1	20,2
Европейская часть	0,5	15,5	8,1	32,7	18,7	20,6
Азиатская часть	0,6	17,9	10,6	26,2	21,8	20,1
2015						
РФ	0,3	25,1	7,6	28,4	20,7	17,5

Крайний Север	0,3	21,9	6,9	29,3	21,1	20,1
Европейская часть	0,1	19,5	5,1	36,0	17,9	21,1
Азиатская часть	0,3	22,6	7,4	27,6	21,9	19,8

Примечание: если сумма по строке меньше 100%, остаток приходится на тех, кто не указал свой уровень образования.

Из таблицы видно, что доля населения с послевузовским образованием росла, но продолжила оставаться менее одного процента, и различия между страной в целом и регионами Крайнего Севера были незначительными⁶. Рост среди тех, кто моложе 30 лет, был несколько выше.

В высшем профессиональном образовании можно выделить три тенденции, которые объясняют рост доли населения с таким образованием при снижении доли населения в возрасте 18–23 лет.

Во-первых, вступление России в Болонский процесс привело к появлению в высшем образовании двух новых ступеней (бакалавриат и магистратура), каждая из которых является полным высшим образованием, но продолжительность обучения на бакалавра короче обучения на специалиста. В результате доля специалистов снижается. Так, если в 2010 г. доля специалистов среди всего населения составляла 93,4%, а на Крайнем Севере — 93,8%, то в 2015 г. — 91,5% и 92,8% соответственно. Среди молодёжи до 30 лет цифры ещё более показательные: 84,6% и 87,1% в 2010 г., и 80,3 % и 82,2% в 2015 г. При этом становиться магистрами имеют возможность и хотят далеко не все.

Во-вторых, увеличение числа частных вузов и введение ЕГЭ, что выразилось в снижении требований для поступления в вуз и привело к тому, что получить высшее образование стало проще.

В-третьих, несмотря на некоторую девальвацию высшего образования из-за снижения качества обучения, престиж высшего образования возрос как из-за требований работодателей, так и из-за снижения престижа рабочих специальностей.

В регионах Крайнего Севера доля лиц с высшим образованием ниже средней по стране примерно на полтора – два процентных пункта, однако это связано с низкими значениями в Европейской части, которые ниже общероссийского уровня на четыре-пять процентных пунктов, тогда как различия между Азиатской частью и всей страной не превышают одного процентного пункта. Следует отметить, что различия в возрастной группе моложе 30 лет изначально были не столь велики, но с течением времени значительно увеличились. Это может свидетельствовать об эмиграции населения с высшим образованием из регионов Крайнего Севера или о сложностях с получением образования у населения, которое в них проживает. В перспективе это негативно повлияет на социально-экономическое развитие данного макрорегиона и всей страны в целом.

⁶ Снижение в 2015 г. мы склонны объяснять маленькой выборкой, а не ухудшением образовательной структуры населения.

Доля населения с неполным высшим образованием стабильна, но в целом за весь период она немного увеличилась. Причин для динамики, представленной в таблице 1, много, но наиболее вероятной является финансовая, в частности кризис 2008 г.

Несмотря на небольшой рост доли населения со средним профессиональным образованием в стране в целом, на Крайнем Севере она снизилась. Специфика северных регионов заключается в том, что для их освоения нужны в первую очередь именно квалифицированные рабочие и специалисты среднего звена, поэтому подобное снижение наряду с возможностью структурной перестройки экономики, предпосылок к чему в настоящее время не видно, может означать замедление темпов социально-экономического развития. Этот вопрос требует гораздо более пристального внимания, особенно в разрезе по профессиям, поэтому мы рассмотрим его достаточно кратко.

За рассматриваемый период доля населения в стране в целом, которое обучалось по программам подготовки специалистов среднего звена, выросла с 27,1% до 30,9%. На Крайнем Севере рост был меньше: с 29,2% до 31,5%. В первую очередь это связано с меньшим увеличением в Азиатской части (с 29,0% до 31,1%), тогда как в Европейской части рост был близок к среднему по России уровню: с 29,6% до 32,9%. Среди молодёжи до 30 лет доля населения со средним специальным образованием ожидаемо ниже, а прирост меньше: по стране в целом она возросла с 20,8% до 21,6%, а на Крайнем Севере — с 20,4% до 21,8%. Различия между обеими частями Крайнего Севера по этому показателю велики: в Европейской части рост был с 21,4% до 25,2%, тогда как в Азиатской — с 20,2% лишь до 20,9%.

Доля населения, обучавшегося по программам подготовки рабочих, во всём населении сократилась с 12,7% в 2002 г., до 9,1% в 2015 г. Данная негативная тенденция была отмечена и в регионах Крайнего Севера, где она снизилась с 13,3% до 9,6%. В обеих частях снижение было одинаковым (на 3,8 процентных пункта): с 17,0% до 13,2% в Европейской части и с 12,2% до 8,4% в Азиатской части. Доля населения с таким уровнем образования среди молодёжи в возрасте до 30 лет ниже, а её снижение больше. Так, во всем населении она снизилась с 10,8% до 6,7%, а на Крайнем Севере — с 11,0% до 7,5%: с 14,6% до 10,7% в Европейской части и с 9,9% до 6,7% в Азиатской части.

Доля населения с полным средним образованием стабильна и очень медленно снижается везде, кроме Европейского Севера, где она медленно увеличивается. В населении до 30 лет доля людей с таким образованием снижалась очень быстро. Это положительная тенденция, поскольку экономике необходима рабочая сила с профессиональным образованием.

Доля населения с более низким уровнем образования за рассматриваемый период снизилась почти в два раза. Помимо общего повышения уровня образования свою роль сыграли выбытие пожилых людей, многие из которых имели низкий уровень образования, и снижение доли молодёжи во всём населении. Это тоже является положительной тенденцией.

Из таблицы видно, что доли населения, имеющего среднее полное образование и более низкие уровни образования, в стране в целом и в регионах Крайнего Севера близки.

Основные различия сосредоточены в группах, имеющих профессиональное образование. Более низкая доля населения с высшим образованием компенсируется теми, кто имеет среднее профессиональное образование. Это отражает структуру экономики и её потребности в рабочей силе, то есть влияние на уровень образования оказывают как демографические, так и экономические факторы. Снижение доли населения со средним профессиональным образованием является скорее негативной тенденцией, что несёт в себе значительные риски для экономики, так как между спросом и предложением на рынке труда образуется дисбаланс. В результате реализация крупных экономических проектов окажется под угрозой из-за дефицита рабочей силы с необходимой квалификацией.

Влияние системы образования на социально-экономическое и демографическое развитие регионов Крайнего Севера

Развитие системы образования в целом благоприятно повлияет на социально-экономические и демографические показатели регионов Крайнего Севера. Одновременно это поможет насытить экономику данных регионов молодыми квалифицированными специалистами, ведь данные территории испытывают более острую нехватку работников, чем страна в целом [4, Елизаров В.В. и др., с. 43]. Более того, подобное насыщение необходимо северным территориям для успешной адаптации местных сообществ и экономических систем к требованиям новой мировой технологической парадигмы [5, Zaikov et al.].

В литературе отмечается обратная связь между уровнем образования и рождаемостью [6, Малева Т.М., Тындик А.О.; 7, Архангельский В.Н. и др.]. Однако подобная связь гораздо более сложная. Более того, она может отсутствовать [8, Kravdal Ø., Rindfuss R.R.; 9, McRay J., Royer H.] (более подробный анализ литературы по данному вопросу приведён в [10, Журавлева Т.Л., Гаврилова Я.А.]). Мы считаем, что в отношении рождаемости потребность в детях, уровень жизни и другие факторы (например, уровень развития территории) в регионах Крайнего Севера оказывают более сильное влияние, чем уровень образования, и его вклад в снижение рождаемости будет менее значительным, тем более что на Крайний Север люди едут преимущественно работать. Наша уверенность основывается на том, что в регионах с высокой долей городского населения (например, Мурманская и Архангельская области) уровень рождаемости и так низкий, а в регионах с высокой рождаемостью процесс повышения уровня образования будет растянут во времени, и такое воздействие будет менее заметным за счёт значительного миграционного движения и других факторов.

Уровень образования мигранта и принимающего населения могут как стимулировать миграцию, так и препятствовать ей [11, Lee E.S.], но в случае Крайнего Севера низкий уровень доступности качественного образования является одним из важных факторов, которые стимулируют эмиграцию [12, Попова О.В.; 13, Руденко Д.Ю.] и способствуют привлечению работников из других регионов России. Возрастная структура населения регионов Крайнего Севера более молодая, поэтому отток населения, вызванный недостаточным развитием системы образования, происходит в большем объёме и для этих регионов является более серьёз-

ной угрозой, чем по стране в целом. Дополнительная сложность заключается в том, что подавляющее большинство уехавших не хочет возвращаться к себе домой после получения высшего образования.

Об этом свидетельствуют данные опросов студентов. На основе опроса 2 797 студентов из 9 региональных вузов было установлено, что 51,6% респондентов после окончания вуза намерены остаться в городе, где проходило их обучение, а объём потенциального миграционного потока выпускников был оценён в 30–33% [14, Варшавская Е.Я., Чудиновских О.С., с. 42]. При этом после окончания учёбы домой (в город, в котором они жили до поступления в вуз) планировало вернуться не более 16–18% выпускников [14, Варшавская Е.Я., Чудиновских О.С., с. 46]. Возврат домой означает экономические потери, но более высокие шансы трудоустройства по профессии, а также наличие жилья и социальных связей, по мнению респондентов, являются достаточно вескими причинами, чтобы пойти на такой шаг [14, Варшавская Е.Я., Чудиновских О.С., с. 57]. Однако потенциальный объём внешней миграции (из России) из региональных вузов невысок и составляет около 5–6% [14, Варшавская Е.Я., Чудиновских О.С., с. 44].

К схожим выводам пришли и исследователи из Беларуси. Однако в их примере был рассмотрен столичный вуз ⁷, поэтому полученные результаты ещё более заметно иллюстрируют эту тенденцию: вернуться в свой населённый пункт планируют лишь 11,4% от всех иногородних студентов. При этом вернуться домой планирует лишь каждый десятый студент из сельской местности и малого города, каждый шестой студент из районного центра и каждый второй студент из областного центра [15, Денисов А.Ю. и др., с. 319].

Исследования, проведённые в регионах Крайнего Севера, в целом подтверждают представленные выше тенденции и цифры, хотя в них отмечается и региональная специфика. На основе выборки из 4 024 студентов доля желающих покинуть регион, в котором они обучались, составила 54%. При этом в Архангельской и Мурманской областях, где транспортная доступность лучше, доля желающих эмигрировать выше, а в Республике Саха, Красноярском крае и Чукотском АО, откуда уехать сложнее, такая доля значительно ниже [16, Максимов А.М. и др., с. 71]. Однако если посмотреть на структуру ответов о желании покинуть регион обучения с учётом места проживания до поступления в вуз, то доля желающих сделать это при условии, что студент проживает в другом населённом пункте региона обучения самая низкая — всего 48,9% [16, Максимов А.М. и др., с. 73], хотя и эта цифра является значительной. Вероятно, здесь ответы тоже очень сильно различаются в зависимости от рассматриваемого региона, но в статье в таком разрезе информация не приводится, что является недостатком. В работах отмечается, что при общем миграционном приросте населения России с высшим и средним профессиональным образованием в регионах Арктики наблюдается значительный миграционный отток такого населения [17, Соколова Ф.Х.]. Подобное

⁷ В статье Е.Я. Варшавской и О.С. Чудиновских отмечается, что для столичных вузов представленные ими цифры о числе потенциальных внутренних мигрантов, скорее всего, были бы ещё ниже.

исследование могло бы прояснить ситуацию и ответить на вопрос, уезжают ли выпускники из других регионов, которые получили образование и возвращаются к себе домой или в связи с трудоустройством, или же уезжают жители арктических и северных регионов. Пока же мы можем считать, что квалифицированная молодёжь неохотно едет в небольшие населённые пункты, которых в регионах Крайнего Севера из-за специфики экономики достаточно много, предпочитая оставаться в более крупных. Одновременно за счёт выпускников арктических вузов, обучавшихся в очной форме, при условии их гарантированного трудоустройства экономика Арктической зоны РФ получает лишь 30% от всей ежегодной дополнительной потребности в кадрах с высшим образованием [18, Сигова С.В., Степуть И.С.], а более 40% выпускников вузов, трудоустроившихся в Арктике, являются выпускниками вузов других регионов [19, Шабаетова С.В. и др.]. Хороший обзор данного вопроса (число арктических программ как в вузах, расположенных в Арктической зоне РФ, так и вне её, число обучающихся по ним студентов и прочие аспекты) приведён в работе [20, Gorokhov et al.]. По среднему профессиональному образованию обеспеченность составляет 40–50% [21, Степуть И.С., с. 74]. В регионах Крайнего Севера, расположенных вне Арктической зоны РФ, система образования тоже не способна удовлетворить все потребности экономики в полном объёме.

Повышение уровня образования внесёт вклад и в решение одной из наиболее острых проблем современной России — увеличение продолжительности жизни. Для регионов Крайнего Севера эта проблема очень важна, так как ожидаемая продолжительность жизни в них ниже среднероссийской⁸.

Оценить влияние уровня образования на социально-экономические показатели, определяющие уровень здоровья, не просто и наличие высшего образования не означает, что здоровье у человека будет обязательно лучше по сравнению с теми, кто его не имеет, так как причинно-следственная связь в значительной степени зависит от обстоятельств жизни человека [22, Hayward M. D. et al.]. В ряде исследований утверждается, что можно говорить о прямой связи между образованием и продолжительностью жизни [23, Lleras-Muney A.; 24, Lutz W., Skirbekk V.; 25 van Kippersluis H. et al.], но скорее всего, связь между ними косвенная, и образование является лишь основой для других факторов увеличения продолжительности жизни [26, Arendt J.N.; 27, Clark D., Royer H.; 28, Davey Smith G. et al.; 29 Kröger H. et al.; 30, Lager A.C.J., Torssander J.].

Успехи медицины за последние 70–80 лет шли рука об руку с ростом доступности образования для широких слоёв населения. Согласно теории, школьное образование даёт базовые навыки (чтение, письмо, общение), а также учит логически мыслить, критически подходить к информации и составлять планы. Высокий уровень образования позволяет получить более высокооплачиваемую работу, что помогает обеспечить лучшие условия жизни, питание и медицинскую помощь. Одновременно на основе своего опыта и знаний более об-

⁸ Ожидаемая продолжительность жизни при рождении. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/55386> (дата обращения: 11.11.2019).

разованные люди стараются вести более здоровый образ жизни. Кроме того, образование влияет на здоровье через эмоциональные аспекты [31, House J.S. et al.]. Наконец, среди более образованных людей выше доля состоящих в браке, что также положительно влияет на продолжительность жизни. Мы считаем, что с поправкой на климатические особенности эти положения применимы и для регионов Крайнего Севера.

Работ, посвящённых влиянию образования на смертность, достаточно [32, Пьянкова А.И., Фаттахов Т.А.], но вопрос о том, в какой мере увеличение продолжительности жизни вызвано не общим снижением смертности, а изменением образовательной структуры населения, ставится редко [33, Jasilionis D. et al.; 34, Luu M. et al.]. Значительное число этих работ посвящено реалиям России [35, Харькова Т.Л. и др.; 36, Shkolnikov V.M. et al.]. В последней из них на основе расчёта таблиц смертности по уровню образования делаются выводы о значительном влиянии на увеличение продолжительности жизни изменения образовательной структуры населения. В частности, в России с 1988–1989 по 1998–1999 гг., несмотря на общее снижение продолжительности жизни, улучшение образовательной структуры привело к росту продолжительности жизни у мужчин в возрасте 30 лет на 0,79 г., а у женщин — на 0,65 г. [36, Shkolnikov et al.]. Для экономически развитых стран Запада прирост был чуть более значительным. За период с 1990–1991 по 2010–2011 гг. продолжительность жизни у населения в возрасте 30 лет в Италии, Дании и США за счёт изменения уровня образования возросла у мужчин на 1,1, 1,0 и 0,6 лет, а у женщин — на 0,7, 1,1 и 0,4 г. [34, Luu M. et al.]. Мы можем предполагать, что в России прирост ожидаемой продолжительности жизни за счёт улучшения образовательной структуры населения за этот период тоже составил около одного года, а для регионов Крайнего Севера больше, так как образовательная структура населения в них изначально была хуже, а показатели смертности в России для населения с низким образованием не только выше, но и ухудшаются на фоне роста продолжительности жизни высокообразованного населения [32, Пьянкова А.И., Фаттахов Т.А.].

Развитие системы образования окажет положительное влияние и на улучшение экономической ситуации в регионах Крайнего Севера. Это касается как микро-, так и макроуровня. Под первым мы понимаем повышение доходов населения, под вторым — развитие экономики в регионах и местностях с более высокой долей во всем населении обучающихся по программам всех уровней.

Уровень образования оказывает заметное влияние на вероятность трудоустройства в регионах Крайнего Севера. В зарубежных северных странах Европы спрос на высококвалифицированных работников с конкретными компетенциями растёт, но из-за более высокой заработной платы низкоквалифицированные мигранты едут туда в большом количестве [37, Гильтман М.А., с. 106]. В отношении российских регионов Крайнего Севера вопрос о том, рабочая сила какого качества наиболее востребована в настоящее время, рассмотрен недостаточно подробно. В связи с этим исследование М.А. Гильтман, которая на основе данных выборочного обследования рабочей силы за 2010–2015 гг. с помощью логит-моделей оценива-

ла вероятность быть занятым, позволило определить условия совпадения спроса и предложения на рынке труда северных регионов. Уровень образования являлся одним из индикаторов анализа. Несмотря на ограничения, которые связаны со структурой данных, предоставляемых Росстатом, автор смогла сделать ряд важных выводов. Так, в работе было показано, что экономическая активность на Севере выше, но и доля безработных немного выше средней по стране. При этом её изначальная гипотеза о том, что у менее квалифицированных и конкурентоспособных работников вероятность быть занятыми на Севере выше, была отвергнута. На принятие гипотезы, вероятно, повлияло отсутствие всех необходимых данных, однако, несмотря на структуру экономики, среднее и высшее образование повышает, а начальное образование снижает вероятность быть занятым в северных регионах по сравнению с остальной Россией.

Обследование, проведённое в 2012 г. в двух мексиканских университетах, расположенных в монофункциональных городах (моногородах), позволило выявить вклад высшего образования в экономику городов, где они расположены. Прямой вклад заключается в том, что повседневные расходы, которые вкладываются именно в местную экономику, составляют не менее 67% от всех расходов студентов. Косвенный вклад заключается в создании рабочих мест для людей, которые обслуживают студентов (включая сферу образования, так как интегральное вузовское сообщество вместе со студентами составляет 140% от их числа), продаже товаров и услуг этим людям (в США каждые 4–5 студентов своим присутствием создают одно дополнительное рабочее место в сфере услуг). Также за счёт создания образовательных организаций при вузах (например, школ) происходит развитие системы образования [38, Макагонов П.П. и др., с. 112–113].

Наконец, есть значительные социальные эффекты, которые возникают при реализации университетами своей «третьей функции». Под ней понимается «совокупность специфических услуг, основанных на действиях и возможностях, служащих для блага общества» [39, Мархл М., Паусист А., с. 7]. Примеры таких эффектов приведены в [40, Кудряшова Е.В., Сорокин С.Э.]. Среди них можно выделить экономические (создание рабочих мест и подготовку кадров), социальные (трансформация городской среды, проведение культурных и социальных мероприятий, предоставление доступа к своей инфраструктуре, социализация молодёжи), образовательные (реализация принципа «образование для всех» — от дошкольника до пенсионера).

Можно привести и другие примеры (о связи уровня образования и выпуска и аналогичные [41, Семенихина В.А. и др.]), которые наглядно покажут всю важность повышения уровня образования для экономики России. Для регионов Крайнего Севера необходимость развития системы образования (в первую очередь профессионального) ещё более актуальна, поскольку эти регионы очень важны для развития всей страны в целом.

Основные выводы и рекомендации для государственной политики

Проведённое исследование показало, что хотя Крайний Север очень важен для социально-экономического развития страны, вопросы социального развития этих территорий не являются приоритетными. Так, в основных концептуальных документах, посвящённых развитию Арктической зоны РФ, системе образования уделяется очень мало внимания, а отдельного документа по Крайнему Северу и вовсе нет. Это является недостатком программ, поскольку число и доля молодёжи в возрасте до 30 лет во всём населении сокращается, а прогноз её динамики тоже негативный. Дополнительная сложность заключается в том, что численность населения изменяется волнообразно и за периодом высокой численности придёт период низкой численности. Система образования должна быть готова к таким колебаниям, и добиться этого без учёта демографического фактора в программах развития данного макрорегиона нельзя. Прочие демографические особенности (например, очаговое расселение населения) известны давно и в целом учитываются органами власти.

Образовательная структура в регионах Крайнего Севера близка к средней по стране и различия заметны только между группами населения с профессиональным образованием. Доля населения с высшим образованием ниже, что отражает специфику хозяйственной деятельности в регионах Крайнего Севера. Тем не менее, доля населения со средним профессиональным образованием сокращается, а с высшим — увеличивается. Это может стать угрозой для экономического развития, поскольку ведёт к нехватке рабочей силы в промышленности.

Для развития системы образования в регионах Крайнего Севера и их обеспечения рабочей силой прилагаются определённые усилия. В целом то, что делается, известно хорошо, поэтому мы сделаем акцент на том, что может способствовать решению проблем повышения качества и количества рабочей силы, но затрагивается в недостаточном объёме.

Во-первых, как внутри Крайнего Севера, так и за его пределами необходимо более широко применять практику целевого набора в учебные заведения профессионального уровня. Механизм целевого набора обеспечивает относительно высокий уровень намерений вернуться. Однако без решения социально-экономических проблем Крайнего Севера вероятность уехать у такого человека после окончания контракта выше, так как смена места жительства для него является привычной. Это поможет обеспечить рабочей силой долгосрочные проекты, которые реализуются в регионах Крайнего Севера. В таком случае учебные заведения, расположенные вне Крайнего Севера, должны готовить специалистов по особым программам, которые учитывают специфику трудового процесса в соответствующих условиях. Помощь преподавателей из регионов Крайнего Севера для их разработки и чтения не была бы лишней.

Во-вторых, необходима поддержка отдельных предметных областей, в первую очередь математики, физики, химии, биологии, информатики и технологии. Их значимость для создания промышленности переоценить нельзя. Поддержка должна оказываться не только школам и организациям профессионального образования, но и организациям дополнитель-

ного образования, а также школьным кружкам по соответствующей тематике. Она может иметь форму, например, заочных олимпиад, создания библиотек, привлечения к написанию литературы известных специалистов в своих отраслях знаний, поощрения талантливых детей, студентов и педагогов.

В-третьих, необходимо дальнейшее развитие Интернета и упрощение доступа к нему у населения. В условиях Крайнего Севера реализация подобных программ может дать значительный эффект, так как позволит поднять уровень образования молодёжи и снизить её отток, который возникает из-за необходимости получать образование в другом регионе, и поднять качество учебного процесса. Образовательные организации, расположенные в регионах Крайнего Севера и за его пределами, смогут сотрудничать на более тесной основе, например, используя портал «Открытое образование»⁹. Для того чтобы отдельные лекционные курсы полностью или частично были разработаны с учётом особенностей Крайнего Севера и прочитаны дистанционно признанными специалистами из ведущих вузов, работы которых публикуются в ведущих зарубежных журналах, нет никаких технических препятствий. Такая практика может быть применена при создании нового филиала вуза или при присоединении одного вуза к другому в рамках сокращения числа слабых вузов. Также это может быть применено для обновления содержания учебных программ и читаемых курсов.

Для школьного образования аналогичных проектов меньше, но они тоже существуют. Например, есть курс лекций «Наука в регионы»¹⁰, который был создан при участии Московского физико-технического института. В нем объяснены ряд тем по алгебре, геометрии, физике, химии и биологии за 8–10 классы средней школы. В лекциях обсуждаются далеко не все нужные темы, но при наличии заказа со стороны государства эти курсы можно легко дополнить отсутствующим материалом. Необязательно все предметы и занятия проводить в удалённом формате, но подобные материалы могут значительно помочь педагогам в процессе подготовки к урокам.

Также развитие цифровых технологий позволит улучшить доступ к знаниям не только для учащихся, но и для населения в целом. Люди смогут не только слушать лекции, которые читают профессионалы высокого уровня (в том числе, на иностранных языках), но и читать качественную научную и научно-популярную литературу. По нашему мнению, эффект будет наиболее значительным, если государство создаст Интернет-порталы по разным предметным областям, например, в области сельского хозяйства и ветеринарии для небольших хозяйств, ведения хозяйства и финансовой грамотности или обучения теоретической части основ оказания первой помощи (при закреплении практических навыков уже под контролем медиков). Нечто подобное в виде журналов было реализовано ещё в Российской империи и при СССР. Даже в 1990-е гг. издавались журналы, подобные «Сделай сам». В настоящее вре-

⁹ Портал «Открытое образование». URL: <https://openedu.ru/> (дата обращения: 11.11.2019).

¹⁰ Наука в регионы. URL: <https://www.youtube.com/channel/UCWYqrBRPgT33TUtbMQsyHqw/featured> (дата обращения: 11.11.2019).

мя развитие Интернета позволит вывести такие проекты на принципиально новый уровень и сделать их доступными для более широких слоёв населения.

В завершение этого раздела и всей статьи в целом следует отметить, что развитие системы образования в регионах Крайнего Севера необходимо, так как это повышает культурный и образовательный уровни населения, позволяет решить некоторые социальные проблемы и улучшить условия жизни. Тем не менее, делать акцент в государственной политике только на развитии системы образования неправильно. Без комплексного развития экономики в целом, увязки параметров спроса и предложения на рынке труда и наличия системы льгот, которая адекватно бы отражала сложные условия проживания, регионы Крайнего Севера не смогут воспользоваться плодами такого улучшения, поскольку столкнутся с проблемой «утечки умов». Их система образования будет готовить квалифицированные кадры, которые после окончания обучения будут стараться уехать в другие регионы. Это означает, что все затраты на предоставление образования лягут на регионы Крайнего Севера, а пользоваться рабочей силой будут в других регионах, которые смогли создать более привлекательные условия для труда и жизни. В результате темпы социально-экономического развития в регионах Крайнего Севера будут гораздо ниже по сравнению с потенциально возможными. Также следует отметить, что входящий поток специалистов, которые едут работать на Крайний Север, велик и можно говорить, что регионы Крайнего Севера отчасти находятся в благоприятном положении, поскольку пользуются рабочей силой, подготовленной в других регионах, однако этот поток частично корректирует провалы, которые отмечаются в системе образования, и позволяет решить проблемы лишь частично. Без модернизации системы образования отток молодёжи продолжится, а дисбаланс на рынке труда сохранится.

Благодарности и финансирование

Работа подготовлена в рамках гранта РФФИ № 19-010-00867 А «Система образования в регионах Крайнего Севера: текущее состояние, проблемы и перспективы развития и модернизации».

Литература

1. Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю. Новая теория освоения (пространства) Арктики и Севера: полимасштабный междисциплинарный синтез // Арктика и Север. 2018. № 31. С. 5–27. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.5
2. Цукерман В.А., Горячевская А.С. Система подготовки и переподготовки управленческих кадров для комплексного развития Арктической зоны Российской Федерации // МИР (Модернизация. Инновация. Развитие). 2015. Т. 6. № 4. С. 35–42. DOI: 10.18184/2079-4665.2015.6.4.35.42
3. Архангельский В.Н., Данилова И.А., Дмитриев Р.В., Хасанова Р.Р. Перспективы демографического развития России до середины века // Народонаселение. 2017. № 3 (77). С. 24–36. DOI: 10.26653/1561-7785-2017-3-2
4. Елизаров В.В., Дмитриев Р.В., Ефремов И.А. Льготы в регионах Крайнего Севера: сохранить нельзя отменить // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 3 (197). С. 36–48.

5. Zaikov K.S., Kondratov N.S., Tamitskaya E., Kuprikov M. Yu., Kuprikov N.M. Need analysis of college educated labor resources in the Russian Arctic // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. Vol. 483. No 1. DOI: 10.1088/1757-899X/483/1/012016
6. Малева Т.М., Тындик А.О. Ловушка низкой рождаемости в Москве: высокообразованные бездетные? // Регион: экономика и социология. 2014. № 2 (82). С. 116–136.
7. Архангельский В.Н., Зинькина Ю.В., Шульгин С.Г. Рождаемость у женщин с разным уровнем образования: текущее состояние и прогнозные сценарии // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 1. С. 21–39.
8. Kravdal Ø., Rindfuss R.R. Changing relationship between education and fertility: a study of women and men born 1940 to 1964 // American Sociological Review. 2008. Vol. 73. No. 5. Pp. 854–873. DOI: 10.1177/000312240807300508.
9. McRay J., Royer H. The effect of female education on fertility and infant health: evidence from school entry policies using exact date birth // American Economic Review. 2011. Vol. 101. No. 1. Pp. 158–195. DOI: 10.1257/aer.101.1.158.
10. Журавлева Т.Л., Гаврилова Я.А. Анализ факторов рождаемости в России: что говорят данные РМЭЗ НИУ ВШЭ? // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 21. № 1. С. 145–187.
11. Lee E.S. Theory of migration // Demography. 1966. Vol. 3. Iss. 1. Pp. 47–57. DOI: 10.2307/2060063
12. Попова О.В. Тенденции миграции молодёжи в Республике Саха (Якутия) // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Под ред. А.И. Татаркина, А.И. Кузьмина. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. С. 399–403.
13. Руденко Д.Ю. Анализ демографических процессов в российской Арктике // МИР (Модернизация. Инновация. Развитие). 2015. Т. 6. № 4. С. 51–57. DOI: 10.18184/2079-4665.2015.6.4.51.57
14. Варшавская Е.Я., Чудиновских О.С. Миграционные планы выпускников региональных вузов России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2014. № 3. С. 36–58.
15. Денисов А.Ю., Белов А.А., Котленок Н.Ф. Миграционные установки студентов-выпускников очной формы обучения на примере БГУ // Социологический альманах. 2013. № 4. С. 317–325.
16. Максимов А.М., Зайков К.С., Тамицкий А.М. Миграционные настроения студенческой молодёжи в контексте социально-экономического развития Российской Арктики // Исследования молодых учёных: экономическая теория, социология, отраслевая и региональная экономика. Сб. статей под ред. О.В. Тарасовой, А.А. Горюшкина. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2017. С. 69–78.
17. Соколова Ф.Х. Миграционные процессы в Российской Арктике // Арктика и Север. 2016. № 25. С. 158–172. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2016.25.158
18. Сигова С.В., Степуть И.С. Кадровое обеспечение приоритетов развития Арктической зоны России — вклад системы высшего образования // Университетское управление: практика и анализ. 2015. № 5 (99). С. 19–29.
19. Шабеева С.В., Степуть И.С., Хотеева Е.А. Возможности субарктических вузов для решения кадровых проблем Арктики // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Том. 21. № 4. С. 106–115. DOI: 10.15826/umpa.2017.04.054.
20. Gorokhov A.M., Zaikov K.S., Kondratov N.A., Kuprikov M.Yu., Kuprikov N.M., Tamickij A.M. Analysis of scientific and educational space of the Arctic Zone of the Russian Federation and its contribution to social and economic development // European Journal of Contemporary Education. 2018. Vol. 7. No. 3. Pp. 485–497. DOI: 10.13187/ejced.2018.3.485
21. Степуть И.С. Стратегическое развитие экономики Арктического макрорегиона и его обеспеченность кадрами со средним профессиональным образованием // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 11. С. 66–80.
22. Hayward M.D., Hummer R.A., Sasson I. Trends and group differences in the association between educational attainment and U.S. adult mortality: implications for understanding education's causal influence // Social Science & Medicine. 2015. Vol. 127. Pp. 8–18. DOI: 10.1016/j.socscimed.2014.11.024
23. Lleras-Muney A. The relationship between education and adult mortality in the United States // Review of Economic Studies. 2005. Vol. 72. No. 1. Pp. 189–221.

24. Lutz W., Skirbekk V. How education drives demography and knowledge informs projection. IIASA Interim Report. IIASA, Laxenburg, Austria: IR-13-016, 31 p.
25. Van Kippersluis H., O'Donnell O., Van Doorslaer E. Long-run returns to education: does schooling lead to an extended old age? // *Journal of Human Resources*. 2011. Vol. 46. No. 4. Pp. 695–721. DOI: 10.1353/jhr.2011.0006
26. Arendt J.N. Does education cause better health? A panel data analysis using school reforms for identification // *Economics of Education Review*. 2005. Vol. 24. No. 2. Pp. 149–160. DOI: 10.1016/j.econedurev.2004.04.008
27. Clark D., Royer H. The effect of education on adult mortality and health: evidence from Britain // *American Economic Review*. 2013. Vol. 103. No. 6. Pp. 2087–2120.
28. Davey Smith G., Hart C., Hole D., MacKinnon P., Gillis C., Watt G., et al. Education and occupational social class: which is the more important indicator of mortality risk? // *Journal of Epidemiology & Community Health*. 1998. Vol. 52. No. 3. Pp. 153–160. DOI: 10.1136/jech.52.3.153
29. Kröger H., Pakpahan E., Hoffmann R. What causes health inequality? A systematic review on the relative importance of social causation and health selection // *The European Journal of Public Health*. 2015. Vol. 25. No. 6. Pp. 951–960. DOI: 10.1093/eurpub/ckv111
30. Lager A.C.J., Torssander J. Causal effect of education on mortality in a quasi-experiment on 1.2 million Swedes // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2012. Vol. 109. No. 22. Pp. 8461–8466. DOI: 10.1073/pnas.1105839109
31. House J.S., Landis K.R., Umberson D. Social relationships and health // *Science*. 1988. Vol. 241. No. 4865. Pp. 540–545.
32. Пьянкова А.И., Фаттахов Т.А. Смертность по уровню образования в России // *Экономический журнал ВШЭ*. 2017. Т. 21. № 4. С. 623–467.
33. Jasilionis D., Jdanov D., Leinsalu M. Der Zusammenhang von Bildung und Lebenserwartung Mittel- und Osteuropa // *Max-Planck-Gesellschaft / Generalverwaltung (eds): Jahrbuch der Max-Planck-Gesellschaft 2007: Tätigkeitsberichte, Zahlen, Fakten*. München: Max-Planck-Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften, 2007. S. 103–108.
34. Luy M., Zannella M., Wegner-Siegmundt C., Minagawa Y., Lutz W., Caselli G. The impact of increasing education levels on rising life expectancy: a decomposition analysis for Italy, Denmark, and the USA // *Genus*. 2019. Vol. 75. Article 11. DOI: 10.1186/s41118-019-0055-0
35. Харькова Т.Л., Никитина Т.Ю., Андреев Е.М. Зависимость продолжительности жизни от уровня образования в России // *Вопросы статистики*. 2017. № 8. С. 61–69.
36. Shkolnikov V.M., Andreev E.M., Jasilionis D., Leinsalu M., Antonova O.I., McKee M. The changing relation between education and life expectancy in central and eastern Europe in the 1990s // *Journal of Epidemiology and Community Health*. 2006. Vol. 60. Iss. 10. Pp. 875–881. DOI: 10.1136/jech.2005.044719
37. Гильтман М.А. Занятость на Севере России: анализ на основе микроданных // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2017. № 3 (35). С. 103–124.
38. Макагонов П.П., Фигероа А.Р., Эспиноса С.Р. Об экономическом вкладе профильных высших учебных заведений в развитие монофункциональных городов // *Проблемы прогнозирования*. 2018. № 1. С. 108–116.
39. Мархл М., Паусист А. Методология оценки третьей миссии университетов // *Непрерывное образование: XXI век*. 2013. Выпуск 1. DOI: <http://dx.doi.org/10.15393/j5.art.2013.1949>
40. Кудряшова Е.В., Сорокин С.Э. «Третья миссия» в стратегиях развития арктических университетов // *Арктика и Север*. 2019. № 34. С. 20–43. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.20
41. Семенихина В.А., Карелин И.Н., Корицкий А.В. Оценка социальной нормы отдачи образования в России с учётом продолжительности жизни // *Вестник НГУЭУ*. 2014. № 3. С. 120–138.

References

1. Pilyasov A.N., Zamyatina N.Yu. Novaya teoriya osvoeniya (prostranstva) Arktiki i Severa: polimasshtabnyi mezhdistsiplinarynyi sintez [Development of the North 2.0: challenges of making a new theory]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 34, pp. 57–76. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.57

2. Tsukerman V.A., Goryachevskaya A.S. Sistema podgotovki i perepodgotovki upravlencheskikh kadrov dlya kompleksnogo razvitiya Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii [System of training and retraining of managerial staff for the comprehensive development of the Arctic zone of the Russian Federation]. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsiya. Razvitie)* [MIR (Modernization. Innovations. Development)], 2015, vol. 6, no. 4, pp. 35–42. DOI: 10.18184/2079-4665.2015.6.4.35.42
3. Arkhangel'skii V.N., Danilova I.A., Dmitriev R.V., Khasanova R.R. Perspektivy demograficheskogo razvitiya Rossii do serediny veka [Prospects of the demographic development of Russia until the mid-century]. *Narodonaselenie*, 2017, no. 3 (77), pp. 24–36. DOI: 10.26653/1561-7785-2017-3-2
4. Elizarov V.V., Dmitriev R.V., Efremov I.A. L'goty v regionakh Krainego Severa: sokhranit' nel'z'ya otmenit' [Facilities in the Russian Far North: to be, or not to be]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Standard of Living of the Population of the Regions of Russia], 2015, no. 3 (197), pp. 36–48.
5. Zaikov K.S., Kondratov N.S., Tamitskaya E., Kuprikov M. Yu., Kuprikov N.M. Need analysis of college educated labor resources in the Russian Arctic. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, vol. 483, no. 1. DOI: 10.1088/1757-899X/483/1/012016
6. Maleva T.M., Tyndik A.O. Lovushka nizkoi rozhdaemosti v Moskve: vysokoobrazovannye bezdetnye? [The low birth rate trap in Moscow: highly-educated childfree?]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2014, no. 2 (82), pp. 116–136.
7. Arkhangel'skii V.N., Zin'kina Yu.V., Shul'gin S.G. Rozhdaemost' u zhenshchin s raznym urovnem obrazovaniya: tekushchee sostoyanie i prognozyne stsennarii [Fertility differentiation according to female education levels in Russia: current situation and forecast scenarios]. *Narodonaselenie*, 2019, vol. 22, no. 1, pp. 21–39.
8. Kravdal Ø., Rindfuss R.R. Changing relationship between education and fertility: a study of women and men born 1940 to 1964. *American Sociological Review*, 2008, vol. 73, no. 5, pp. 854–873. DOI: 10.1177/000312240807300508
9. McRay J., Royer H. The effect of female education on fertility and infant health: evidence from school entry policies using exact date birth. *American Economic Review*, 2011, vol. 101, iss. 1, pp. 158–195. DOI: 10.1257/aer.101.1.158
10. Zhuravleva T.L., Gavrilova Ya.A. Analiz faktorov rozhdaemosti v Rossii: chto govoryat dannye RMEZ NIU VShE? [Analysis of fertility determinants in Russia: what do RLMS data say?]. *Ekonomicheskii zhurnal VShE* [The HSE Economic Journal], 2017, vol. 21, no. 1, pp. 145–187.
11. Lee E.S. Theory of migration. *Demography*, 1966, vol. 3, no. 1, pp. 47–57.
12. Popova O.V. Tendentsii migratsii molodezhi v Respublike Sakha (Yakutiya) [Trends in youth migration in the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Dinamika i inertsionnost' vosproizvodstva naseleniya i zameshcheniya pokolenii v Rossii i SNG* [Dynamics and inertia of reproduction of the population and replacement of generations in Russia and the CIS]. Ed. by A.I. Tatarin, A.I. Kuzmin. Ekaterinburg, Institute of Economics, Ural Branch of the RAS Publ., 2016, pp. 399–403. (In Russ.)
13. Rudenko D.Yu. Analiz demograficheskikh protsessov v rossiiskoi Arktike [Analysis of demographic processes in the Russian Arctic]. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsiya. Razvitie)* [MIR (Modernization. Innovations. Development)], 2015, vol. 6, no. 4, pp. 51–57. DOI: 10.18184/2079-4665.2015.6.4.51.57
14. Varshavskaya E.Ya., Chudinovskikh O.S. Migratsionnye plany vypusnikov regional'nykh vuzov Rossii [Migration intentions of graduates of Russia's regional higher educational institutions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika*, 2014, no. 3, pp. 36–58.
15. Denisov A.Yu., Belov A.A., Kotlenok N.F. Migratsionnye ustanovki studentov-vypusnikov ochnoi formy obucheniya na primere BGU [Graduands' migration policy of full-time tuition through the example BSU]. *Sotsiologicheskii al'manakh*, 2013, no. 4, pp. 317–325.
16. Maksimov A.M., Zaikov K.S., Tamitskii A.M. Migratsionnye nastroyeniya studencheskoi molodezhi v kontekste sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Arktiki [Migration attitudes of student youth in the situation of the Russian Arctic' social and economic development]. *Issledovaniya molodykh uchenykh: ekonomicheskaya teoriya, sotsiologiya, otraslevaya i regional'naya ekonomika*. Ed. by O.V. Tarasova, A.A. Goryushkin [Researches of young scientists: economic theory, sociology, industrial and regional economics. Collection of articles.]. Novosibirsk, IEOPP SO RAS Publ., 2017, pp. 69–78. (In Russ.)

17. Sokolova F.Kh. Migratsionnye protsessy v Rossiiskoi Arktike [Migration process in the Russian Arctic]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2016, no. 25, pp. 158–172. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2016.25.158
18. Sigova S.V., Stepus' I.S. Kadrovoe obespechenie prioritetov razvitiya Arkticheskoi zony Rossii — vklad sistemy vysshego obrazovaniya [Recruitment needs for the Russian Arctic Zone priorities development — higher education system value]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University Management: Practice and Analysis], 2015, no. 5 (99), pp. 19–29.
19. Shabaeva S.V., Stepus' I.S., Khoteeva E.A. Vozmozhnosti subarkticheskikh vuzov dlya resheniya kadrovyykh problem Arktiki [Opportunities of Subarctic higher education institutions to solve personnel problems in the Arctic]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University Management: Practice and Analysis], 2017, vol. 21, no. 4, pp. 106–115. DOI: 10.15826/umpa.2017.04.054
20. Gorokhov A.M., Zaikov K.S., Kondratov N.A., Kuprikov M.Yu., Kuprikov N.M., Tamickij A.M. Analysis of scientific and educational space of the Arctic Zone of the Russian Federation and its contribution to social and economic development. *European Journal of Contemporary Education*, 2018, vol. 7, no. 3, pp. 485–497. DOI: 10.13187/ejced.2018.3.485
21. Stepus' I.S. Strategicheskoe razvitie ekonomiki Arkticheskogo makroregiona i ego obespechennost' kadrami so srednim professional'nym obrazovaniem [Strategic development of the economy of the Arctic macroregion and its vocational secondary education staffing requirement]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 2016, no. 11, pp. 66–80.
22. Hayward M.D., Hummer R.A., Sasson I. Trends and group differences in the association between educational attainment and U.S. adult mortality: implications for understanding education's causal influence. *Social Science & Medicine*, 2015, vol. 127, pp. 8–18. DOI: 10.1016/j.socscimed.2014.11.024
23. Lleras-Muney A. The relationship between education and adult mortality in the United States. *Review of Economic Studies*, 2005, vol. 72, no. 1, pp. 189–221.
24. Lutz W., Skirbekk V. *How education drives demography and knowledge informs projection. IIASA Interim Report*. IIASA, Laxenburg, Austria: IR-13-016, 31 p.
25. Van Kippersluis H., O'Donnell O., Van Doorslaer E. Long-run returns to education: does schooling lead to an extended old age? *Journal of Human Resources*, 2011, vol. 46, no. 4, pp. 695–721. DOI: 10.1353/jhr.2011.0006
26. Arendt J.N. Does education cause better health? A panel data analysis using school reforms for identification. *Economics of Education Review*, 2005, vol. 24, no. 2, pp. 149–160. DOI: 10.1016/j.econedurev.2004.04.008
27. Clark D., Royer H. The effect of education on adult mortality and health: evidence from Britain. *American Economic Review*, 2013, vol. 103, no. 6, pp. 2087–2120.
28. Davey Smith G., Hart C., Hole D., MacKinnon P., Gillis C., Watt G., et al. Education and occupational social class: which is the more important indicator of mortality risk? *Journal of Epidemiology & Community Health*, 1998, vol. 52, no. 3, pp. 153–160. DOI: 10.1136/jech.52.3.153
29. Kröger H., Pakpahan E., Hoffmann R. What causes health inequality? A systematic review on the relative importance of social causation and health selection. *The European Journal of Public Health*, 2015, vol. 25, no. 6, pp. 951–960. DOI: 10.1093/eurpub/ckv111
30. Lager A.C.J., Torssander J. Causal effect of education on mortality in a quasi-experiment on 1.2 million Swedes. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2012, vol. 109, no. 22, pp. 8461–8466. DOI: 10.1073/pnas.1105839109
31. House J.S., Landis K.R., Umberson D. Social relationships and health. *Science*, 1988, vol. 241, no. 4865, pp. 540–545.
32. P'yankova A.I., Fattakhov T.A. Smertnost' po urovnyu obrazovaniya v Rossii [Mortality by educational level in Russia]. *Ekonomicheskii zhurnal VShE* [The HSE Economic Journal], 2017, vol. 21, no. 4, pp. 623–467.
33. Jasilionis D., Jdanov D., Leinsalu M. Der Zusammenhang von Bildung und Lebenserwartung Mittel- und Osteuropa. Max-Planck-Gesellschaft / Generalverwaltung (eds): Jahrbuch der Max-Planck-Gesellschaft 2007: Tätigkeitsberichte, Zahlen, Fakten. München: Max-Planck-Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften, 2007, pp. 103–108. (In Germ.)

34. Luy M., Zannella M., Wegner-Siegmundt C., Minagawa Y., Lutz W., Caselli G. The impact of increasing education levels on rising life expectancy: a decomposition analysis for Italy, Denmark, and the USA. *Genus*, 2019, vol. 75, article 11. DOI: 10.1186/s41118-019-0055-0
35. Khar'kova T.L., Nikitina T.Yu., Andreev E.M. Zavisimost' prodolzhitel'nosti zhizni ot urovnya obrazovaniya v Rossii [Dependence of life expectancy on the educational levels in Russia]. *Voprosy statistiki* [Voprosy Statistiki], 2017, no. 8, pp. 61–69.
36. Shkolnikov V.M., Andreev E.M., Jasilionis D., Leinsalu M., Antonova O.I., McKee M. The changing relation between education and life expectancy in central and eastern Europe in the 1990s. *Journal of Epidemiology and Community Health*, 2006, vol. 60, no. 10, pp. 875–881. DOI: 10.1136/jech.2005.044719
37. Gil'tman M.A. Zanyatost' na Severe Rossii: analiz na osnove mikrodannykh [Employment in the North of Russia: microdata analysis], *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 2017, no.3 (35), pp. 103-124.
38. Makagonov P.P., Figueroa A.R., Espinosa S.R. On the economic contribution of specialized higher education institutions to the development of monofunctional cities. *Studies of the Russian economic development*, 2018, vol. 29, no. 1, pp. 79–85. DOI: 10.1134/S1075700718010094
39. Markhl M., Pausist A. Metodologiya otsenki tret'ei missii universitetov [Third mission indicators for new ranking methodologies]. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek* [Lifelong Education: XXI Century], 2013, no. 1. DOI: <http://dx.doi.org/10.15393/j5.art.2013.1949>
40. Kudryashova E.V., Sorokin S.E. «Tret'ya missiya» v strategiyakh razvitiya arkticheskikh universitetov [“The third mission” in the Arctic universities’ development strategies]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 34, pp. 20–43. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.20
41. Semenikhina V.A., Karelin I.N., Koritskii A.V. Otsenka sotsial'noi normy otдачи obrazovaniya v Rossii s uchetom prodolzhitel'nosti zhizni [Estimating social rate of return on education in Russia in view of life expectancy]. *Vestnik NGUEU* [Vestnik NSUEM], 2014, no. 3, pp. 120–138.

УДК 332.13(985)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.51

Предпринимательская активность в регионах российской Арктики в сравнении с общероссийской ситуацией *

© **СКУФЫНА Татьяна Петровна**, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник

E-mail: skufina@gmail.com

Кольский научный центр Российской академии наук, Апатиты, Россия

© **БАЖУТОВА Екатерина Андреевна**, аспирант

E-mail: eabazhutova@mail.ru

Кольский научный центр Российской академии наук, Апатиты, Россия

© **САМАРИНА Вера Петровна**, доктор экономических наук, доцент, старший научный сотрудник

E-mail: samarina_vp@mail.com

Кольский научный центр Российской академии наук, Апатиты, Россия

Аннотация. В работе рассматривается предпринимательская активность регионов российской Арктики и выявляется её специфика относительно общероссийской ситуации. Актуальность этой научной задачи определена тем, что обеспечение экономического роста и социального развития российской Арктики невозможно без необходимого усиления предпринимательской активности на этой территории. Поиск механизма управления арктическим предпринимательством в настоящее время также является актуальной научной задачей. В работе приведены авторские оценки предпринимательской активности регионов российской Арктики в сравнении с общероссийской ситуацией. Представлена классификация регионов РФ и российской Арктики по виду преобладающей в них предпринимательской активности относительно субъекта рынка, её проявляющего. Определено, что арктическая специфика и региональные особенности обуславливают развитие в Арктике предпринимательской активности таких субъектов рынка, как бизнес и государство. Учёт данной региональной особенности позволил предложить и обосновать практические рекомендации по стимулированию предпринимательской активности с учётом принадлежности арктического региона к определённой классификационной группе.

Ключевые слова: Россия, регионы, Арктика, развитие, предпринимательская активность, сравнительные оценки, государственное управление.

Entrepreneurial activity in the Russian Arctic territories compared to the all-Russian situation

© **Tatiana P. SKUFINA**, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief researcher

E-mail: skufina@gmail.com

Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences (KSC RAS), Apatity, Russia

© **Ekaterina A. BAZHUTOVA**, postgraduate

E-mail: eabazhutova@mail.ru

Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences (KSC RAS), Apatity, Russia

© **Vera P. SAMARINA**, Dr. Sci. (Econ.), Senior Researcher

E-mail: samarina_vp@mail.com

Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences (KSC RAS), Apatity, Russia

* Для цитирования:

Скуфына Т.П., Бажутова Е.А., Самарина В.П. Предпринимательская активность в регионах российской Арктики в сравнении с общероссийской ситуацией // Арктика и Север. 2019. № 37. С. 51–68. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.51

For citation:

Skufina T.P., Bazhutova E.A., Samarina V.P. Entrepreneurial activity in the Russian Arctic territories compared to the all-Russian situation. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 37, pp. 51–68. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.51

Abstract. The paper considers the entrepreneurial activity of the Russian Arctic territories and reveals its specificity compared to the all-Russian situation. The relevance of the scientific task is determined by the fact that ensuring economic growth and social development of the Russian Arctic is impossible without the necessary strengthening of entrepreneurial activity. The search for a mechanism for managing Arctic entrepreneurship is currently an urgent scientific task. The paper presents the authors' estimates of the entrepreneurial activity of the Russian Arctic territories compared to the all-Russian situation. The authors present the classification of the territories of the Russian Federation and the Russian Arctic by the principal business activity related to the subject of the market manifesting it. It is argued the Arctic specificity, and local conditions determine the development of entrepreneurial activity in the Arctic for such market actors as business and the state. This feature allowed us to offer and justify recommendations to stimulate entrepreneurial activity regarding the belonging of the Arctic to a classification group.

Keywords: *Russia, regions, Arctic, development, entrepreneurial activity, comparative assessments, public administration.*

Введение

Научное осмысление феномена проявления предпринимательской активности на определённых территориях крайне актуально, разнообразно и многоаспектно. Это обусловлено тем, что обеспечение экономического роста любой страны и любой территории невозможно без функционирования предпринимательства [1, Minniti M., Levesque M., с. 603–604; 2, Autio E., Kenney M., Mustar P. et al., с. 1098; 3, Sciascia S., De Vita R.]. При этом особенности ведения предпринимательской деятельности существенно разнятся не только между странами, но и между регионами и даже муниципальными образованиями одной страны [1, Minniti M., Levesque M., с. 607; 4, с. 179–190; 5, Верховская О.Р., Александрова Е.А., Богатырева К.А. и др.; 6., Скуфьина Т.П., Бажутова Е., с. 77]. Поэтому вопросы, касающиеся предпринимательской активности, невозможно обсуждать вне контекста территориальных особенностей. Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ) — это зона приоритетного развития [1, Minniti M., Levesque M., с. 607; 4, с. 179–190; 5, Верховская О.Р., Александрова Е.А., Богатырева К.А. и др.; 6., Скуфьина Т.П., Бажутова Е., с. 77] и соответствующего повышенного внимания государственного управления [9, Зайков К.С., Кондратов Н.А., Кудряшова Е.В. и др., с. 184–185; 10, Порфирьев Б.Н., Лексин В.Н., с. 630; 11, Samarina V.P., Samarin A.V., Skufina T.P., Varanov S.V., с. 388–391], вызванного не только геополитическими задачами, но и асимметричностью социально-экономического развития [9, Зайков К.С., Кондратов Н.А., Кудряшова Е.В. и др., с. 187; 12, Баранов С.В., с. 45–47], определяющими специфику развития предпринимательства [6, Скуфьина Т.П., Бажутова Е., с. 79–84; 13, Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю., с. 14–15; 14, Тоскунина В.Э., Кармакулова А.В., с. 34–35]. При этом очевидно, что именно предпринимательство в значительной мере определяет условия и перспективы социально-экономического развития этой территории [6, Скуфьина Т.П., Бажутова Е., с. 77–79; 15, Suorajärvi L., Ejdemo Th., Klyuchnikova E. et al., с. 39]. В этой связи выявление специфики проявления предпринимательской активности российской Арктики является значимым как с точки зрения развития теории, так и с точки зрения научного сопровождения процессов территориального управления.

Цель исследования — сравнительная оценка и выявление специфики проявления предпринимательской активности регионов российской Арктики в контексте общероссийской ситуации и определение соответствующих ей механизмов управления.

О проблеме развития предпринимательства в Арктической зоне Российской Федерации

Территориальное разнообразие России предопределяет целесообразность диагностики феномена предпринимательской активности в региональном контексте. Одними из наиболее интересных территорий с позиций рассмотрения предпринимательской активности являются регионы Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ). Это обусловлено не только уникальными экономико-географическими условиями, но также декларированной стратегической целью управления, направленной на увеличения уровня социально-экономического развития АЗРФ [10, Порфирьев Б.Н., Лексин В.Н., с. 629–639; 11, Samarina V.P., Samarin A.V., Skufina T.P., Varanov S.V., с. 388]. Этот «арктический» контекст исследования предопределяет целесообразность рассмотрения проблемы развития арктического предпринимательства с двух позиций: во-первых, с позиций теории предпринимательства; во-вторых, с позиций современных условий развития АЗРФ.

Рассмотрим первую составляющую — теорию предпринимательства. Мировая научная мысль на протяжении длительного времени активно занималась и теорией и практикой предпринимательства. Классические представления теории предпринимательства определяют предпринимательскую деятельность посредством термина «предпринимательская активность», считая эти понятия тождественными [1, Minniti M., Levesque M., с. 604; 16, Moura M.G., с. 280]. Затем термин «предпринимательская активность» эволюционирует в категорию свойства личности, которая при этом может иметь разные виды проявления [2, Autio E., Kenney M., Mustar P., Siegel D., et al., с. 1098–1106; 17, Edoho F. M., с. 280–293]. Далее представление о качественной характеристике предпринимательской активности принимает вид интегрального количественного показателя, объединяющего синтез результатов предпринимательства [2, Autio E., Kenney M., Mustar P., Siegel D. et al., с. 1098–1106; 5, Верховская О.Р., Александрова Е.А., Богатырева К.А., и др.; 6, Скуфына Т.П., Бажутова Е., с. 77–85; 15, Suorajärvi L., Ejdemo Th., Klyuchnikova E. et al., с. 31–39; 16, Moura M. G., с. 285–300; 17, Edoho F. M., с. 279–294].

Активность и многоаспектность исследований феномена предпринимательской активности предопределили многогранность этого понятия, его неоднозначность. Поэтому до сих пор дискуссионными остаются вопросы сущности категории «предпринимательская активность», соответственно, дискуссионен и состав основных показателей, позволяющих провести оценку уровня предпринимательской активности.

Одним из наиболее интересных и общепризнанных исследований в области предпринимательства является проект «Глобальный мониторинг предпринимательства» (GEM). Россия включилась в участие в рамках этого проекта ещё в 2006 г. В этом проекте предпри-

нимательская активность — это процент населения в возрасте от 18 до 64 лет, вовлечённого в предпринимательскую деятельность [5, Верховская О.Р., Александрова Е.А., Богатырева К.А. и др.]. Однако даже такое общепризнанное определение в рамках проекта GEM содержит противоречие. Так, с одной стороны, все исследователи отмечают многогранность понятия «предпринимательская активность», с другой стороны — обсуждаемая трактовка характеризует его в большей степени как предпринимательскую активность населения. Многочисленные исследования (как российские, так и зарубежные) свидетельствуют об изменении подхода к изучению предпринимательской активности.

Так, в большинстве современных исследований предпринимательская активность рассматривается как свойство, которое присуще всем субъектам хозяйствования, независимо от формы собственности или статуса работы [2, Autio E., Kenney M., Mustar P., Siegel D. et al., с. 1098–1106; 15, Suorajärvi L., Ejdemo Th., Klyuchnikova E. et al., с. 39; 17, Edoho F. M., с. 279–294]. Поэтому проявлять предпринимательскую активность может любой субъект рынка, который функционирует с целью получения дохода от использования появляющихся возможностей на рынке [6, Скуфьина Т.П., Бажутова Е., с. 79–84]. Таким образом, предпринимательская активность может проявляться как свойство каждого субъекта рынка. То есть её могут проявлять и домашние хозяйства (население), и бизнес (действующие предприятия), и государство.

Преобладающий подход к изучению предпринимательской активности с точки зрения только населения приводит к одностороннему рассмотрению количественных показателей, которые кладутся в основу методов её расчёта [5, Верховская О.Р., Александрова Е.А., Богатырева К.А. и др.]. Такой подход не позволяет произвести полноценную диагностику проявления предпринимательской активности определённой территории. Как следствие — снижение эффективности использования ресурсов, направленных на активизацию предпринимательства.

В рамках настоящего исследования под предпринимательской активностью мы предлагаем понимать комплексный показатель, отражающий интенсивность участия в предпринимательской деятельности всех субъектов хозяйствования: домашних хозяйств, бизнеса, государства, синергетический эффект от взаимодействия которых будет определять уровень развития и специфику предпринимательской деятельности на конкретной территории.

Такая трактовка предпринимательской активности позволяет:

1. комплексно охарактеризовать проявление предпринимательской активности;
2. определить уровень и выявить тенденции активности конкретного участника рынка на территории того или иного региона;
3. осуществить классификацию регионов страны по критерию проявления какого-либо вида (специфики) предпринимательской активности.

Рассмотрим вторую составляющую — современные условия развития АЗРФ. Как справедливо отмечается в серии исследований, посвящённых современным условиям и стратегическим приоритетам развития АЗРФ, «поиск ответов на вызовы развития Арктики

осложняется высокой степенью неопределённости происходящих в этом регионе изменений, что обусловлено нехваткой наших знаний об их природе и последствиях» [7, Зайков К.С., Кондратов Н.А., Кудряшова Е.В. и др., с. 10]. В первую очередь это касается факторов влияния внешней среды, включая как естественно-географическую составляющую, так и внешнеполитическую [18, Skufina T.P., Samarina V.P., Krachunov H., Savon D., с. 18, 20; 19, Hamilton L.C., Saito K., Loring P.A., Lammers R.B. et al., с. 115–117; 20, Hamilton L.C., Lammers R.B., с. 120–123]. Что касается внутренних факторов развития АЗРФ, то здесь процессы и перспективы закономерно являются более определёнными [11, Samarina V.P., Samarin A.V., Skufina T.P., Varanov S.V., с. 388–391; 18, Skufina T.P., Samarina V.P., Krachunov H., Savon D.Yu., с. 18–21], более определёнными являются и научные задачи [9, Зайков К.С., Кондратов Н.А., Кудряшова Е.В., Тамицкий А.М., с. 184–185; 10, Порфирьев Б.Н., Лексин В.Н., с. 629–630]. Так, подавляющая часть исследователей-«североведов» стоит на прагматической позиции — обеспечить научное сопровождение управления для достижения декларируемой задачи комплексного социально-экономического развития АЗРФ, основанного на развитии факторов качества жизни и формирования условий для накопления человеческого капитала. Отметим, что наиболее многоаспектно, вобравшими научный опыт основных школ североведения в России, современные представления об управлении Арктикой представлены в коллективной монографии [21, Порфирьев Б.Н., с. 802].

Значительное внимание в современных исследованиях отводится задаче обеспечения управления АЗРФ как единой системой посредством развития опорных зон. Подчеркнём, что такой задачи, как развитие АЗРФ в целом как единого макропроекта, как единого объекта планирования, ни в одной стране мира не ставится и не ставилось. Обеспечение эффективного управления АЗРФ — это важнейшая задача, фактически уровня национальной безопасности. Связано это с тем, что ресурсы российской Арктики являются определяющими для российской экономики, а задача комплексного социально-экономического развития АЗРФ поставлена управлением в силу обеспечения необходимой синхронизации с общемировыми процессами.

Прагматичная позиция обеспечения научного сопровождения управления АЗРФ является единственно возможной и активно реализуемой. Значимость такого сопровождения и его востребованность практикой не вызывает сомнений [9, Зайков К.С., Кондратов Н.А., и др., с. 184–201; 22, Лаверов Н.П.]. Сейчас задачи управления конкретизировались до практики реализации мегапроекта «Арктика», идёт формирование опорных зон развития, реализация которых определяет не только экономическое развитие, но и повышение качества жизни населения АЗРФ и сопряжённое с ним развитие предпринимательства как фактора обеспечения экономического роста и социальной стабильности.

Несмотря на отсутствие официального признания в государственных документах российской арктической политики, арктическое предпринимательство — уже состоявшийся фе-

номен, обусловленный региональными особенностями ведения предпринимательской деятельности и развития предпринимательства в Арктике.

Сегодня предпринимательство в российской Арктике — это небольшая доля малых предприятий и небольшая численность трудоспособного населения, занятого в сфере малого и среднего предпринимательства (далее МСП), относительно ситуации по России в целом [5, Верховская О.Р., Александрова Е.А., и др., с. 66; 6, Скуфьина Т.П., Бажутова Е., с. 85; 13, Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю., с. 4–15].

Это связано с целым рядом причин, большая часть которых является взаимоувязанными.

Во-первых, доминирование крупных, в том числе градообразующих, предприятий в системе регионального хозяйства Арктики, что определяет концентрацию всех видов ресурсов, в том числе и человеческих, именно в системе крупных предприятий [6, Скуфьина Т.П., Бажутова Е., с. 77–85; 8, Samarina V.P., Skufina T.P., Samarin A.V., с. 705–716; 9, Зайков К.С., Кондратов Н.А., и др., с. 184–201; 11, Samarina V.P., Samarin A.V., Skufina T.P., Baranov S.V., с. 388–398; 13, Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю., с. 4–15; 15, Suopajärvi L., Ejdemo Th., Klyuchnikova E., Korchak E. et al., с. 31–32]. Исследования показывают, что именно большие инвестиционные проекты крупных предприятий определяют специфику производственных процессов и производство ВРП в регионах Арктики [7, Зайков К.С., Кондратов Н.А., и др., с. 5–24; 12, Баранов С.В., с. 21].

Во-вторых, высокие заработные платы и относительная стабильность работы, отсутствие остроты проблемы «текучки» кадров градообразующих предприятий определяют при выборе направлений трудовой деятельности предпочтение работы на крупном предприятии, а не в сфере малого и среднего предпринимательства [6, Скуфьина Т.П., Бажутова Е., с. 77–85; 9, Зайков К.С., Кондратов Н.А., и др., с. 184–201; 13, Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю., с. 4–15; 14, Тоскунина В.Э., Кармакулова А.В., с. 27–35].

В-третьих, отсутствие исторически сложившегося развитого предпринимательства в Арктике (по сравнению с общероссийской ситуацией, начиная с периода распада СССР) и, одновременно, ориентация значительной части населения на миграцию в более благоприятные по климату районы страны [8, Samarina V.P., Skufina T.P., Samarin A.V., с. 705–706; 9, Зайков К.С., Кондратов Н.А., Кудряшова Е.В., Тамицкий А.М., с. 184–185; 12, Баранов С.В., 21]. В-четвёртых, повышенные издержки ведения бизнеса в Арктике обуславливают более высокие риски ведения предпринимательской деятельности [12, Баранов С.В., с. 21; 13, Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю., с. 4–15].

Вместе с тем развитие минерально-сырьевого сектора российской Арктики на основе модернизации производства ограничивает возможности занятости на крупных добывающих предприятиях. Такие же тенденции характерны и для транспортной отрасли, сферы услуг и т.д. Нарастание проблемы безработицы, усугублённое повышенными издержками жизнеобеспечения в Арктике, способно инициировать усиление оттока населения, что приведёт к

углублению проблемы «пустого пространства» [8, Samarina V.P., Skufina T.P., Samarin A.V., с. 705–716; 9, Зайков К.С., Кондратов Н.А. и др., с. 184–201; 12, Баранов С.В., 21]. Отметим, что миграционные проблемы Арктики характерны для всех государств, имеющих в своём составе арктические территории [19, Hamilton L.C., Saito K., Loring P.A. et al., с. 115–133; 20, Hamilton L.C., Lammers R.B., с. 107–108]. Поэтому для обеспечения комплексности исследования тенденций и перспектив социально-экономического развития российской Арктики требуется рассмотреть специфику проявления феномена предпринимательства как фактора и результата развития этой территории. Актуальность такого исследования определяется также декларированной в России стратегической целью управления, направленной на увеличение уровня социально-экономического развития АЗРФ.

Кроме того, перечисленные региональные особенности ведения предпринимательской деятельности в Арктике, сложившиеся на сегодняшний день, определяют необходимость поиска соответствующего им механизма управления, который, несомненно, ввиду указанной арктической специфики, будет отличаться от общероссийских инструментов поддержки и стимулирования предпринимательской активности.

Методические особенности исследования

Для разработки интегрального показателя оценки предпринимательской активности в настоящем исследовании использован метод простой многомерной средней. Этот метод даёт возможность на основе безразмерных величин осуществить комплексную количественную оценку предпринимательской активности определённой территории. Метод позволяет учитывать набор статистических показателей, которые характеризуют различные виды проявления предпринимательской активности. Свойства метода полностью соответствуют выявленной сущности предпринимательской активности, понимаемой как комплексное свойство, распределённое между субъектами, её проявляющими (предпринимательская активность бизнеса (ПА бизнеса), предпринимательская активность населения (ПА населения), предпринимательская активность государства (ПА государства)).

$$\bar{p}_j = \frac{\sum_{i=1}^k p_{ij}}{k} = \sum_{i=1}^k \left(\frac{x_{ij}}{\bar{x}_j} \right) : k, (1)$$

где

\bar{p}_j – многомерная средняя для i -единицы;

x_{ij} – значение признака x , для i -единицы;

\bar{x}_j – среднее значение признака x_j ,

k – число признаков;

j – номер признака;

i – номер единицы совокупности.

Исследуемый признак — предпринимательская активность, рассматриваемая как совокупность показателей, характеризующих формы проявления предпринимательской активности по каждому выделенному виду: ПА населения, ПА бизнеса, ПА государства.

ПА населения — интегральное значение следующих показателей: 1) число зарегистрированных индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, относящихся к категории малого и среднего бизнеса; 2) участие физических лиц как учредителей в общей сумме уставного капитала организаций.

ПА бизнеса — интегральное значение следующих показателей: 1) участие юридических лиц в уставном капитале организаций; 2) создание предпринимательских структур в результате процессов выделения, разделения, слияния, поглощения и т.д.

ПА государства — интегральное значение следующих показателей: 1) создание государственных унитарных и муниципальных предприятий, а также число хозяйственных обществ, созданных в результате преобразования государственных и муниципальных унитарных предприятий, ед.; 2) участие государства в уставном капитале организаций.

Алгоритм расчёта включает в себя расчёт уровня предпринимательской активности по каждому выделенному виду на уровне региона и сравнение полученных значений между собой в рамках одного региона для выявления преобладающего в нём вида предпринимательской активности. Расчёт проводится по всем регионам РФ, поэтому дальнейшее исследование заключается в сравнении группы регионов, входящих в АЗРФ, по виду преобладающей в них предпринимательской активности относительно общероссийской ситуации в целом. На основе выявленных особенностей проявления предпринимательской активности в регионах российской Арктики будут сформированы рекомендации по управлению ею с целью повышения для стимулирования их социально-экономического развития.

Территории регионов, входящих в АЗРФ, нормативно закреплены Указом Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» (с последующими изменениями). Так, в Арктическую зону включены регионы, полностью расположенные в Арктике (Мурманская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ), а также регионы, территории которых частично расположены в зоне Арктики (Архангельская область, Республика Карелия, Республика Коми, Красноярский край, Республика Саха (Якутия)). В России, согласно сложившейся практике управления и нормативно-правовому регулированию, все эти регионы считаются регионами российской Арктики.

Результаты и дискуссия

В результате проведённых расчётов уровня предпринимательской активности по видам её проявления в регионах РФ и последующим сравнением полученных результатов для выявления преобладающего в каждом конкретном регионе вида предпринимательской активности (табл. 1) все регионы РФ были разделены на соответствующие группы по данному классификационному признаку (табл. 2).

Таблица 1

Сводные результаты расчётов по распределению предпринимательской активности (ПА)
в зависимости от субъекта рынка по регионам РФ¹

Регион	ПАГ	ПАБ	ПАН	Общая ПА	Преобладающий вид ПА
Белгородская область	0,558	0,494	0,717	1,77	ПА населения
Брянская область	0,492	0,266	0,891	1,65	ПА населения
Владимирская область	0,418	0,523	1,014	1,96	ПА населения
Воронежская область	0,687	0,585	1,170	2,44	ПА населения
Ивановская область	0,333	0,623	0,443	1,40	ПА бизнеса
Калужская область	0,566	0,699	0,850	2,12	ПА населения
Костромская область	0,312	0,247	0,358	0,92	ПА населения
Курская область	0,538	0,234	0,400	1,17	ПА государства
Липецкая область	0,378	0,365	0,515	1,26	ПА населения
Московская область	3,142	4,384	3,554	11,08	ПА бизнеса
Орловская область	0,232	0,225	0,351	0,81	ПА населения
Рязанская область	0,467	0,351	0,495	1,31	ПА населения
Смоленская область	0,488	0,271	0,440	1,20	ПА государства
Тамбовская область	0,354	0,232	0,322	0,91	ПА государства
Тверская область	0,686	0,444	0,732	1,86	ПА населения
Ярославская область	0,382	1,001	0,994	2,38	ПА бизнеса
г. Москва	32,333	22,86 2	13,32 6	68,52	ПА государства
Республика Карелия	0,300	0,248	0,271	0,82	ПА государства
Республика Коми	0,430	0,325	0,340	1,10	ПА государства
Архангельская область и Ненецкий автономный округ	0,937	0,444	0,646	2,03	ПА государства
Вологодская область	0,554	0,465	1,054	2,07	ПА населения
Калининградская область	0,356	0,465	0,741	1,56	ПА населения
Ленинградская область	0,514	0,949	1,182	2,65	ПА населения
Мурманская область	0,366	0,384	0,275	1,03	ПА бизнеса
Новгородская область	0,236	0,232	0,248	0,72	ПА населения
Псковская область	0,234	0,206	1,198	1,64	ПА населения
г. Санкт-Петербург	2,276	7,044	4,338	13,66	ПА бизнеса
Республика Адыгея	0,142	0,065	0,199	0,41	ПА населения
Республика Калмыкия	0,175	0,095	0,084	0,35	ПА государства
Краснодарский край	1,985	1,771	3,860	7,62	ПА населения
Астраханская область	0,314	0,200	0,359	0,87	ПА населения
Волгоградская область	0,923	1,055	1,013	2,99	ПА бизнеса
Ростовская область	1,239	1,325	2,106	4,67	ПА населения
Республика Дагестан	1,273	0,466	0,532	2,27	ПА государства
Республика Ингушетия	0,152	0,054	0,071	0,28	ПА государства
Кабардино-Балкарская Республика	0,250	0,190	0,446	0,89	ПА населения
Карачаево-Черкесская Республика	0,162	0,143	0,507	0,81	ПА населения
Республика Северная Осетия-Алания	0,244	0,193	0,239	0,68	ПА государства
Чеченская Республика	0,744	0,097	0,220	1,06	ПА государства
Ставропольский край	0,629	0,717	2,172	3,52	ПА населения
Республика Башкортостан	1,307	1,172	1,563	4,04	ПА населения
Республика Марий Эл	0,226	0,187	0,277	0,69	ПА населения
Республика Мордовия	0,496	0,122	0,313	0,93	ПА государства
Республика Татарстан	1,452	2,078	2,231	5,76	ПА населения
Удмуртская Республика	0,520	0,512	0,854	1,89	ПА населения
Чувашская Республика — Чувашия	0,528	0,323	0,563	1,41	ПА населения
Пермский край	0,880	0,856	1,565	3,30	ПА населения

¹ Источник: разработано авторами.

Кировская область	0,609	0,418	0,681	1,71	ПА населения
Нижегородская область	0,948	1,764	1,195	3,91	ПА бизнеса
Оренбургская область	0,721	0,449	0,622	1,79	ПА государства
Пензенская область	0,536	0,346	0,533	1,41	ПА государства
Самарская область	0,970	1,469	1,710	4,15	ПА населения
Саратовская область	0,784	0,608	0,963	2,35	ПА населения
Ульяновская область	0,422	0,482	0,653	1,56	ПА населения
Курганская область	0,301	0,236	0,260	0,80	ПА государства
Свердловская область	1,825	2,606	2,592	7,02	ПА бизнеса
Тюменская область без автономных округов	0,485	1,012	0,751	2,25	ПА бизнеса
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	0,488	2,751	1,050	4,29	ПА бизнеса
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,276	1,019	0,234	1,53	ПА бизнеса
Челябинская область	0,875	1,627	1,765	4,27	ПА населения
Республика Алтай	0,165	0,100	0,104	0,37	ПА государства
Республика Бурятия	0,503	0,115	0,315	0,93	ПА государства
Республика Тыва	0,262	0,070	0,069	0,40	ПА государства
Республика Хакасия	0,255	0,230	0,254	0,74	ПА государства
Алтайский край	0,663	0,577	1,014	2,25	ПА населения
Забайкальский край	0,552	0,317	0,284	1,15	ПА государства
Красноярский край	1,389	1,586	1,699	4,67	ПА населения
Иркутская область	1,047	1,414	1,050	3,51	ПА бизнеса
Кемеровская область	0,672	0,846	1,520	3,04	ПА населения
Новосибирская область	0,871	1,921	1,689	4,48	ПА бизнеса
Омская область	0,626	0,552	0,971	2,15	ПА населения
Томская область	0,272	0,586	0,472	1,33	ПА бизнеса
Республика Саха (Якутия)	1,247	0,504	0,593	2,34	ПА государства
Камчатский край	0,240	0,174	0,151	0,57	ПА государства
Приморский край	0,889	0,760	1,250	2,90	ПА населения
Хабаровский край	0,406	1,361	0,577	2,34	ПА бизнеса
Амурская область	0,266	0,287	0,323	0,88	ПА населения
Магаданская область	0,098	0,250	0,151	0,50	ПА бизнеса
Сахалинская область	0,330	0,309	0,320	0,96	ПА государства
Еврейская автономная область	0,089	0,046	0,060	0,20	ПА государства
Чукотский автономный округ	0,130	0,060	0,012	0,20	ПА государства
Республика Крым	0,988	0,269	1,117	2,37	ПА населения
г. Севастополь	0,160	0,068	0,212	0,44	ПА населения
Тульская область	0,428	0,621	0,742	1,79	ПА населения

Таблица 2

Классификация регионов РФ по виду и уровню проявления предпринимательской активности (ПА)

Уровень ПА			
Вид ПА	Низкая ПА	Средняя ПА	Высокая ПА
ПА населения	Карачаево-Черкесская Республика Астраханская область Амурская область Кабардино-Балкарская Республика Костромская область Липецкая область Рязанская область Чувашская Республика — Чувашия Ульяновская область Калининградская область Псковская область Брянская область Кировская область Белгородская область Тульская область Тверская область Удмуртская Республика Владимирская область Вологодская область Калужская область Омская область Алтайский край Саратовская область Республика Крым Воронежская область Ленинградская область Приморский край	Кемеровская область Пермский край Ставропольский край Республика Башкортостан Самарская область Челябинская область Ростовская область Красноярский край Республика Татарстан Краснодарский край	
ПА бизнеса	Магаданская область Мурманская область Томская область Ивановская область Ямало-Ненецкий автономный округ Тюменская область без автономных округов Хабаровский край Ярославская область Волгоградская область	Иркутская область Нижегородская область Ханты-Мансийский автономный округ — Югра Новосибирская область Свердловская область Московская область	г. Санкт-Петербург

ПА государства	Еврейская автономная область Чукотский автономный округ Республика Ингушетия Республика Калмыкия Республика Алтай Республика Тыва Камчатский край Республика Северная Осетия-Алания Республика Хакасия Курганская область Республика Карелия Тамбовская область Республика Мордовия Республика Бурятия Сахалинская область Чеченская Республика Республика Коми Забайкальский край Курская область Смоленская область Пензенская область Оренбургская область Архангельская область и Ненецкий автономный округ Республика Дагестан Республика Саха (Якутия)		г. Москва
----------------	---	--	-----------

Результаты расчётов и сравнения полученных значений по преобладающему в них виду предпринимательской активности в каждом из регионов Арктики представлены в табл. 3.

Таблица 3

*Сводные результаты оценки предпринимательской активности (ПА)
по регионам российской Арктики*

Регион	ПА государства	ПА бизнеса	ПА населения	Общая ПА	Преобладающий вид ПА
Республика Карелия	0,300	0,248	0,271	0,82	ПА государства
Республика Коми	0,430	0,325	0,340	1,10	ПА государства
Архангельская область и Ненецкий автономный округ	0,937	0,444	0,646	2,03	ПА государства
Мурманская область	0,366	0,384	0,275	1,03	ПА бизнеса
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,276	1,019	0,234	1,53	ПА бизнеса
Красноярский край	1,389	1,586	1,699	4,67	ПА населения
Республика Саха (Якутия)	1,247	0,504	0,593	2,34	ПА государства
Чукотский автономный округ	0,130	0,060	0,012	0,20	ПА государства

Рассмотрение данных по всем регионам России указывает, что самой многочисленной группой является группа регионов, в которых преобладает ПА населения (входит 42 региона России). Общие черты экономики этих регионов: развитая обрабатывающая промышленность, оптовая и розничная торговля, транспорт и связь, операции с недвижимым иму-

ществом, строительство и сельское хозяйство. Среди регионов Арктики в данную группу вошёл только Красноярский край. Несмотря на свой ярко-выраженный индустриальный характер, который роднит его с другими регионами российской Арктики, на сегодняшний день Красноярский край — один из российских регионов-лидеров по уровню инвестиционной активности. Он входит в первую десятку субъектов РФ по производству ВРП. От других регионов АЗРФ его отличает высокий уровень развития сельского хозяйства, обрабатывающей и пищевой промышленности, развитый строительный и топливо-энергетический комплекс, транспортно-коммуникационная инфраструктура.

Следующая по численности — группа с преобладанием ПА государства (входит 26 регионов России). Общие черты экономики этих регионов: преобладает металлургия, добыча полезных ископаемых, деревообработка, топливно-энергетический комплекс. Большинство регионов Арктики относится к нижнему сегменту этой группы, что определяется участием государства в крупных предпринимательских структурах, осуществляющих деятельность в основных отраслях экономики этих регионов.

Самая немногочисленная группа регионов России — с преобладанием ПА бизнеса (входит 15 регионов РФ). Экономика этой группы разнообразна, качественные оценки свидетельствуют, что эти регионы характеризуются благоприятными условиями ведения бизнеса. В нижний сегмент этой группы вошло два региона Арктики — Мурманская область и Ямало-Ненецкий АО.

Преобладающая сила влияния предпринимательской активности бизнеса и государства отвечает отмеченным выше современным особенностям развития АЗРФ, заключающимся в высокой степени корпоративизации экономики Арктики и активном участии в ней государства, имеющего глубокие исторические корни в аспекте становления и развития экономики северных территорий. Упор на данную региональную особенность территорий российской Арктики позволяет комплексно учесть специфику её социально-экономического положения и тенденций развития и сформировать соответствующий механизм управления.

Практические предложения для государственного управления

Механизм управления предпринимательской активностью в конкретных регионах должен зависеть от вида и уровня проявления предпринимательской активности на территории. Общеизвестно, что именно население должно стать драйвером экономического роста экономики страны, обеспечить рост малого и среднего предпринимательства. Поэтому стратегии развития предпринимательства в регионах должны быть направлены не только на активизацию предпринимательской активности, но также на перераспределение предпринимательской активности в пользу роста ПА населения. Ярким примером этого является выгодное отличие Красноярского края от других регионов АЗРФ. В нём как раз и преобладает предпринимательская активность населения. Добиться такого положения Красноярский край смог за счёт реализации активной политики поддержки инвестиционной деятельности,

делающей упор на реализации механизмов государственно-частного партнёрства, предоставления государственных гарантий, субсидий, бюджетных инвестиций и налоговых льгот действующему бизнесу.

Таким образом, механизм управления предпринимательской активностью в российской арктической экономике основывается на перераспределении текущих преобладающих видов предпринимательской активности государства и бизнеса в пользу предпринимательской активности населения посредством реализации сопряжённых концепций управления, подразумевающих совместное участие бизнеса и населения, государства и населения или всех субъектов рынка одновременно.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что для регионов Арктики, характеризующихся преобладанием ПА государства (Чукотский автономный округ; Республика Карелия; Республика Коми; Архангельская область и Ненецкий автономный округ; Республика Саха (Якутия)), эффективным инструментом реализации «сопряжённых активностей» государства и бизнеса выступает государственно-частное партнёрство. При этом формы проявления партнёрства могут быть самыми многообразными: сервисные контракты (аутсорсинг), управляющие контракты (менеджмент-контракты), аренда и временная передача прав, концессионные соглашения (различные типы). Перевод ПА государства в ПА населения возможен за счёт поддержки и стимулирования к реализации концепций социального аутсорсинга, инвестиционных вложений в создание компаний малого и среднего бизнеса, развития государственного франчайзинга. Особенно важны и плодотворны вложения в инновационную сферу.

В регионах Арктики с преобладающей ПА бизнеса для перераспределения её в сторону ПА населения необходима реализация государственной политики, направленной на стимулирование бизнеса к вовлечению предпринимательских инициатив населения. В качестве форм и инструментов данной политики могут выступать применение концепций интрапренерства крупным бизнесом, поддержка и стимулирование инвестиций частного бизнеса во вновь создаваемые предпринимательские структуры, аутсорсинг и создание дочерних и зависимых обществ на базе материнской компании, в том числе развитие сетей франчайзинговых компаний.

Заключение

Обосновано, что предпринимательская активность является важным фактором обеспечения комплексного, сбалансированного социально-экономического развития российской Арктики.

Проведён анализ предпринимательской активности регионов Арктики в общероссийском контексте. На основе полученных оценок проведена классификация регионов России по виду преобладающей в них предпринимательской активности и установлено место регионов Арктики в этой классификации. Выявлено, что предпринимательская активность в регионах Арктики отличается не только по уровню её проявления, но и по преобладающему в

них виду предпринимательской активности как относительно общероссийской ситуации, так и между арктическими регионами.

Так, было выявлено, что преобладающей силой влияния в регионах российской Арктики является предпринимательская активность бизнеса и государства, что отвечает современным особенностям развития АЗРФ, заключающимся в высокой степени корпоративизации экономики Арктики и активном участии в ней государства. Исходя из принадлежности арктического региона к определенной классификационной группе, предложены рекомендации по управлению предпринимательской активностью и её стимулированию.

Упор на данную региональную особенность позволил сформировать механизм управления арктическим предпринимательством, комплексно учитывающий специфику социально-экономического положения и тенденций развития арктических территорий. Он заключается в усилении предпринимательской активности населения в Арктике как целевой и обеспечивающей её стабильное социально-экономическое развитие за счёт реализации государственной политики, направленной на стимулирование бизнеса и государства к вовлечению предпринимательских инициатив населения в контур своих зон управления. В регионах, классификационно относящихся к территориям с преобладающей предпринимательской активностью бизнеса, это достигается применением таких концепций управления, как интрапренерство, поддержка и стимулирование инвестиций частного бизнеса во вновь создаваемые предпринимательские структуры, аутсорсинг и создание дочерних и зависимых обществ на базе материнской компании, в том числе развитие сетей франчайзинговых компаний. Для регионов с преобладающей силой влияния предпринимательской активности государства необходима поддержка и стимулирование к реализации концепций социального аутсорсинга, инвестиционных вложений в создание компаний малого и среднего бизнеса, развитие государственного франчайзинга.

Применение рекомендаций позволит усилить и перераспределить текущую предпринимательскую активность в пользу активизации населения, что станет основой для развития предпринимательства в целом как фактора обеспечения экономического роста и социальной стабильности в Арктике.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00025.

Литература

1. Minniti M., Levesque M. Recent developments in the economics of entrepreneurship // Journal of Business Venturing. 2008. Vol. 23. No 6. Pp. 603–612.
2. Autio E., Kenney M., Mustar, P., Siegel, D., Wright, M. Entrepreneurial innovation: The importance of context // Research Policy. 2014. Vol. 43. No 7. Pp. 1097–1108.
3. Sciascia S., De Vita R. The development of entrepreneurship research. Università Carlo Cattaneo, 2004. 37 p.

4. Stenholm P., Acs Z. J., Wuebker R. Exploring country-level institutional arrangements on the rate and type of entrepreneurial activity // *Journal of Business Venturing*. 2013. Vol. 28. No 1. Pp. 176–193.
5. Верховская О.Р., Александрова Е.А., Богатырева К.А., Джелепова М.В., Шмелева Э.В. Национальный отчёт «Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2016 / 2017». Высшая школа менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, 2016. 66 с.
6. Скуфьина Т.П., Бажутова Е. Инновации градообразующих предприятий в проявлении предпринимательской активности в условиях Арктики (на примере г. Кировска Мурманской области) // *Инновации*. 2019. №3. С. 77–85.
7. Зайков К.С., Кондратов Н.А., Кудряшова Е.В., Липина С.А., Чистобаев А.И. Сценарии развития арктического региона (2020–2035) // *Арктика и Север*. 2019. № 35. С. 5–24. DOI: 10.17238/jssn2221-2698.2019.35.5
8. Samarina V.P., Skufina T.P., Samarin A.V. Russia's North Regions as Frontier Territories: Demographic Indicators and Management Features. *European Research Studies Journal*. 2018. Vol. 21. No 3. Pp. 705–716.
9. Зайков К.С., Кондратов Н.А., Кудряшова Е.В., Тамицкий А.М. Потребность субъектов Арктической зоны РФ в трудовых ресурсах // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2018. Т. 11. № 6. С. 184–201. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.11
10. Порфирьев Б.Н., Лексин В.Н. Роль технологической модернизации в формировании социально ориентированной экономики и обеспечении устойчивого развития Российской Арктики // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2017. Т. 8. № S4 (32). С. 629–639.
11. Samarina V.P., Samarin A.V., Skufina T.P., Baranov S.V. Social And Economic Development Of Russia's Northern Regions: Lessons, Trends And Decisions // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS: GCPMED 2018 — International Scientific Conference "Global Challenges and Prospects of the Modern Economic Development"*. Vol. LVII, 2019, Pp. 388–398. DOI: <https://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2019.03.39>
12. Баранов С.В. Статистическая оценка асимметричности экономического развития регионов Севера и несеверной части РФ // *Вопросы статистики*. 2010. № 4. С. 44–48.
13. Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю. Арктическое предпринимательство: условия и возможности развития // *Арктика: экология и экономика*. 2016. № 4 (24). С. 4–15.
14. Тоскунина В.Э., Кармакулова А.В. Женская занятость в регионах Севера России: проблемы и пути решения // *Экономика региона*. 2013. № 4 (36). С. 27–35.
15. Suopajärvi L., Ejdemo Th., Klyuchnikova E., Korchak E., Nygaard V., Poelzer G.A. Social impacts of the “glocal” mining business: case studies from Northern Europe // *Mineral Economics*. 2017. Vol. 30. No 1. Pp. 31-39. DOI: 10.1007/s13563-016-0092-5
16. Moura M.G. Schumpeter on the integration of theory and history // *The European Journal of the History of Economic Thought*. 2003. Vol. 10. No. 2. Pp. 279–301.
17. Edoho F.M. Entrepreneurship paradigm in the new millennium: A critique of public policy on entrepreneurship. *Journal of Entrepreneurship in Emerging Economies*. 2016. Vol. 8. No. 2. Pp. 279–294.
18. Skufina T.P., Samarina V.P., Krachunov H., Savon D.Yu. Problems of Russia's Arctic Development in the Context of Optimization of the Mineral Raw Materials Complex Use // *Eurasian Mining*. 2015. No. 2. Pp. 18–21. DOI: 10.17580/em.2015.02.05
19. Hamilton L.C., Saito K., Loring P.A., Lammers R.B., Huntington H.P. Climigration? Population and climate change in Arctic Alaska // *Population and environment*. 2016. Vol. 38. No. 2. Pp. 115–133.
20. Hamilton L.C., Lammers R.B. Linking pan-Arctic human and physical data // *Polar Geography*. 2011. Vol. 34. No. 1–2. Pp. 107–123.
21. Социально-экономическая проблематика Российской Арктики в исследованиях институтов Российской академии наук: история, современность, перспективы / Под общей редакцией Б.Н. Порфирьева. Изд-во «Научный консультант», Москва, 2018. 802 с.
22. Лаверов Н.П. О вкладе Российской академии наук в современное освоение и развитие Арктики // *Арктика: экология и экономика*. 2014. №. 1. С. 4-9.

References

1. Minniti M., Levesque M. Recent developments in the economics of entrepreneurship. *Journal of Business Venturing*, 2008, vol. 23, no. 6, pp. 603–612.
2. Autio E., Kenney M., Mustar P., Siegel D., Wright, M. Entrepreneurial innovation: The importance of context. *Research Policy*, vol. 43, no 7, pp. 1097–1108.
3. Sciascia S., De Vita R. *The development of entrepreneurship research*. Università Carlo Cattaneo, 2004, 37 p.
4. Stenholm P., Acs Z. J., Wuebker R. Exploring country-level institutional arrangements on the rate and type of entrepreneurial activity. *Journal of Business Venturing*, 2013, vol. 28, no. 1, pp. 176–193.
5. Verhovskaya O.R., Aleksandrova E.A., Bogatyreva K.A., Dzhelepova M.V., Shmeleva E.V. *Natsional'niy otchet «Global'niy monitoring predprinimatel'stva. Rossiya 2016 / 2017* [National report «Global entrepreneurship monitoring. Russia 2016 / 2017»]. Graduate School of Management (GSOM SPbU) Publ. Saint Petersburg, 2016. 66 p. (In Russ.)
6. Skufina T.P., Bazhutova E. Innovatsii gradoobrazuyushchih predpriyatij v proyavlenii predprinimatel'skoy aktivnosti v usloviyah Arktiki (na primere g. Kirovskaja Murmanskoy oblasti) [Innovations of city-forming enterprises in the manifestation of entrepreneurial activity in the Arctic (on the example of Kirovsk, Murmansk region)]. *Innovatsii* [Innovations], 2019, no. 3, pp. 77–85.
7. Zaikov K.S., Kondratov N.A., Kudryashova E.V., Lipina S.A., Chistobaev A.I. Stsenarii razvitiya arkticheskogo regiona (2020–2035) [Scenarios of development of the Arctic region (2020-2035)]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 35, pp. 5–24. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.5
8. Samarina V.P., Skufina T.P., Samarin A.V. Russia's North Regions as Frontier Territories: Demographic Indicators and Management Features. *European Research Studies Journal*, 2018, vol. 21, no. 3, pp. 705–716.
9. Zaikov K.S., Kondratov N.A., Kudryashova E.V., Tamitskii A.M. Potrebnost' sub'ektov Arkticheskoy zony RF v trudovykh resursakh [The need for workforce in constituent entities of the Arctic Zone of the Russian Federation]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2018, vol. 11, no. 6, pp. 184–201. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.11
10. Porfir'ev B.N., Leksin V.N. Rol' tekhnologicheskoy modernizatsii v formirovanii social'no orientirovannoy ekonomiki i obespechenii ustoichivogo razvitiya Rossiyskoy Arktiki [The role of technological modernization in the formation of a socially oriented economy and ensuring the sustainable development of the Russian Arctic]. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie)* [MID (Modernization. Innovation. Development)], 2017, vol. 8, no. S4 (32), pp. 629–639.
11. Samarina V.P., Samarin A.V., Skufina T.P., Baranov S.V. Social And Economic Development Of Russia's Northern Regions: Lessons, Trends And Decisions. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS: GCPMED 2018 — International Scientific Conference "Global Challenges and Prospects of the Modern Economic Development"*, 2019, vol. LVII, pp. 388–398. DOI: <https://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2019.03.39>
12. Baranov S.V. Statisticheskaya otsenka asimmetrichnosti ekonomicheskogo razvitiya regionov Severa i nesevernoj chasti RF [Statistical assessment of the asymmetry of the economic development of the regions of the North and the non-northern part of the Russian Federation]. *Voprosy statistiki* [Statistics Issues], 2010, no. 4, pp. 44–48.
13. Pilyasov A.N., Zamyatina N.YU. Arkticheskoe predprinimatel'stvo: usloviya i vozmozhnosti razvitiya [Arctic entrepreneurship: conditions and development opportunities]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: ecology and economics], 2016, no. 4 (24), pp. 4–15.
14. Toskunina V.E., Karmakulova A.V. Zhenskaya zanyatost' v regionakh Severa Rossii: problemy i puti resheniya [Women's employment in the regions of the North of Russia: problems and solutions.]. *Ekonomika regiona* [The economy of the region], 2013, no. 4 (36), pp. 27–35.
15. Suopajarvi L., Ejdemo Th., Klyuchnikova E., Korchak E., Nygaard V., Poelzer G.A. Social impacts of the “glocal” mining business: case studies from Northern Europe. *Mineral Economics*, 2017, vol. 30, no. 1, pp. 31–39. DOI: 10.1007/s13563-016-0092-5
16. Moura M. G. Schumpeter on the integration of theory and history. *The European Journal of the History of Economic Thought*, 2003, vol. 10, no. 2, pp. 279–301.

17. Edoho F.M. Entrepreneurship paradigm in the new millennium: A critique of public policy on entrepreneurship. *Journal of Entrepreneurship in Emerging Economies*, 2016, vol. 8, no. 2, pp. 279–294.
18. Skufina T.P., Samarina V.P., Krachunov H., Savon D.Yu. Problems of Russia's Arctic Development in the Context of Optimization of the Mineral Raw Materials Complex Use. *Eurasian Mining*, 2015, no. 2, pp. 18–21. DOI: 10.17580/em.2015.02.05
19. Hamilton L.C., Saito K., Loring P.A., Lammers R.B., Huntington H.P. Climigration? Population and climate change in Arctic Alaska. *Population and environment*, 2016, vol. 38, no. 2, pp. 115–133.
20. Hamilton L.C., & Lammers R.B. Linking pan-Arctic human and physical data. *Polar Geography*, 2011, vol. 34, no. 1–2, pp. 107–123.
21. *Sotsial'no-ekonomicheskaya problematika Rossiyskoi Arktiki v issledovaniyah institutov Rossiyskoy akademii nauk: istoriya, sovremennost', perspektivy* [Socio-economic problems of the Russian Arctic in the research of institutes of the Russian Academy of Sciences: history, modernity, prospects]. «Nauchnyj konsul'tant» Publ., Moscow, 2018, 802 p. (In Russ.)
22. Laverov N.P. O vklade Rossiyskoi akademii nauk v sovremennoe osvoenie i razvitie Arktiki [On the contribution of the Russian Academy of Sciences to the modern development of the Arctic]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: ecology and economy], 2014, no. 1, pp. 4-9.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ POLITICAL PROCESSES AND INSTITUTIONS

УДК [327(519.5)+332.14(519.5)](98)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.69

Республика Корея в Арктическом регионе: от теоретического оформления политики к её практической реализации *

© **КИМ Минсу**, доктор юридических наук

E-mail: guan72@kmi.re.kr

Корейский морской институт, Пусан, Республика Корея

© **МАРЧЕНКОВ Максим Леонидович**, магистрант

E-mail: m.marchenkov@yahoo.com

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

Аннотация. В статье представлен обзорный анализ арктической политики Республики Корея, который подразумевает определение причин и предпосылок заинтересованности Южной Кореи в создании собственной политической доктрины в Арктике, основанной на особенностях географического положения страны, её экономических условиях и потребностях. Политика Южной Кореи в Арктическом регионе рассматривается нами с точки зрения трёх её этапов: до присоединения к Арктическому совету в качестве наблюдателя, в период первого генерального плана по Арктике и после обновления арктической политики государства. Приводится краткая история арктической деятельности Южной Кореи. Кроме того, нами рассмотрены положения первого генерального плана Кореи по Арктике, а также проанализирована практика его реализации. В статье также анализируется обновлённая арктическая политика Южной Кореи. За 20 лет присутствия в Арктическом регионе государству удалось трансформировать свою политику. Первоначально она была ориентирована исключительно на научные исследования. Теперь же арктическая политика Южной Кореи затрагивает обеспечение национальных экономических интересов, заключающихся в многостороннем участии страны в арктическом сотрудничестве. В заключение приводятся размышления авторов о дальнейших направлениях развития политики Республики Корея в Арктике.

Ключевые слова: Республика Корея, Арктический совет, арктическая политика, неарктические акторы в Арктике, экономические выгоды от деятельности в Арктике, научное сотрудничество в Арктике.

The Republic of Korea and the Arctic region: from policy formulating to policy making

© **Minsu KIM**, PhD in Law

E-mail: guan72@kmi.re.kr

Korea Maritime Institute, Busan, Republic of Korea

© **Maksim L. MARCHENKOV**, Master's degree student

E-mail: m.marchenkov@yahoo.com

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

* Для цитирования:

Ким М., Марченков М.Л. Республика Корея в Арктическом регионе: от теоретического оформления политики к её практической реализации // Арктика и Север. 2019. № 37. С. 69–81. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.69

For citation:

Kim M., Marchenkov M.L. The Republic of Korea and the Arctic region: from policy formulating to policy making. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 37, pp. 69–81. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.69

Abstract. The following article is a policy review paper devoted to the general analysis of the Arctic policy of the Republic of Korea. The analysis includes the explanation of the country's demand for conducting its own policy in the Arctic that mostly resides in the peculiarities of South Korea's geographical position and economic conditions and demands. The policy of South Korea in the Arctic region is highlighted in the three stages: before joining the Arctic Council, during the first master plan for the Arctic, and after the updated Arctic policy was issued. The brief history of the Korea's participation in the Arctic activities is highlighted. Also, the provisions of Korea's first master plan for the Arctic are highlighted, and some conclusions are made regarding its implementation. Then the updated Arctic policy of South Korea is examined. The core conclusion is that during 20 year of participation in the Arctic-related activities, the Republic of Korea has transformed its Arctic policy from being research-oriented only to providing national economic benefits from the multilateral inclusion in the Arctic cooperation institutions and events. Some further reflections on Korea's further Arctic policy are provided at the conclusion.

Keywords: *Republic of Korea, Arctic Council, Arctic policy, non-Arctic actors in the Arctic, economic benefits from the Arctic activities, Arctic research cooperation.*

Введение

В настоящее время актуальность многочисленных фундаментальных и прикладных исследований, касающихся Арктики, традиционно связана со стратегическим значением арктического региона для всего земного шара. Среди широко распространённых причин глобального значения Арктики можно назвать перспективные транспортные возможности Северного морского коридора (вкл. СМП), Северо-Западного прохода и даже Северного Полюса [1, Zhang Z., Huisingh D., Song M.], а также растущий спрос на минеральные ресурсы (в основном углеводороды и редкоземельные металлы) [2, Swain F.], а также глобальное воздействие изменения климата в Арктике, которое вызывает огромную озабоченность у экологов и исследователей [3, Overland J. et al.]. Таким образом, вышеупомянутые моменты в целом представляют собой сложную аргументацию для активной деятельности в Арктике, а также создают почву для исследований в области экономики, общества и окружающей среды.

Создание Арктического совета положило начало активному участию неарктических государств в процессе выработки политики в Арктике через предоставление статуса наблюдателя. С 1996 г. статус наблюдателя в Арктическом совете получили 13 неарктических государств. Стоит подчеркнуть, что с точки зрения арктической политики 2013 г. характеризовался появлением целого пула наблюдателей – азиатских государств. Япония, КНР, Индия, Корея и Сингапур получили статус наблюдателя на заседании Арктического совета, проходившего на министерском уровне в Кируне.

Участие в Арктическом совете требует от неарктических государств-наблюдателей разработки и проведения последовательной политики в Арктике¹. Также очевидно, что арктическая политика государств-наблюдателей имеет разные ключевые моменты и уровень вовлечённости государств, а следовательно, и различную роль государства в области глобального арктического сотрудничества. Хотя роль и перспективы деятельности Китая в арктическом регионе широко освещаются в политическом и исследовательском дискурсе, мы считаем, что остальным странам «Азиатского пула» Арктического совета не уделяется столь-

¹ Arctic Council Rules of Procedure. URL: <http://hdl.handle.net/11374/940> (дата обращения: 15.10.2019).

ко внимания. Что касается остальных азиатских наблюдателей в Совете, то представляется достаточно интересным рассмотреть случай Республики Корея и её арктическую политику, поскольку правительство и деловые круги страны стремятся к широкому использованию экономического и исследовательского потенциала Арктики и тем самым влияют на структуру глобального управления Арктикой и экономической деятельности, а значит должны быть понятны заинтересованным сторонам.

Вопросы разработки арктической политики Южной Кореи

Несмотря на участие в Арктическом совете, позволяющее Южной Корее получить большее политическое влияние на глобальном уровне, очевидно, что это не является самоцелью. Обнаруживается сложная взаимосвязь причин, по которым Арктический регион представляет интерес для Южной Кореи.

Прежде всего, важно изучить географическое положение страны, влияющее на следующие экономические явления. Республика Корея расположена в южной части Корейского полуострова. Однако на практике её положение аналогично положению острова, который не имеет сухопутной связи с материком, поскольку политическая напряжённость после Корейской войны ограничивает железнодорожную и автомобильную коммуникацию через север полуострова. По этой причине единственным средством связи Южной Кореи с другими странами является морской транспорт и воздушное сообщение. В этом контексте большое значение имеют два взаимосвязанных фактора: экономика Южной Кореи основана на торговле, а уровень зависимости от национальной внешней торговли составляет приблизительно 90%². Второй важный фактор — доля судоходства в общем объёме торговли страны, которая составляет около 99,7%, то есть морская коммуникация Южной Кореи — жизненно важная и незаменимая сила.

С точки зрения важности Арктики для страны, необходимо отметить состояние экономики Кореи в целом. За последние 30 лет экономика Республики Корея выросла более чем в десять раз (ВВП увеличился в 14 раз, ВНД — в 11 раз)³. Кроме того, национальная экономика демонстрирует большую зависимость от импорта источников энергии (около 95%)⁴. Исходя из вышесказанного, вполне естественно, что Южная Корея ищет средства сокращения сроков доставки энергоносителей и других товаров в корейские порты. Использование Северо-восточного морского коридора, и СМП в том числе, представляется перспективной возможностью, т.к. она предлагает намного более короткие маршруты доставки между портами Азии и Европы [4, Theocharis D. et al.]. Энергетические потребности развивающейся экономики Кореи требуют арктической нефти и газа. Важным моментом при этом является

² Share of imports and export in gross national income (GNI) in South Korea from 2009 to 2018. URL: <https://www.statista.com/statistics/642175/south-korea-foreign-trade-share/> (дата обращения: 17.10.2019).

³ Explore Korea through Statistics 2018 / Statistical Service Planning Division of Statistics s Korea. 2018. с. 33. URL: <http://kostat.go.kr/portal/eng/news/3/index.board?bmode=read&aSeq=372131> (дата обращения: 20.10.2019).

⁴ Там же, с. 57–58.

близость этих ресурсов, хотя цены на арктические источники энергии в настоящее время остаются спорным вопросом [5, Harsem Ø., Eide A., & Heen K., с. 8041].

Ещё один момент в арктическом фокусе Южной Кореи — экономические возможности промышленного сектора. Хорошо развитый высокотехнологичный судостроительный кластер страны обладает высоким потенциалом в строительстве судов для эксплуатации в суровых условиях Арктики, а также морских платформ для добычи арктических углеводородов. Все это представляет собой экономические интересы Южной Кореи в направлении содействия эксплуатации арктических месторождений. Известными примерами стали строительство первого в мире ледокольного СПГ-танкера для проекта «Ямал СПГ» на судостроительных верфях Daewoo в Пусане. Там же планируется выпуск других аналогичных танкеров⁵.

Подводя итог, следует отметить, что особенности географического положения Южной Кореи и рост энергоемкой экономики, зависимой от внешней торговли и управляемой главным образом морем, являются причиной того, что правительство и бизнес Кореи стараются занять последовательную и выгодную позицию в процессе разработки политики в Арктике. Кратко проанализируем первые шаги страны в этом регионе.

Как для многих других неарктических государств, начало деятельности Южной Кореи в Арктическом регионе связано с исследованиями. После создания Арктического совета в 1996 г. Корея заявила о своем интересе в научно-исследовательской деятельности в Арктическом регионе. До этого государство имело некоторый опыт исследований в Антарктике, в рамках деятельности Корейского института океанических исследований (KORDI), основанного в 1987, в 2012 г. переименованного в Корейский институт океанографических наук и технологий (KIOST). На рисунке ниже показаны ключевые моменты истории арктических исследований Кореи до получения статуса наблюдателя в Арктическом совете.

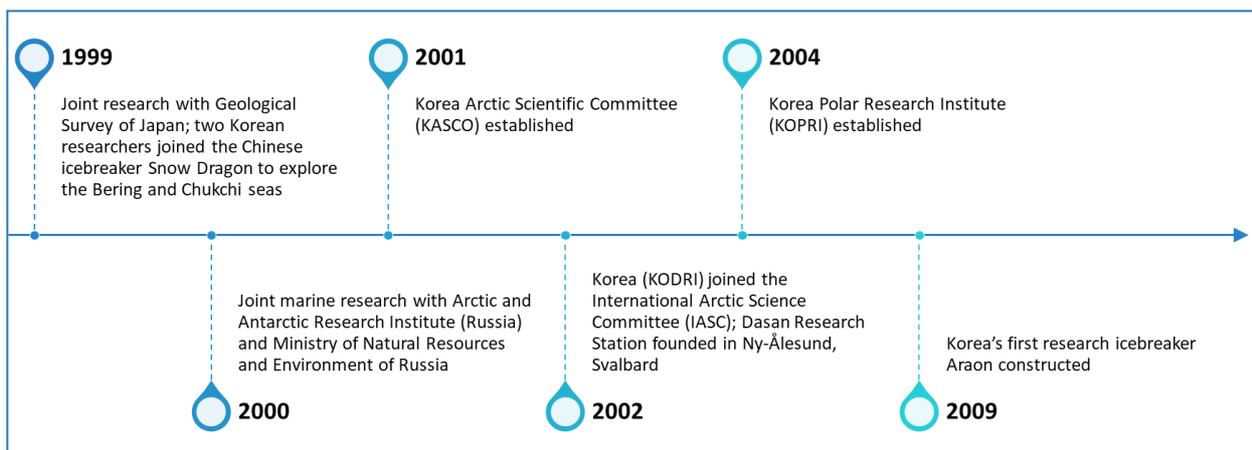

Рис. 1. Ключевые вехи в истории арктических исследований Южной Кореи. Создано авторами на основе источников [6, Park Y.K., с. 2-3; 7, Dongmin J., Won-sang S. & Seokwoo L., с. 87–88; 8, Kim H.J., с. 265].

1999 — Совместные исследования с Геологической службой Японии; двое корейских учёных присоединились к экспедиции китайского судна «Снежный Дракон», изучавшей Берингово и Чукотское моря.

⁵ Korea builds world's first ever icebreaking LNG carrier - to Russia. URL: <https://www.highnorthnews.com/nb/korea-builds-worlds-first-ever-icebreaking-lng-carrier-russia> (дата обращения: 20.10.2019).

2000 — Совместные морские исследования с российским Институтом Арктики и Антарктики, а также Министерством природных ресурсов РФ.

2001 — Создан Корейский Арктический Научный Комитет (KASCO).

2002 — KOPRI присоединилась к Международному арктическому научному комитету (IASC); основана научная станция «Дасан» на Шпицбергене.

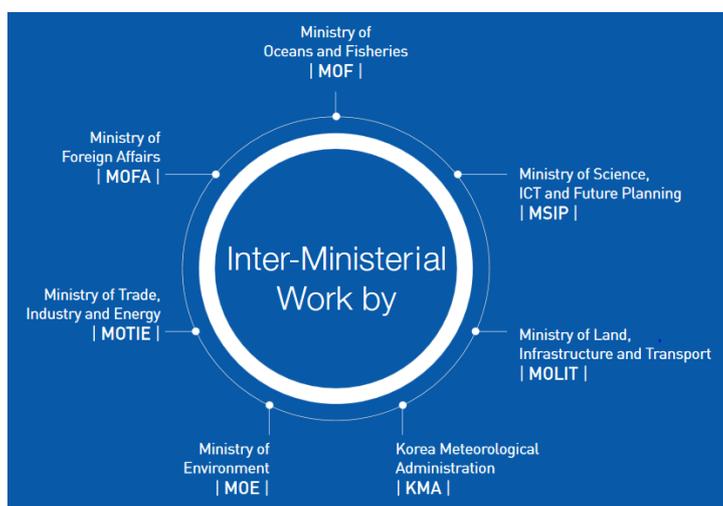
2004 — Создан Корейский Полярный Исследовательский институт (KOPRI).

2009 — спущен на воду первый корейский исследовательский ледокол «Араон».

В результате последовательно развивавшихся в 2000-е гг. исследований в Арктике в 2008 г. Республика Корея подала заявку на получение статуса наблюдателя в Арктическом совете. В поддержку заявки в 2012 и 2013 гг. Министерство океанов и рыболовства опубликовало «Меры по продвижению политики полярного региона», в результате которых была провозглашена «биполярная» политика Кореи, то есть имеющая два направления: в Арктике и Антарктике [7, Dongmin J., Won-sang S. & Seokwoo L., с. 88].

Первая арктическая стратегия Южной Кореи и её реализация

Первый этап формирования арктической политики Южной Кореи завершился получением статуса наблюдателя в Арктическом совете на министерской встрече в Кируне в 2013 г. Это событие побудило корейское правительство разработать первый национальный документ по вопросам арктической политики, который бы учитывал все области арктических интересов государства. Так, в 2013 г. Республика Корея стала первой азиатской страной, издавшей собственную пятилетнюю арктическую стратегию, получившую название «Генеральный план арктической политики» [9, Bennett M.M., с. 887]. Общая цель политического документа заключалась в «содействии устойчивому будущему Арктики путём расширения сотрудничества с арктическими государствами и соответствующими международными организациями в областях науки, техники и экономики»⁶. Генеральный план должен был быть выполнен ответственными министерствами в соответствии с областью их деятельности (рис. 2), национальными научно-исследовательскими учреждениями и заинтересованными предприятиями.

⁶ Arctic Policy of the Republic of Korea. URL: http://www.arctic.or.kr/files/pdf/m4/korea_eng.pdf (дата обращения: 21.10.2019).

Рис. 2. Министерства Южной Кореи, ответственные за реализацию генерального плана по Арктике ⁷.

- Министерское взаимодействие по часовой стрелке:
 Министерство океанов и рыболовства (MOF);
 Министерство науки, ИКТ и планирования (MSIP);
 Министерство земли, инфраструктуры и транспорта (MOLIT);
 Корейская метеорологическая администрация (КМА);
 Министерство окружающей среды (MOE);
 Министерство торговли, промышленности и энергетики (MOTIE);
 Министерство иностранных дел (MOFA).

На рисунке ниже показаны четыре основные цели и задачи, в соответствии с их тематическим направлением, которые были описаны в первом генеральном плане Кореи для Арктики.

4 Major Goals	Four Major Goals (2013-2017)
Strengthen International Cooperation	<ul style="list-style-type: none"> • Expand activities in the Arctic Council and its bodies • Participate in the cooperation programmes of the Arctic-related organizations • Facilitate private and academic initiatives
Encourage Scientific and Technological Research Capacity	<ul style="list-style-type: none"> • Support the scientific researches of Arctic stations • Build science infrastructure in the Arctic • Carry out more researches on climate change in the Arctic • Launch a spatial information project for a safer Arctic
Pursue Sustainable Arctic Businesses	<ul style="list-style-type: none"> • Assess the feasibility of the Arctic Sea Routes • Facilitate the development of Arctic technologies • Seek cooperation in the fisheries sector
Secure Institutional Foundation	<ul style="list-style-type: none"> • Establish an institutional foundation for polar policy development • Build a Polar Information Service Center

Рис. 3. Первый Генеральный план Кореи по Арктике ⁸.

4 основные цели	Четыре основные цели (2013–2017)
Укрепление международного сотрудничества	Расширение деятельности Арктического совета и его институтов Участие в программах сотрудничества арктических организаций Содействие частным и академическим инициативам
Содействие научным и техническим возможностям	Поддержка научных исследований на полярных станциях Строительство исследовательской инфраструктуры в Арктике Больше исследований изменения климата в Арктике Запуск масштабного проекта по безопасности в Арктике
Ведение устойчивого бизнеса в Арктике	Оценка рентабельности арктических морских коридоров Поддержка развития арктических технологий Кооперация в области рыболовства
Закрепление институционализации	Создание институциональной базы для развития арктической политики Строительство Центра арктической информации

Деятельность Южной Кореи в направлении международного сотрудничества в Арктике сопряжена с её участием в работе органов Арктического совета. Республика Корея сотрудничает с различными рабочими и целевыми группами Совета. Экспертные представители страны принимают участие в совещаниях и проектах, а также организуют собственные

⁷ Arctic Policy of the Republic of Korea. URL: http://www.arctic.or.kr/files/pdf/m4/korea_eng.pdf (дата обращения: 21.10.2019).

⁸ Там же, с. 6.

семинары по вопросам Арктики и приглашают представителей этих групп к участию. Южная Корея проводит совместные семинары с Арктическим экономическим советом. Проводятся двусторонние консультативные совещания с Данией, Исландией, Канадой, Норвегией, Россией и Финляндией. Корейские делегации традиционно посещают крупнейшие в мире форумы, посвященные глобальному арктическому диалогу: Arctic Circle (Исландия), Arctic Frontiers (Норвегия), Арктика: Территория диалога (Россия). Кроме того, в 2018 г. в Пусане прошла Неделя арктического партнёрства. В сотрудничестве с Университетом Арктики Корейский морской институт организует «Корейскую арктическую академию» — обменный проект для студентов из арктических государств с целью продвижения интересов Южной Кореи в Арктическом регионе. Корейские студенты направляются в ведущие мировые университеты в области арктических исследований в рамках корейской программы студенческих исследований Арктики. Корейские учёные выступают с докладами на различных арктических научных конференциях по всему миру. Северо-тихоокеанская арктическая конференция (The North Pacific Arctic Conference) организуется совместно Центром Восток-Запад (East-West Center) и Корейским морским институтом (Korea Maritime Institute) ежегодно с 2011 г. Перечень сотрудничества можно продолжать и дальше⁹, поскольку корейские институты и правительство прилагают большие усилия для расширения своего влияния в Арктическом регионе, а также позиционируют свою страну в качестве эксперта по вопросам арктического сотрудничества.

Другим направлением генерального плана арктической политики является проведение исследований и обеспечение необходимой инфраструктуры. За последние 30 лет Республика Корея создала ряд учреждений, занимающихся полярными и морскими исследованиями, в том числе Корейский полярный научно-исследовательский институт, являющийся ассоциированным учреждением Корейского института океанографических наук и технологий и Корейского морского института. Во взаимосвязи с этими учреждениями, а также с целью реализации четвертого генерального плана был создан Корейский арктический исследовательский консорциум для интеграции арктических исследований и содействия дальнейшему формированию национальной арктической политики¹⁰. Научно-исследовательское ледокольное судно «Аараон» является полезным активом в проведении полярных исследований, как наземных, так и морских. Экспедиции «Араона» легли в основу множества опубликованных исследований.

Третье направление генерального плана охватывает участие корейских деловых кругов в экономической деятельности в Арктике. Поскольку это направление в основном связано с арктическими морскими транспортными коридорами, то оно имеет больше экономиче-

⁹ См: Kang, J.-S. The Republic of Korea's 2018 Observer Review report. URL: <http://hdl.handle.net/11374/2262> (Дата обращения: 22.10.2019) и Kim, C.-W. Republic of Korea's 2016 Observer Activities Report. URL: <http://hdl.handle.net/11374/1862> (дата обращения: 22.10.2019).

¹⁰ Founding Declaration of Korea Arctic Research Consortium. URL: <http://www.arctic.or.kr/?c=11/13/65&idx=995> (дата обращения: 22.10.2019).

ских перспектив (т.к. основной задачей развития СМП является получение финансирования для создания и поддержания инфраструктуры российских арктических портов [10, Lin D.-Y, & Chang Y.-T., с. 47]), нежели завершённые проекты. Тем не менее, существует несколько активных проектов: строительство ледокольных судов для перевозки СПГ компании Daewoo Shipbuilding and Maritime Engineering по заказу российских компаний «Совкомфлот» и «НОВАТЭК»¹¹. Кроме того, суда под корейским флагом уже проходили по СМП¹². Таким образом, данное направление сотрудничества связано с новыми выгодными проектами по освоению и транспортировке ресурсов Арктики в будущем.

Анализируя положения генерального плана, можно сделать вывод о том, что первый всеобъемлющий документ Южной Кореи по вопросам арктической политики сохраняет ранее установленную ориентацию на проведение исследований и научное сотрудничество. Таким образом, документ свидетельствует о преимущественно исследовательской природе арктической политики Республики Корея. Кроме того, в документе выделены вопросы, касающиеся различных аспектов международного сотрудничества в Арктике (особенно в рамках Арктического совета, т.к. государство получило статус наблюдателя), а также несколько моментов, касающихся перспектив корейского бизнеса в регионе. В целом корейское Правительство и компании сумели реализовать намеченные мероприятия и добиться результатов, поставленных первым политическим документом страны по Арктике. Таким образом, по окончании действия генерального плана, его результаты использовали для разработки нового документа по арктической политике для дальнейшей комплексной интеграции Южной Кореи в арктическую проблематику. В результате, в июле 2018 г. был издан Второй Генеральный план по Арктике (на 2018–2022 гг.). Основные результаты участия Кореи в арктических делах после получения статуса наблюдателя в Арктическом совете представлены на рисунке ниже.

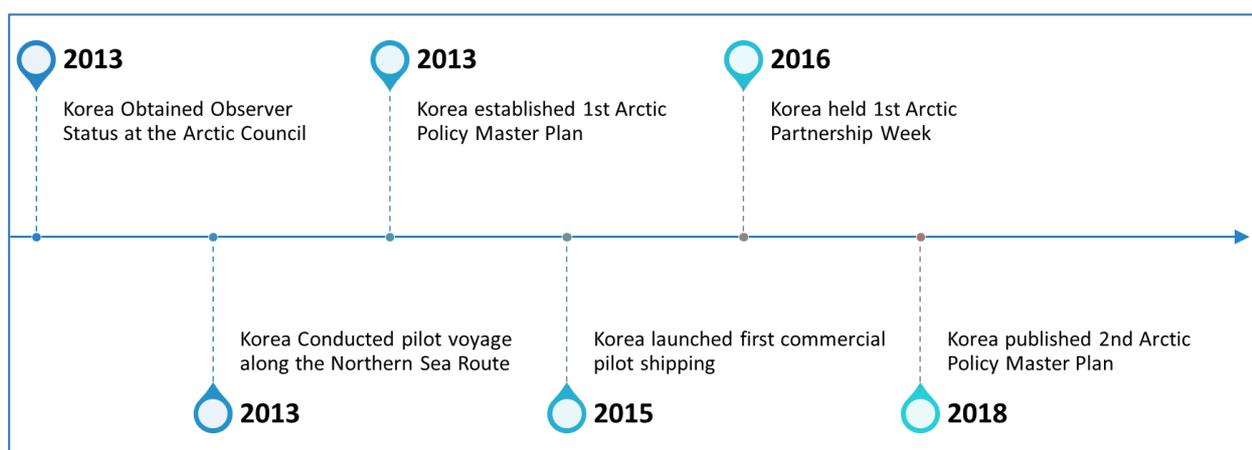

Рис. 4. Основные направления деятельности Южной Кореи в Арктике с 2013 г.¹³

¹¹ Owen, W. Latest Yamal LNG shipping update. URL: <https://www.lngindustry.com/liquid-natural-gas/21102019/latest-yamal-lng-shipping-update/> (дата обращения: 23.10.2019).

¹² CJ Korea Express launches first Arctic operation. URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20150720001051> (дата обращения: 23.10.2019).

¹³ Источник: разработки авторов статьи.

- 2013 — Южная Корея получила статус наблюдателя в Арктическом Совете;
- 2013 — Разработан первый Генеральный план по Арктике;
- 2013 — Пробный проход корейского судна по СМП;
- 2015 — Южная Корея запустила первый пробный коммерческий морской маршрут;
- 2016 — В Южной Корее прошла первая Неделя Арктического Сотрудничества;
- 2018 — Южная Корея разработала второй Генеральный план по Арктике.

Совершенствование арктической политики Кореи и её дальнейшее развитие

Общая цель второго документа по национальной арктической политике заключается в необходимости многостороннего сотрудничества в Арктическом регионе. Однако фокус документа сместился с «содействия устойчивому развитию Арктики» на позиционирование страны в качестве «пионера и партнёра в открытии будущего Арктики», в котором, в свою очередь, предлагается расширить сферу деятельности Республики Корея в регионе. Ниже показаны ключевые направления обновлённой арктической политики Южной Кореи.

Рис. 4. Приоритеты второго Генерального плана Южной Кореи по Арктике ¹⁴.

Экономические возможности. Устойчивость и инклюзивность для большего числа участников: Создание базы для экономического сотрудничества; Изучение возможностей судоходства / транспортировки; Сотрудничество в энергетике / добыче и рыболовстве.

Арктическое Участие в качестве ответственного наблюдателя: Поддержка действий Арктического Совета; Представительство на международных площадках; Создание много- и двустороннего сотрудничества.

Научные Исследования для решения глобальных проблем: активизация мониторинга окружающей среды; Прогнозирование климатических изменений и варианты противодействия; Расширение научного потенциала.

Создание Потенциала для противодействия арктическим вызовам: создание «Полярной Перспективы» и законодательства; Накопление опыта в арктических вопросах; Связи с общественностью и коммуникация.

Пока ещё слишком рано оценивать ход реализации нынешнего арктического плана. Однако ключевой момент стратегии следует проанализировать. Во-первых, в то время как первый генеральный план был своего рода компиляцией предложений национальных министерств, обновлённый программный документ унифицирован общим видением национальной арктической политики. Четыре основных направления политики остаются схожими, а это свидетельствует о правильности направлений предыдущей стратегии. Однако экономическое сотрудничество теперь занимает первое место. Подобная трансформация кажется разумной, поскольку Южная Корея уже прошла этап исследований в статусе неарктического государства на арктическом пространстве сотрудничества. Более того, Республика Корея уже

¹⁴ Seo H. The Study on the Priority on the Arctic Challenges in Policy Perspectives of Korea (poster at Arctic Futures 2050 conference). URL: https://www.searcharcticsscience.org/files/presentations/arctic-futures-2050-conference//arctic_future_2050-korean_arctic_policy_analysis.pdf (дата обращения: 23.10.2019).

вошла в сферу арктических политических дискуссии, т.к. государству был предоставлен статус наблюдателя при Арктическом совете. Кроме того, стоит подчеркнуть, что нынешняя арктическая политика Кореи сформулирована в соответствии с положениями «Полярной перспективы 2050»¹⁵ (Polar Vision 2050). Основные цели и стратегии представлены на рисунке ниже.

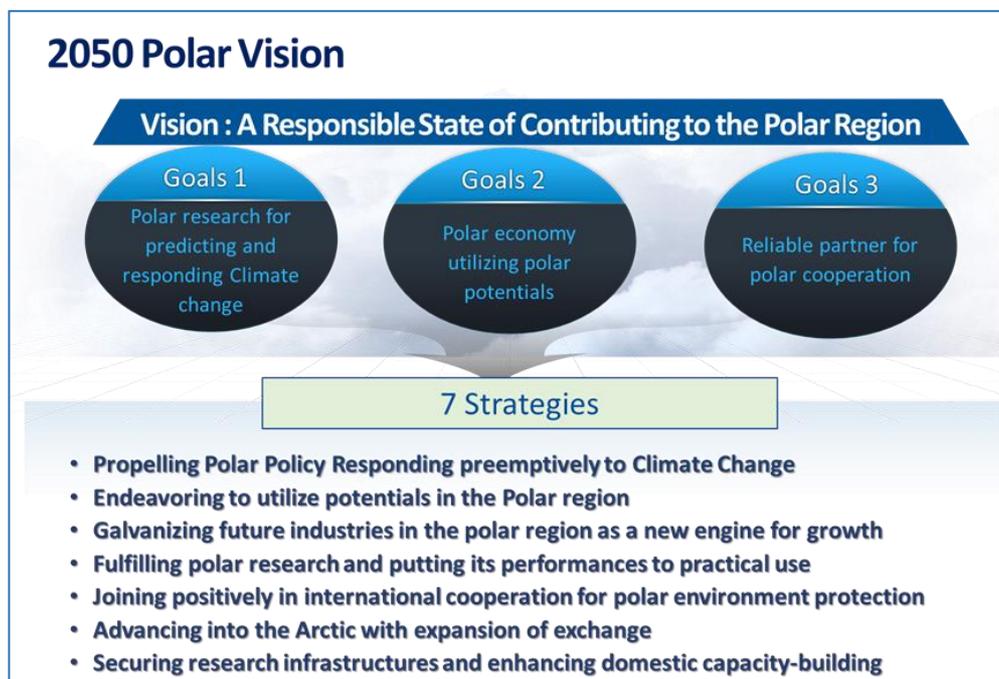

Рис. 6. Обзор "Полярного видения 2050"¹⁶.

«Полярная Перспектива 2050». Перспектива: ответственный вклад в Полярный регион

Цель 1. Полярные исследования для прогнозирования и реагирования на климатические изменения

Цель 2. Полярная экономика, использующая полярные потенциалы

Цель 3. Надёжный партнёр для полярного сотрудничества

7 стратегий:

Активное содействие полярной политике реагирования преимущественно на изменения климата;

Пытаться использовать потенциалы в полярном регионе;

Придать импульс последующему развитию промышленности в полярном регионе в качестве источника экономического роста;

Проведение научных исследований и применение их результатов;

Участие в международном сотрудничестве в области защиты окружающей среды;

Продвижение в Арктике через расширение обмена;

Закрепление научной инфраструктуры и ускорение создания национального арктического потенциала.

Из резюме понятно, что «Полярная Перспектива 2050» (Polar Vision 2050) поддерживает ценности, сформулированные в генеральных планах политики Кореи в Арктике. Таким образом, документ охватывает области вклада Кореи в арктическую науку, ответственное использование экономического потенциала региона и диверсификацию сотрудничества с другими заинтересованными сторонами в Арктике. Более того, рассмотренные нами документы Южной Кореи по Арктике позволяют сделать вывод о приверженности и вкладе государства в

¹⁵2050 Polar Vision Statement. URL: <http://en.koreapolarportal.or.kr/intro/2050PolarVision.do;jsessionid=877264E315FAC2641EBC2022EAF8DAC3> (дата обращения: 23.10.2019).

¹⁶ Источник: разработки авторов статьи.

устойчивое развитие Арктики, а также в реализацию конкретных целей устойчивого развития, которые сегодня необходимы в Арктическом регионе¹⁷. Вклад Южной Кореи в устойчивое развитие Арктики может стать отдельной темой для последующих исследований.

Заключение

Подводя итоги, представляется разумным сделать вывод, что нынешний генеральный план Южной Кореи по Арктике отвечает вызовам и возможностям нынешней региона. Арктическая политика Южной Кореи ориентирована на использование экономических выгод (транспортных возможностей и энергетических ресурсов) и в то же время государство вносит вклад в охрану окружающей среды региона путём проведения соответствующих исследований. В то же время арктическая политика страны действительно ориентирована на поиск сотрудничества с рядовыми участниками арктического диалога.

Тем не менее, необходимо отдельно отметить несколько аспектов, касающихся арктической политики Кореи, которые, вероятно, станут темой для последующего обсуждения и изучения. Некоторые учёные отмечают, что расширение участия иностранных государств в арктических проектах может столкнуться с определенными трудностями в вопросах обеспечения национальной безопасности (особенно т.к. экономика и энергетическая безопасность некоторых арктических государств зависят от арктических месторождений ископаемых) [11, Sharapov A.Ye. & Chuvashova N.I., с. 110–111]. Кроме того, можно ожидать экономического соперничества между Китаем, Японией и Южной Кореей по вопросам привилегий и удобства использования СМП. Учитывая возможное соперничество, Республика Корея должна прилагать больше усилий для продвижения своих арктических технологий, а также для разработки устойчивой бизнес-модели для Арктического региона, поскольку в настоящее время Китай не имеет столь высокоразвитого арктического технологического сектора [12, Zhuravel V.P., с. 129].

В конце концов, важно, чтобы научные организации активно участвовали в формулировании и формировании арктической политики Кореи, так как её истоки находятся в области научных исследований, где избегали бюрократического подхода и опирались на стратегическое планирование.

Благодарности и финансирование

Настоящая обзорная статья была бы невозможна без участия авторов в 5-й Корейской арктической академии, проходившей в Пусане, Республика Корея, с 4 по 13 июля 2019 г. Авторы хотели бы поблагодарить Министерство океанов и рыболовства Республики Корея за организацию этого обмена, а также Корейский морской институт и Университет Арктики. Авторы хотели бы выразить особую благодарность Джонг-Деогу (Джастину) Киму, генерально-

¹⁷ Sustainable development goals: Shaping the future of the Arctic. URL: https://arcticwwf.org/site/assets/files/1635/thecircle0218_web_1.pdf (дата обращения: 20.11.2019).

му директору в Корейском морском институте, за отличную и информативную презентацию во время Корейской арктической академии.

Литература

1. Zhang Z., Huisingh D., & Song M. Exploitation of trans-Arctic maritime transportation. *Journal of Cleaner Production*, 212, 2019, pp. 960–973. DOI: 10.1016/j.jclepro.2018.12.070
2. Swain F. A treasure map of the Arctic. *New Scientist*, 241(3215), 2019, pp. 40–43. DOI: 10.1016/s0262-4079(19)30202-7
3. Overland J., Dunlea E., Box J.E., Corell R., Forsius M., Kattsov V., Olsen M.S., Pawlak J., Reiresen L.-O., Wang M. The urgency of Arctic change. *Polar Science*, 21, 2019, pp. 6–13. DOI: 10.1016/j.polar.2018.11.008
4. Theocharis D., Pettit S., Rodrigues V.S., & Haider J. Arctic shipping: A systematic literature review of comparative studies. *Journal of Transport Geography*, 69, 2018, pp. 112–128. DOI: 10.1016/j.jtrangeo.2018.04.010
5. Harsem Ø., Eide A., & Heen K. Factors influencing future oil and gas prospects in the Arctic. *Energy Policy*, 39(12), 2011, pp. 8037–8045. DOI: 10.1016/j.enpol.2011.09.058
6. Park Y.K. Arctic prospects and challenges from a Korean perspective / The Centre for International Governance Innovation, 2013. 14 p. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/175233/no3_9.pdf (Accessed: 21.10.2019).
7. Dongmin J., Won-sang S. & Seokwoo L. Arctic Policy of the Republic of Korea. *Ocean & Coastal Law Journal*, 22, 2017, pp. 85–96.
8. Kim H.J. Success in heading north? South Korea's master plan for Arctic policy. *Marine Policy*, 61, 2015, pp. 264–272. DOI: 10.1016/j.marpol.2015.08.002
9. Bennett M.M. The Maritime Tiger: Exploring South Korea's Interests and Role in the Arctic. *Strategic Analysis*, 38(6), 2104, pp. 886–903. DOI: 10.1080/09700161.2014.952935
10. Lin D.-Y., & Chang Y.-T. Ship routing and freight assignment problem for liner shipping: Application to the Northern Sea Route planning problem. *Transportation Research Part E: Logistics and Transportation Review*, 110, 2018, pp. 47–70. DOI: 10.1016/j.tre.2017.12.003
11. Шапаров А.Е., Чувашова Н.И. Геополитическая ситуация в Арктике: режим негативной безопасности // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2015. № 6. С. 109-118. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2015.6.109
12. Журавель В.П. Китай, Республика Корея, Япония в Арктике: политика, экономика, безопасность // Арктика и Север. 2016. № 24. С. 112-144. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2016.24.112

References

1. Zhang Z., Huisingh D., & Song M. Exploitation of trans-Arctic maritime transportation. *Journal of Cleaner Production*, 212, 2019, pp. 960–973. DOI: 10.1016/j.jclepro.2018.12.070
2. Swain F. A treasure map of the Arctic. *New Scientist*, 241(3215), 2019, pp. 40–43. DOI: 10.1016/s0262-4079(19)30202-7
3. Overland J., Dunlea E., Box J.E., Corell R., Forsius M., Kattsov V., Olsen M.S., Pawlak J., Reiresen L.-O., Wang M. The urgency of Arctic change. *Polar Science*, 21, 2019, pp. 6–13. DOI: 10.1016/j.polar.2018.11.008
4. Theocharis D., Pettit S., Rodrigues V.S., & Haider J. Arctic shipping: A systematic literature review of comparative studies. *Journal of Transport Geography*, 69, 2018, pp. 112–128. DOI: 10.1016/j.jtrangeo.2018.04.010
5. Harsem Ø., Eide A., & Heen K. Factors influencing future oil and gas prospects in the Arctic. *Energy Policy*, 39(12), 2011, pp. 8037–8045. DOI: 10.1016/j.enpol.2011.09.058
6. Park Y.K. Arctic prospects and challenges from a Korean perspective / The Centre for International Governance Innovation, 2013. 14 p. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/175233/no3_9.pdf (Accessed: 21.10.2019).
7. Dongmin J., Won-sang S. & Seokwoo L. Arctic Policy of the Republic of Korea. *Ocean & Coastal Law Journal*, 22, 2017, pp. 85–96.

8. Kim H.J. Success in heading north? South Korea's master plan for Arctic policy. *Marine Policy*, 61, 2015, pp. 264–272. DOI: 10.1016/j.marpol.2015.08.002
9. Bennett M.M. The Maritime Tiger: Exploring South Korea's Interests and Role in the Arctic. *Strategic Analysis*, 38(6), 2104, pp. 886–903. DOI: 10.1080/09700161.2014.952935
10. Lin D.-Y., & Chang Y.-T. Ship routing and freight assignment problem for liner shipping: Application to the Northern Sea Route planning problem. *Transportation Research Part E: Logistics and Transportation Review*, 110, 2018, pp. 47–70. DOI: 10.1016/j.tre.2017.12.003
11. Shaparov A.E., Chuvashova N.I. Geopoliticheskaya situatsiya v Arktike: rezhim negativnoy bezopasnosti [The geopolitical situation in the Arctic: negative security regime]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i socialnye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"], 6, 2015, pp. 109–118. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2015.6.109
12. Zhuravel V.P. Kitay, Respublika Koreya, Yaponiya v Arktike: politika, ekonomika, bezopasnost' [China, Republic of Korea and Japan in the Arctic: politics, economy, security]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 24, 2016, pp. 112–144. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2016.24.112

УДК [327+332.14](98)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.82

Подход Европейского союза к политике в арктическом направлении и его соотношение с региональными интересами РФ *

© **ТУЛУПОВ Дмитрий Сергеевич**, кандидат исторических наук, доцент

E-mail: touloupovd@yandex.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

© **ЦАРЕНКО Егор Вячеславович**, магистрант

E-mail: slipmahler@list.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В данной статье на основании обширной базы документов анализируются основные характеризующие черты арктической стратегии Европейского союза и их соотношение с российскими интересами в регионе. Авторы исходят из того, что вероятность достижения между двумя акторами каких-либо существенных точек соприкосновения крайне мала. Несовместимость их стратегических линий определяется тем, что ЕС рассматривает Арктику как очередную площадку для реализации своего потенциала «нормативной силы», в то время как Россия во взаимодействии со своими зарубежными партнёрами в первую очередь нацелена на привлечение инвестиций в развитие арктической инфраструктуры. В условиях продолжающегося кризиса в двусторонних отношениях, вызванного событиями на Украине, говорить о перспективах гармонизации региональных устремлений ЕС и РФ не представляется возможным.

Ключевые слова: Арктика, Европейский Союз, внешняя политика, экология, окружающая среда, стрессоустойчивость, устойчивое развитие.

European Union's approach to the Arctic policy development through the lens of the Russian regional interests

© **Dmitrii S. TULUPOV**, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor

E-mail: touloupovd@yandex.ru

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

© **Egor V. TSARENKO**, Master's degree student

E-mail: slipmahler@list.ru

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. Based on an extensive database, the authors analyzed the main features of the EU Arctic strategy and their relationship with Russian interests in the region. The authors proceed from the fact that the probability of reaching any significant points of contact between the two actors is minimal. The incompatibility of their strategic lines is because the EU considers the Arctic as another platform for its potential of “normative strength”, while Russia, in cooperation with its foreign partners, is primarily aimed at attracting investments in the development of the Arctic infrastructure. In the context of the ongoing crisis in bilateral relations caused by the events in Ukraine, it is not possible to talk about the prospects for harmonizing the regional aspirations of the EU and the Russian Federation.

* Для цитирования:

Тулупов Д.С., Царенко Е.В. Подход Европейского союза к политике в арктическом направлении и его соотношение с региональными интересами РФ // Арктика и Север. 2019. № 37. С. 82–93. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.82

For citation:

Tulupov D.S., Tsarenko E.V. European Union's approach to the Arctic policy development through the lens of the Russian regional interests. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 37, pp. 82–93. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.82

Keywords: *the Arctic, the EU, Russia, foreign policy, ecology, environment, stress tolerance, sustainable development.*

Введение

Европейский Союз стал первым внерегиональным актором, который выработал концептуальные основы своей арктической политики практически в одно время с другими циркумполярными державами. В ноябре 2008 г. было опубликовано соответствующее коммюнике Европейской комиссии. С тех пор различными органами управления (Еврокомиссией, Европарламентом и Советом ЕС) был принят целый ряд документов, конкретизирующих содержание региональных интересов Брюсселя, а именно: коммюнике Европейской комиссии от 26 июня 2012 г.¹, резолюция Европейского парламента от 12 марта 2014 г.², заключение Совета ЕС по развитию политики в Арктическом регионе от 12 мая 2014 г.³, совместное коммюнике Европейской комиссии от 27 апреля 2016 г.⁴ и последняя — на текущий момент — резолюция Европейского парламента от 16 марта 2017 г.⁵ При этом в развитии доктринальных основ арктической политики ЕС за последние годы прослеживается целый ряд характерных особенностей.

Общее и специфическое в региональной стратегии ЕС

В первую очередь, с функциональной точки зрения, процесс вовлечения ЕС в освоение Арктики всегда отличался акцентом на «нормативной силе» (normative power). [1, Nicolaidis K., с. 311]. Иными словами, Брюссель стремится к тому, чтобы его доктрина правового регулирования в той или иной области освоения Арктики (экология, добыча полезных ископаемых, судоходство, социальное обеспечение малых коренных народов Севера) была воспринята «коренными» полярными державами в качестве универсального стандарта деятельности. Европейский Союз так и не смог выработать чёткий нарратив своей региональной стратегии, который бы находил отклик как у внутренней, так и внешней аудитории. Акцент на экологии и научном сотрудничестве сам по себе не может, по мнению экспертов, стать идеей, обосновывающей исключительность вклада Брюсселя в процесс регионального строительства. В итоге они ставят под большой вопрос наличие у ЕС как возможности, так и стремления влиять на развитие системы взаимоотношений между «коренными» полярными

¹ Developing a European Union Policy towards the Arctic Region: progress since 2008 and next steps. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/arctic_region/docs/join_2012_19.pdf (дата обращения: 12.11.2019).

² European Parliament Resolution on the EU strategy for the Arctic. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML+TA+P7-TA-2014-0236+0+DOC+PDF+V0//EN> (дата обращения: 10.11.2019).

³ Council conclusions on developing a European Union Policy towards the Arctic Region. URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/EN/foraff/142554.pdf (дата обращения: 10.11.2019).

⁴ An Integrated European Union policy towards the Arctic. URL: http://www.eeas.europa.eu/archives/docs/arctic_region/docs/160427_joint-communication-an-integrated-european-union-policy-for-the-arctic_en.pdf (дата обращения: 21.11.2019).

⁵ European Parliament's resolution on an integrated European Union policy for the Arctic. URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0093_EN.pdf?redirect (дата обращения: 19.11.2019).

державами, которая уже устоялась как в политическом, так и правовом смысле [2, Raspotnik, Östhagen].

Во-вторых, в тематическом плане фокус внимания арктической политики ЕС сосредоточен на трёх аспектах: поддержании охраны окружающей среды, накоплении максимально возможного объёма научной информации об Арктике и обеспечении прав малых коренных народов Севера. [3, Chuffart R., Raspotnik A., с. 160]. С этой точки зрения региональная повестка Брюсселя тесно перекликается с содержанием арктических стратегий отдельных стран-членов ЕС (Дании, Швеции, Финляндии, ФРГ, Франции и Соединённого Королевства). Вместе с тем, как справедливо замечают А. Остхаген и А. Распотник, выработка и реализация единой политики ЕС в Арктике помимо чисто финансовых ограничений затрудняется зачастую тем, что отдельные страны-члены преследуют в данном регионе противоположные интересы в вопросах военной безопасности и освоения ресурсов ⁶.

В-четвёртых, в сугубо политическом смысле Брюссель явно не устраивает опосредованное участие в системе регионального управления через Данию, Швецию и Финляндию. Именно поэтому, несмотря на отрицательную позицию Канады и России, ЕС по-прежнему ⁷ настойчиво стремится к повышению своего статуса в Арктическом совете до уровня постоянного наблюдателя, чего ранее уже добились другие внерегионалы (например, Китай и Индия). Отсутствие прогресса в данном вопросе не смущает Брюссель, который пока сосредоточился на реализации своего нормативного влияния посредством участия в деятельности рабочих групп АС.

Если же говорить о наиболее существенных изменениях, которые произошли в линии арктической стратегии ЕС, то в первую очередь здесь стоит отметить некоторую корректировку позиции Брюсселя в вопросе о перспективах международно-правового режима Арктики. В своей резолюции от 9 октября 2008 г. Европарламент призывал Европейскую комиссию всячески способствовать началу многосторонних переговоров о заключении отдельного международного договора об Арктике, взяв за основу модель договора об Антарктике 1959 г. При этом допускалось, что на начальном этапе объектом регулирования может стать не вся Арктика, а лишь центральная часть Северного Ледовитого океана. В известной мере этот приоритет нашёл воплощение в Соглашении о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана, которое было подписано в начале октября 2018 г. (в том числе и Европейским союзом). Однако следует учитывать, что изначально Брюссель ставил вопрос гораздо шире, чем просто сохранение региональной экосистемы и ресурсов, уделяя большое внимание и политической составляющей (недопущению военных конфликтов в Арктике, признанию особого статуса малых коренных народов и повышению их роли в процессе регионального управления). В последних же до-

⁶ Another Step Forward. The Council of the European Union Puts the Arctic on the Table // Arctic Institute. 22 May 2014. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/step-forward-council-european-union-arctic/>

⁷ Россия подписала соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в Арктике. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5633940> (дата обращения: 22.11.2019).

кументах арктической политики ЕС линия оценки международно-правового фундамента регионального развития стала более приближена к позиции «коренных» полярных держав. Так, в своём докладе от 27 апреля 2016 г. Еврокомиссия указала на то, что «... рассматривает Конвенцию ООН 1982 г. как *достаточную* основу для управления Северным Ледовитым океаном и мирного урегулирования споров»⁸. Данная позиция в чуть более расширенном виде была отражена и в содержании резолюции Европарламента от 16 марта 2017 г., в которой «подчёркивается важность Конвенции ООН 1982 г. а) в формировании многосторонней правовой базы для деятельности во всех районах Мирового океана, включая и Арктику, б) в процессе определения внешних границ континентального шельфа в Северном Ледовитом океане и в) в урегулировании споров между региональными державами относительно утверждения суверенных прав в территориальных водах»⁹. Таким образом, были сглажены наиболее очевидные расхождения с одним из главных положений Илулиссатской декларации 2008 г., в котором пять прибрежных арктических держав признавали свою приверженность «обширной нормативно-правовой базе, применимой к Арктике, особенно в части определения внешних границ континентального шельфа, защиты морской среды, принципа свободы судоходства, морских научных исследований, ... а также урегулирования всех возможных пересечений взаимных притязаний»¹⁰. Правда, говорить о полной гармонизации точек зрения ЕС и прибрежных государств (главным образом России) нельзя, потому что в риторике многих представителей органов управления в Брюсселе идея о необходимости признания Арктики зоной общего наследия человечества по-прежнему сохраняет свою актуальность.

Второе изменение в дискурсе арктической политики ЕС прослеживается в терминологическом аспекте. Начиная с 2008 г. её концептуальной основой оставалась концепция устойчивого развития (“sustainable development”), в которой воплощается приверженность ЕС принципам разумного хозяйствования, основанного на сведении к минимуму негативного воздействия на окружающую среду. Вместе с тем в коммюнике 2016 г. наряду с устойчивым развитием начинает употребляться и термин «стрессоустойчивость». В частности, в документе говорится о том, что «ЕС несёт особую ответственность за защиту окружающей среды в Арктике и укрепление стрессоустойчивости её экосистемы», а также «должен способствовать устойчивому развитию Арктики, учитывая опыт коренных народов, живущих в регионе, а также воздействие экономического развития на уязвимую окружающую среду»¹¹. В своём первоначальном смысле, стрессоустойчивость определялась как объём внешнего негативного воздействия (пертурбаций), который может выдержать система до того, как войдёт в область притяжения или стабильности [4, Holling C.S.]. Иными словами, ключевой

⁸ An Integrated European Union policy towards the Arctic. P. 14.

⁹ European Parliament’s resolution on an integrated European Union policy for the Arctic. P. 7.

¹⁰ Ilulissat Declaration, 27-29 May 2008. URL: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2017/07/2008-Ilulissat-Declaration.pdf> (дата обращения: 23.11.2019).

¹¹ An Integrated European Union policy towards the Arctic. P. 16.

характеристикой стрессоустойчивой системы считалась способность поглощать или адаптироваться к воздействию различного рода шоков, сохраняя при этом свою работоспособность. Со временем из экологии данное понятие переключалось в сферу экономики и политики и с начала 2000-х гг. стало всё более востребованным в политическом дискурсе ЕС. В сугубо функциональном плане понятия «устойчивое развитие» и «стрессоустойчивость», безусловно, отличаются: если первое следует понимать как процесс или итоговый продукт, то второе — как свойство системы. Однако в процессе артикуляции в политическом дискурсе ЕС эта разница оказалась сглажена, и сегодня эти два термина используются как взаимозаменяемые.

К вопросу о соотношении интересов ЕС и России в Арктике

Исторически так сложилось, что при отстаивании своих национальных интересов российской дипломатии всегда было привычнее осуществлять взаимодействие с зарубежными игроками в двустороннем, нежели в многостороннем формате. Уже с этой точки зрения ЕС является для Москвы «неудобным» партнёром. Если учесть ещё целый комплекс проблем общеполитического характера, связанных с введением против РФ санкций, обвинениями в нарушении «правил игры» в случае с Украиной, Сирией, вмешательством в выборы и так далее, то общая картина восприятия становится совсем мрачной. В таких условиях ожидать какого-либо конструктивного взаимодействия между Россией и ЕС в Арктике весьма затруднительно [5, Biedermann R.].

Тем не менее, с фактом стремления ЕС участвовать в развитии региона приходится считаться и поэтому важно понимать то, какой характер носит соотношение его интересов с интересами арктической стратегии РФ в различных областях.

Арктическое судоходство

Наметившийся с 2007 / 2008 гг. устойчивый тренд увеличения грузоперевозок по Северному морскому пути (как каботажных, так и транзитных) в сочетании с амбициозными планами российского руководства по усовершенствованию арктической транспортной инфраструктуры продолжает оставаться объектом пристального внимания зарубежных акторов, среди которых фигурирует и Европейский Союз. Проблематика развития арктического судоходства нашла отражение практически в каждом документе арктической политики ЕС, принятом за последние 10 лет. Обобщённо позицию ЕС по данному вопросу можно сформулировать следующим образом.

В принципе, сама по себе идея оптимизации судоходного сообщения между портами европейских стран и стран Восточной Азии за счёт использования как СМП, так и канадского Северо-Западного прохода оценивается положительно при условии обеспечения устойчивости данного процесса (*sustainability*), т.е. максимального снижения негативного воздействия на морскую среду Арктики.

В политическом смысле основное раздражение у ЕС вызывает необходимость уплаты сборов за ледокольную и ледовую лоцманскую проводку по СМП, как и сам факт единоличных полномочий Российской Федерации в сфере определения режима использования данного маршрута. Брюссель рассматривает данную практику как дискриминационную и в определённой степени противоречащую духу международного морского права (и принципу свободы мореплавания в частности) [6, Biedermann R.]. Весьма наглядно данная оценка прослеживается в меморандуме Ассоциации судовладельцев Европейского Сообщества (ECSA) по вопросу об арктической политике ЕС, опубликованном в июне 2014 г. В документе делается акцент на том, что «(закреплённые в) Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. принципы свободы судоходства, транзитного прохода и право мирного прохода через проливы, используемые для международного судоходства, ... должны уважаться и *иметь преимущество над* правами прибрежных государств, зафиксированными в ст. 234 (Районы, покрытые льдом). В настоящее время некоторые арктические государства¹², апеллируя к содержанию данной статьи, выдвигают претензии на осуществление юрисдикции в отношении арктических пространств, вводя требование по уплате сборов за использование маршрутов и проливов, утверждая, что последние находятся в их внутренних водах. Учитывая перспективу увеличения судоходства и транзитных перевозок в Арктике, можно утверждаться, что сохранение подобной практики в дальнейшем вероятнее всего создаст невыгодные условия (при использовании СМП) для кораблей, зарегистрированных в неарктических странах» [7, Воробьёв Н.И., с. 49–50]¹³. Схожие критические оценки сложившегося режима управления СМП звучали в последние годы и со стороны ассоциаций судовладельцев в отдельных странах-членах ЕС: Дании и ФРГ.

Чуть более взвешенные комментарии по существу сложившейся системы управления СМП были даны в аналитической записке, опубликованной ещё в феврале 2010 г. по заказу Генерального директората Европейской комиссии по морским делам и вопросам рыболовства. Её составлением занимался целый коллектив известных специалистов в области международного морского права, среди которых Эрик Моленар, Туре Хенриксен, Джеймс Краска и Максим Корельский. Эксперты тогда пришли к выводу о том, что в принципе «значение СМП для Российской Федерации как национального актива является устоявшимся, а регулирующие нормы и национальное законодательство, установленные для пользователей СМП, являются зачастую ещё более строгими, чем общепринятые международные нормы и правила (в частности, на уровне Международной морской организации) и *соответствуют содержанию ст. 234 Конвенции ООН 1982 г., из-за чего их нельзя назвать нецелесообразными*

¹² Подразумеваются Россия и Канада.

¹³ ECSA Position Paper. EU Policy Towards the Arctic Region // European Community Shipowners' Association. 04.06.2014. URL: https://www.ecsa.eu/images/NEW_Position_Papers/2014-06-04_FINAL%20ECSA%20Position%20paper%20on%20EU%20Policy%20towards%20the%20Arctic%20Region.pdf (дата обращения: 15.11.2019).

ми или неоправданно дискриминационными»¹⁴. Вместе с тем, эксперты указывают на то, что основная опасность для европейских компаний, потенциально заинтересованных в освоении данного маршрута, состоит в высокой вероятности злоупотреблений с российской стороны при практической реализации установленных ею норм и правил использования СМП, а также принятия дискриминационных технических подзаконных актов / регламентов. В частности, высказывалось допущение, что в перспективе для отечественных судов, осуществляющих плавание в арктических водах, требования могут быть установлены существенно более мягкие, чем для иностранных судов. Кроме того, в записке обращается внимание и на пресловутое условие о возможности принятия прибрежным государством регулирующих законов и правил только в отношении районов, покрытых льдом «в течение большей части года», в связи с чем органам управления ЕС и международному сообществу в целом рекомендуется¹⁵ регулярно отслеживать фактические границы распространения ледового покрова в зоне СМП.

В связи с этим становится очевидным практический смысл всех тех усилий, которые предпринимаются ЕС в сфере продвижения идеи максимального расширения научного сотрудничества и мониторинга изменений климата в Арктике — аккумуляция научной информации само по себе является лишь инструментом создания основы для принятия стратегических решений (о чём, естественно, в доктринальных документах ЕС специально не указывается). Наличие такого скрытого смысла прекрасно считывается Москвой, что лишь подстёгивает ещё большее недоверие и подозрительность в восприятии региональных амбиций Брюсселя.

Возвращаясь к содержанию упомянутой выше аналитической записки 2010 г., следует заметить, что с момента её публикации нормативно-правовая база РФ в сфере регулирования развития СМП была заметно. В 2012 г. был принят Федеральный Закон № 132 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории СМП»¹⁶. В начале 2013 г. появилась обновлённая редакция Правил плавания в акватории СМП¹⁷. В 2015 г. Правительство РФ утвердило принцип формирования тарифного регулирования перевозок по СМП, причём как для отечественных, так и для иностранных судов, в основу которого была поло-

¹⁴ Legal Aspects of Arctic Shipping. Summary Report // European Commission. 23.02.2010. https://ec.europa.eu/maritimeaffairs/sites/maritimeaffairs/files/docs/publications/legal_aspects_arctic_shipping_summary_en.pdf P/P. 19 (дата обращения: 12.11.2019).

¹⁵ См. подр.: Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. // Сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/lawsea184-234.pdf (дата обращения: 12.11.2019).

¹⁶ Федеральный закон № 132 "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории Северного морского пути" от 28.07.2012 // Консультант-Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133277/ (дата обращения: 15.11.2019).

¹⁷ Приказ Министерства транспорта Российской Федерации (Минтранс России) от 17 января 2013 г. N 7 г. Москва "Об утверждении Правил плавания в акватории Северного морского пути" // Российская газета. 19.04.2013. URL: <https://rg.ru/2013/04/19/pravila-dok.html> (дата обращения: 20.11.2019).

жена методика экономически обоснованных затрат¹⁸. Основные приоритеты в развитии инфраструктуры арктического судоходства (с акцентом на создании условий — прежде всего в сфере навигационно-гидрографического обеспечения и связи — для доведения объёма грузоперевозок по СМП до 80 млн т к 2024 г.) были закреплены во второй редакции госпрограммы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ»¹⁹ и в государственной программе «Развитие транспортной системы», обе из которых были приняты в 2017 г.²⁰

Примечательно, что с 2009 г. Северный морской путь регулярно используется иностранными судоходными компаниями для осуществления транзитных рейсов (пусть и в гораздо меньшем объёме, чем это изначально предполагалось) с соблюдением всех прописанных в отечественном законодательстве требований, включая уплату соответствующих сборов. С правовой точки зрения, есть все основания истолковывать такую устойчивую тенденцию как молчаливое признание правомерности установленных российской стороной требований.

С точки зрения отстаивания правомерности сложившихся отечественных нормативно-правовых основ управления СМП, также представляется очень важным расставлять правильные акценты о месте данного арктического маршрута в системе (внешне-) экономических приоритетов РФ. В разделе 12 Стратегии 2013 г. Северный морской путь определяется как «единая национальная транспортная магистраль», являющаяся наряду с железнодорожным, речным и авиационным транспортом одним из главных компонентов Арктической транспортной системы РФ²¹. В ходе толкования данного определения важно вспомнить, что исторически полезность СМП для Российской империи / Советского Союза / Российской Федерации *в первую очередь определялась соображениями внутреннего экономического развития или укрепления военной безопасности страны*. Что касается продвижения СМП в качестве альтернативного маршрута международной морской торговли, то до сих пор этой задаче отводится вспомогательная роль. Тем не менее, на Западе приоритеты в сфере отечественной политики развития арктического судоходства видятся совершенно по-иному. В частности, в Брюсселе убеждены, что «Россия обозначает СМП как международный морской транспортный коридор, находящийся в российской юрисдикции, ... и который должен оставаться под её полным контролем. Именно поэтому Москва создаёт регуляторные и админи-

¹⁸ Постановление Правительства РФ от 24.04.2015 N 388 (ред. от 04.09.2015).

"Об утверждении Положения о государственном регулировании тарифов на ледокольную проводку судов, ледовую лоцманскую проводку судов в акватории Северного морского пути".

¹⁹ Постановление Правительства РФ № 1064 «О» от 31.07.2017 // Сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/docs/29164/> (дата обращения: 19.11.2019).

²⁰ Постановление Правительства РФ N 1596 "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие транспортной системы" от 20.12.2017 // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286331/ (дата обращения: 16.11.2019).

²¹ Стратегия развития Арктической зоны РФ на период до 2020 г. // Сайт Правительства РФ. 20.02.2013. URL: <http://static.government.ru/media/files/2RpSA3sctElhAGn4RN9dHrtzk0A3wZm8.pdf> (дата обращения: 16.11.2019).

стративные барьеры для международного судоходства по данному маршруту»²². Борьба с подобным рода искажениями и неверными трактовками на уровне официальной государственной риторики РФ может сыграть важную роль в обеспечении признания правомерности устоявшейся отечественной системы управления СМП.

Военная безопасность

Восприятие Брюсселем военных приготовлений РФ в Арктике в значительной мере определяется повышенной взаимной напряжённостью в вопросе о санкциях, разрешении украинского кризиса и вмешательством в выборы. При этом сохраняет актуальность общий тезис об изолированности Арктики от последствий глобальной военно-политической напряжённости [8, Östhagen A., с. 87]. Кстати, целенаправленное представление России как главного нарушителя спокойствия в Арктике началось ещё задолго до 2014 г. и в первую очередь было призвано стать главным фактором оправдания легитимности стремления ЕС принять участие в региональных делах [9, Offerdal K., с. 869]. Вместе с тем алармистское восприятие российской военной политики в регионе у Брюсселя сочетается с опорой на концепцию «избирательного взаимодействия» (“selective engagement”) как основой взаимоотношений с Россией в Арктике. Это предусматривает возможность реализации сотрудничества с Москвой только в «неподсанкционных» отраслях: научных исследованиях Арктики, поддержке малых коренных народов Севера, защите окружающей среды региона. При этом надо отметить, что для российской стороны такой набор сфер взаимодействия воспринимается как крайне узкий и непривлекательный, что обуславливает отсутствие какого-либо встречного желания развивать региональный диалог с Брюсселем.

Определение внешних границ континентального шельфа в Арктике

Комментируя стремление ЕС на раннем этапе развития собственной арктической стратегии навязать прибрежным полярным державам своё видение наиболее оптимальной конфигурации международно-правового режима центральной части Северного Ледовитого океана, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН П.А. Гудев довольно чётко определил, что «разговоры о том, что Арктику следует признать «всемирным достоянием», «общим наследием» или «всемирным парком», носят определённно *внеправовой характер*, ... (поскольку) концепция ОНЧ может быть применена исключительно к ресурсам дна и недр за пределами зон национальной юрисдикции прибрежных государств, то есть к Международному району морского дна. Говоря об Арктике, нужно иметь в виду, что концепция ОНЧ может быть применима к ресурсам Района, но только в том случае, если он будет здесь сформирован самими арктическими государствами» [10, с. 64]. В последующем развитии своей арктической стратегии Брюссель перестал делать акцент на вышеупомянутых спорных понятиях — в со-

²² Walking on Thin Ice: A Balanced Arctic Strategy for the EU // European Political Strategy Center. July 2019. Issue 31. URL: https://ec.europa.eu/epsc/sites/epsc/files/epsc_strategic_note_issue31_arctic_strategy.pdf pp. 6-7 (дата обращения: 23.11.2019).

держании таких ключевых документов, как резолюции Европарламента 2014 и 2017 гг., а также Сообщение Еврокомиссии 2016 г. они отсутствуют. Однако это не значит, что ЕС в принципе отказался от концепции ОНЧ, как одной из идеологических опор своей морской политики. Так, в профильной резолюции Европарламента, опубликованной в середине января 2018 г., среди прочего содержалось напоминание (об актуальности) резолюции ООН 2749 от 17 декабря 1970 г., а также ст. 136 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., в которых устанавливается, что поверхность и недра морского дна за пределами зон национальной юрисдикции, равно как и содержащиеся в них ресурсы, относятся к общему наследию человечества²³. Можно предположить, что в долгосрочной перспективе, когда начнутся переговоры об определении внешних границ континентального шельфа в центральной части Северного Ледовитого океана между Россией, Канадой и Данией, Брюссель попытается оказывать на них воздействие путём убеждения датской дипломатии в необходимости продвижения идеи создания международного района вокруг Северного полюса в качестве основы для взаимоприемлемого компромисса с двумя другими странами-претендентами. При этом правила освоения данного района основывались бы на стандартах и правилах защиты окружающей среды и добычи ресурсов, принятых в Европейском союзе (агентом которого может выступать Дания). Реализация такого сценария послужила бы эффективной проекцией нормативной силы Брюсселя на процесс регионального развития [11, Riddel-Dixon E., с. 427]. В принципе, идея такого кондоминиума в центральной части СЛО может вполне найти отклик в Москве и Оттаве, однако вероятность того, что стороны согласятся на допуск к освоению ресурсов Района третьих сторон (в частности ЕС), является ничтожной.

Заключение

По совокупности рассмотренных обстоятельств можно прийти к заключению, что баланс интересов России и ЕС в Арктике является скорее негативным и будет оставаться таковым до тех пор, пока между акторами не будет восстановлен нормальный (пред-кризисный) уровень взаимопонимания в военно-политической сфере и не выстроена новая содержательная основа двустороннего сотрудничества. Брюссель интересен Москве в первую очередь как экономический партнёр в сфере поставки технологий для нефтегазового сектора, импорта добываемых в Арктике ресурсов и инвестирования в развитие инфраструктуры российского Севера. Попытки ЕС в условиях введённых им санкций предложить в качестве альтернативной повестки взаимодействие в «мягких» вопросах (научное сотрудничество, защита прав малых коренных народов, охрана окружающей среды) вызывают у российской стороны тихое раздражение, так как в замысле предлагаемых Брюсселем инициатив зачастую усматриваются попытки размывания российского суверенитета и пресловутой «интернационализации» Арктической зоны РФ.

²³ European Parliament resolution on international ocean governance: an agenda for the future of our oceans in the context of the 2030 SDGs, Provision No. 15.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01110).

Литература

1. Nicolaidis K., Whitman R., Manners I. Assessing the decennial, reassessing the global: Understanding European Union normative power in global politics // *Cooperation & Conflict*. 2014. Vol. 48. Issue 2. Pp. 304–329.
2. Raspotnik A., Östhagen A. What about the Arctic? The European Union's Geopolitical Quest for Northern Space // *Geopolitics*. 2019. DOI: 10.1080/14650045.2019.1670643
3. Chuffart R., Raspotnik A. The EU and its Arctic spirit: Solving Arctic climate change from home? // *European View*. 2019. Vol. 18. Issue 2. Pp. 156–162.
4. Holling C.S. Resilience and stability of ecological systems // *Annual Review of Ecology and Systematics*. 1973. Vol. 4. Pp. 1–23.
5. Biedermann R. Adapting to the changing Arctic? The European Union, the Nordics, and the Barents Governance Mosaic // *Journal of Contemporary European Studies*. 2019. DOI: 10.1080/14782804.2019.1693352
6. Biedermann R. Adapting to the changing Arctic? The European Union, the Nordics, and the Barents Governance Mosaic // *Journal of Contemporary European Studies*. 2019. DOI: 10.1080/14782804.2019.1693352
7. Воробьев Н.И. Интересы ЕС в развитии морских арктических маршрутов // *Вестник МГИМО Университета*. 2013. Вып. 32. № 5. С. 47–53.
8. Östhagen A. High North, Low Politics-Maritime Cooperation with Russia in the Arctic // *Arctic Review on Law and Politics*. 2016. Vol. 7. No. 1. Pp. 83–100.
9. Offerdal K. The EU in the Arctic In pursuit of legitimacy and influence // *International Journal*. Vol. 66. Issue 4. Pp. 861–877.
10. Гудев П.А. Арктика как «GLOBAL COMMONS»? // *Пути к миру и безопасности*. 2016. № 1. Вып. 50. С. 53–69.
11. Riddel-Dixon E. The seven-decade quest to maximize Canada's continental shelf // *International Journal*. 2014. Vol. 69. Issue 3. Pp. 422–443.

References

1. Nicolaidis K., Whitman R., Manners I. Assessing the decennial, reassessing the global: Understanding European Union normative power in global politics. *Cooperation & Conflict*, 2014, vol. 48, issue 2, pp. 304–329.
2. Raspotnik A., Östhagen A. What about the Arctic? The European Union's Geopolitical Quest for Northern Space. *Geopolitics*, 2019. DOI: 10.1080/14650045.2019.1670643
3. Chuffart R., Raspotnik A. The EU and its Arctic spirit: Solving Arctic climate change from home? *European View*, 2019, vol. 18, issue 2, pp. 156–162.
4. Holling C.S. Resilience and stability of ecological systems. *Annual Review of Ecology and Systematics*, 1973, vol. 4, pp. 1–23.
5. Biedermann R. Adapting to the changing Arctic? The European Union, the Nordics, and the Barents Governance Mosaic. *Journal of Contemporary European Studies*, 2019. DOI: 10.1080/14782804.2019.1693352
6. Biedermann R. Adapting to the changing Arctic? The European Union, the Nordics, and the Barents Governance Mosaic. *Journal of Contemporary European Studies*, 2019. DOI: 10.1080/14782804.2019.1693352
7. Vorob'ev N.I. Interesy ES v razvitii morskikh arkticheskikh marshrutov [EU interests in the development of Arctic marine routes]. *Vestnik MGIMO Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2013, vol. 32, no. 5, pp. 47–53.
8. Östhagen A. High North, Low Politics-Maritime Cooperation with Russia in the Arctic. *Arctic Review on Law and Politics*, 2016, vol. 7, no. 1, pp. 83–100.

9. Offerdal K. The EU in the Arctic In pursuit of legitimacy and influence. *International Journal*, vol. 66, issue 4, pp. 861–877.
10. Gudev P.A. Arktika kak «GLOBAL COMMONS»? [The Arctic as “global commons”?] // *Puti k miru i bezopasnosti* [Pathways to Peace and Security], 2016, no. 1, vol. 50, pp. 53–69.
11. Riddel-Dixon E. The seven-decade quest to maximize Canada’s continental shelf. *International Journal*, 2014, vol. 69, issue 3, pp. 422–443.

СЕВЕРНЫЕ И АРКТИЧЕСКИЕ СОЦИУМЫ NORTHERN AND ARCTIC SOCIETIES

УДК [316.343+314.7](470.1|.2)(045)
DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.94

Вытеснение на Российском Севере: миграционные процессы и неолиберальная политика *

© **ЛЫТКИНА Татьяна Степановна**, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник
E-mail: tlytkina@yandex.ru

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН, Сыктывкар, Россия

© **СМИРНОВ Андрей Владимирович**, кандидат экономических наук, научный сотрудник
E-mail: av.smirnov.ru@gmail.com

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН, Сыктывкар, Россия

Аннотация. В статье обобщаются результаты многолетних исследований изменений условий жизни населения, проживающего на Севере при становлении торгового капитализма и распространении неолиберальной политики. Вытеснение рассматривается как институционально организованная форма исключения в виде государственной политики, активно поддерживающей социальную поляризацию, способствующей потребительскому способу освоения природных ресурсов и экстенсивному использованию прежде выстроенной инфраструктуры, а также сопровождающейся изоляцией опыта, игнорированием интересов и нарушением прав местных жителей. Доказывается, что советская политика, заинтересованная в привлечении рабочей силы для освоения Российского Севера и использовавшая для этих целей распределительную систему благ, не столько способствовала закреплению трудовых мигрантов на северной территории, сколько инициировала по окончании трудовой биографии их возвращение на родину. Позицию «временщика» формировали предлагаемые привилегии, служившие компенсацией за работу в неблагоприятных климатических условиях, не увязанные с перспективами развития северной территории. При этом интересы местных жителей, оказавшихся отрезанными от престижных рабочих мест и попавших в худшие условия жизни, регулярно игнорировались, а права не признавались. Если благодаря каналам вертикальной мобильности и интеграции в советскую распределительную систему удавалось сгладить несправедливость неравного распределения благ, то с переходом страны к рынку и началом нового этапа изъятия природных ресурсов скрыть это становится сложнее. При этом, учитывая, что процессы исключения получили дальнейшее распространение и теперь в число уязвимых групп попадают не только коренные жители Севера, но и второе поколение мигрантов, фокус конфликта сместился и выразился в отношениях жителей центра и регионов.

Ключевые слова: социальное исключение, вытеснение, миграционные процессы, неолиберальная политика, Северные регионы России, освоение и колонизация, советское наследие.

Expulsions in the Russian North: migration processes and neoliberal policy

© **Tatyana S. LYTKINA**, Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher
E-mail: tlytkina@yandex.ru

* Для цитирования:

Лыткина Т.С., Смирнов А.В. Вытеснение на Российском Севере: миграционные процессы и неолиберальная политика // Арктика и Север. 2019. № 37. С. 94–117. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.94

For citation:

Lytkina T.S., Smirnov A.V. Expulsions in the Russian North: migration processes and neoliberal policy. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 37, pp. 94–117. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.94

Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russian Federation

© **Andrey V. SMIRNOV**, Cand. Sci. (Econ.), Researcher

E-mail: av.smirnov.ru@gmail.com

Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russian Federation

Abstract. The article summarizes the results of a long-term study of changes in living conditions of the population in the North during the formation of trade capitalism and the spread of neoliberal policy. Expulsion is considered as an institutionally organized way of exception in the form of state policy, actively supporting social polarization, contributing to consumer way of natural resource development and extensive use of before-built infrastructure, and accompanied by the isolation of the experience, disregard of the interests and violation of the rights of residents. The article proves that Soviet policy, interested in attracting labor to develop the Russian North and used a distribution system of goods for these purposes, did not contribute much to the consolidation of labor migrants in the northern territories as it initiated their return to the homeland at the end of their labor biography. The position of a “temporary worker” was formed by the proposed privileges, which served as a compensation for work in adverse climatic conditions but did not contribute to the prospects for the development of the northern territories. At the same time, the interests of residents, who turned out to be cut off from prestigious jobs and found themselves in worse living conditions, were regularly ignored, and their rights were unrecognized. If, through vertical mobility and integration into the Soviet distribution system, it was possible to smooth out the inequities in the distribution of benefits, it became more difficult to hide this with the country's transition to the market and the beginning of a new phase of natural resource extraction. Moreover, considering the exclusion processes have become more widespread. Now not only the indigenous peoples of the North but also the second generation of migrants are among the vulnerable groups. The focus of the conflict has shifted and expressed itself in the relations between the residents of the Center and the regions.

Keywords: *social exclusion, expulsions, migration processes, neoliberal policy, Northern regions of Russia, development and colonization, Soviet heritage.*

Введение

При изучении и оценке современных миграционных процессов в России отечественными учёными наблюдается серьёзный перекоп в сторону проблем, связанных с въезжающими в страну мигрантами и гастарбайтерами. Несмотря на то, что количество людей, перемещающихся внутри страны, значительно больше числа международных мигрантов (В 2017 г. объём внутрироссийской миграции составил более 4 млн человек, тогда как сумма выбывших и прибывших международных мигрантов была менее 1 млн [1, Щербакова Е.М.]), а возможные последствия могут носить драматический характер, процессы внутренней миграции и их взаимосвязь с перспективами развития регионов анализируются реже. Так, при понимании важности мигрантов для решения геополитических интересов страны [2, Рыбаковский Л.Л.], игнорируется их значимость в регионах; слабо обсуждается дискуссионный вопрос о выборе между будущими гражданами и временными работниками [3, Мукомель В.И., с. 44], что на уровне региона напрямую связано с проблемой формирования постоянного населения или привлечения временных вахтовых работников, а также с проблемой взаимоотношения коренных жителей и пришлых мигрантов [4, Рязанцев С.В.]. В исследованиях не учитывается советская практика миграций и её влияние на современную ситуацию, остаётся неизученной тема «двойного» влияния миграции на людей, которые на одном этапе жизненного цикла были вынуждены принимать потоки мобильной рабочей силы, а на дру-

гом — наблюдать, как они покидают обжитые места. Наконец, при значительном числе публикаций, анализирующих влияние государственной миграционной политики, отсутствует критичность по отношению к самому рынку [5, Лыткина Т.С., Ярошенко С.С.]. Исследователи по-прежнему мало обращают внимание на последствия проводимой политики и слабо рефлексируют по поводу уникальности России как территории с множеством регионов, имеющих свои особенности социально-экономического развития.

Для некоторых учёных исследование миграционных процессов на российском Севере может показаться надуманной проблемой, поскольку суровый климат является бесспорным аргументом в пользу оттока населения. Более того, существует точка зрения, что освоение территории, богатой природными ресурсами, обходится слишком дорого не только потому что холодно, но и из-за излишков населения, в связи с чем продолжающееся переселение с севера на юг может расцениваться как положительное влияние рынка на российскую экономику [6, Смирнов С., Гарсия-Исер М.; 7, Ефремов И.А.]. Они будут правы, но только в некоторой степени. Мы утверждаем, что климат — это значимый, но далеко не главный фактор северной миграции. Во-первых, отток населения наблюдается даже на территориях с относительно благоприятными климатическими условиями; во-вторых, при статистическом учёте регистрации на новом месте жительства в качестве причины отъезда менее одного процента выбывших указали несоответствие природно-климатическим условиям; в-третьих, в конце 1990-х гг. среди северян была распространена практика, когда они, реализовав своё право переезда по программе переселения, возвращались в суровые климатические места и продолжали там работать (напротив, желающие уехать, не могли себе этого позволить).

В данной работе миграционные процессы на российском Севере анализируются в рамках концепции вытеснения как формы институционально организованного исключения. Доказывается, что, с одной стороны, отток населения является следствием проводимой прежде советской политики, заинтересованной в воспроизводстве и содержании рабочей силы на Севере, при игнорировании интересов и непризнании жизненного опыта местных жителей; а с другой — процессами вытеснения, сегодня непосредственно связанными с новыми (само)расширяющимися экономическими границами капитализма: с чрезмерной эксплуатацией природных и трудовых ресурсов для получения дополнительной прибыли. Мы хотим сказать, что процессы социального исключения порождают процессы вытеснения, и показать, насколько они становятся неразрывно взаимосвязанными.

Новые способы эксплуатации всегда направлены на поиск уязвимых мест в политике и экономике, они порождены процессами исключения, способствующими укреплению структур социального неравенства, при ограничении реализации гражданских прав и возможностей управлять жизненной ситуацией слаборесурсными группами населения. Несмотря на то что «социальное исключение» и «вытеснение» имеют потенциал различных уровней объяснения (индивидуальный / территориальный), эвристические возможности этих двух концепций по существу являются звеньями одной цепи и заключаются в объяснении

процессов капитализации. *На уровне индивида* мы имеем систему ограниченных внешних возможностей, определяющих доступ к материальным и социальным благам и проявляющихся в свёртывании индивидуальных ресурсов и потребностей. *На уровне территории* результат вытеснения мы наблюдаем в виде сворачивания социального и экономического потенциалов, отсутствия оснований для устойчивого развития: как индивид лишается возможности управлять жизненной ситуацией, так и территория (территориальное сообщество) – стратегией развития. Вытеснение на уровне северных регионов России сопровождается утратой приоритетных прав на территорию и природные ресурсы, а также лишением возможностей влияния оставшихся граждан на процессы принятия решений о характере освоения территории с последующим снижением их уровня и качества жизни.

Осознавая тесную связь между концепциями «социального исключения» и «вытеснения», мы пытаемся укрепить позиции С. Сассен: дополняем отрефлексированный ею принцип единства общества и территории с представлениями К. Дорре о динамике развития капитализма (Landnahme). Если у Сассен вытеснение обнаруживается в «бегстве» населения [8, Sassen S.], то у нас — в защитных стратегиях, проявляемых в использовании ресурсов прошлого для компенсации негативного рыночного влияния [9, Burawoy M., Krotov P., Lytkina T.; 10, Ярошенко С.С.; 11, Лыткина Т.С.]. Мы также утверждаем, что территория, теряющая высококвалифицированных специалистов различных профессий, утрачивает возможности социально-экономического развития или, на языке экономистов, «конкурентные преимущества» (По мнению некоторых учёных, ожидания по поводу конкурентоспособности Севера неуместны [12, Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю.]), становится более уязвимой для дальнейшей эксплуатации: на территориях с истощённым человеческим капиталом формирование действенных защит от рынка затруднено. В свою очередь, отсутствие таких защит от рынка приводит к тому, что у капиталистических игроков появляется ещё (!) больше привилегий и возможностей для включения территории в свои стратегии накопления [13, Dörre K.]. В табл. 1 мы приводим основные категории концепции вытеснения, полагающиеся на концепцию экспансии и концепцию исключения.

Таблица 1

Вытеснение: теоретические рамки исследования

Концепции		Механизмы вытеснения
Вытеснение (С. Сассен)	Экспансия капитализма (К. Дорре)	Политика по отношению к Российскому Северу: <ul style="list-style-type: none"> • властные и финансовые коммуникации • поляризация общества через снижение социальной защиты и прекаризацию труда рабочих • сокращение и экстенсивное использование инфраструктуры с ухудшением качества предоставляемых услуг Усиление структур социального неравенства: <ul style="list-style-type: none"> • пространственное • урбанизационное (город / село)
	Социальное исключение как лишение возможности	<ul style="list-style-type: none"> • отраслевое • классовое • гендерное

	управлять жизненной ситуацией (А .Сен, С. Ярошенко, Т. Лыткина)	Процесс производства социальной позиции: <ul style="list-style-type: none"> • нарушение прав • игнорирование интересов • непризнание различий • изоляция опыта
--	---	--

Составлено авторами.

Экспансия предполагает распространение капитализма за счёт захвата и капитализации ресурсов, прежде не являющихся товарами. Ей сопутствуют властные и финансовые коммуникации, сфокусированные в столице, потребительский способ освоения природных ресурсов, поляризация общества и экстенсивное использование инфраструктуры. В свою очередь исключение, как мы отмечали выше, означает лишение возможности управлять личной жизненной ситуацией. Этому способствуют изоляция опыта, непризнание различий, игнорирование интересов и нарушение прав. Совмещение этих двух процессов ведёт к усилению структур неравенства.

Научная новизна статьи состоит в дальнейшем развитии концепции вытеснения, то есть отстранения местных сообществ от управления территорией. Показано, как политика в отношении северных территорий через расширение экспансии на макроуровне приводит к реакции населения на микроуровне — миграционному оттоку как несогласию на (вос)производство социальной позиции в условиях ограниченных возможностей жизни на Севере. Прежде чем перейти непосредственно к результатам исследования, представим исследовательскую стратегию изучения Севера.

Российский Север: понятие и методы изучения

Понятие «Север» не имеет устоявшегося определения и чаще ассоциируется с историко-культурными и / или географическими представлениями, чем с административным делением. Именно по этой причине к числу северных территорий России нередко причисляют Костромскую и Вологодскую области, не входящие в Крайний Север, или Томскую область и Красноярский Край, входящие в границы Севера только частично. Учитывая высокое влияние государственной политики на развитие Севера, включая создание системы стимулов для формирования миграционного притока в советский период, авторами принято решение выделять Север на основе административно-территориального принципа. Первые попытки районирования Севера в качестве «Крайнего Севера» были предприняты в 1932 г. До сих пор относительно к нынешним северным регионам применялось понятие «отдалённые местности» или «северные окраины, населённые туземными народностями» [14, Фаузер В.В, Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н., с. 20] ¹.

В фокусе нашего внимания регионы России, территории которых полностью входят в перечень районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей. В данный перечень

¹ В 1945 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР были введены два понятия: «Крайний Север» и «районы, приравненные к районам Крайнего Севера». Впоследствии перечень менялся, но существенно он расширился в 1992 г. Последние изменения внесены в 2012 г. В мае 2014 г. определён перечень сухопутных территорий Арктической зоны России. В данной статье Арктическая зона рассматривается как территория Севера.

полностью входят 13 субъектов РФ (табл. 2). Север крайне поляризован: практически половина населения проживает в крупных и средних городах, а остальное население – в малых городах и сельских населённых пунктах². Всего на Севере проживает 7 млн 850,9 тыс. человек. Несмотря на впечатляющую численность, она составляет лишь 5,3% населения России. В сравнении с Москвой и Московской областью, на территории, в 163 раза большей, проживает в 2,6 раза меньше населения.

Таблица 2

Численность населения регионов Севера России, 1989 и 2018 гг.³

	По переписи 1989 года			На 1 января 2018 года				
	всё население, тыс. чел.	в том числе:		все население, тыс. чел.	в том числе:		площадь территории, тыс. кв. км	плотность населения, человек на 1 кв. км
		городское	сельское		городское	сельское		
Российская Федерация	147 400,5	108 425,6	38 975,0	146 880,4	109 326,9	37 553,5	17 125,2	8,58
Северные регионы	9 633,1	7 608,8	2 024,3	7 850,9	6 362,4	1 488,5	7 623,7	1,03
Европейский Север	4 769,4	3 806,8	962,6	3 372,0	2 754,1	617,9	1 332,1	2,53
Республика Карелия	791,3	645,7	145,6	622,5	500,6	121,9	180,5	3,45
Республика Коми	1 261,0	952,3	308,7	840,9	656,8	184,1	416,8	2,02
Архангельская область	1 570,3	1 152,5	417,8	1 155,0	900,9	254,1	589,9	1,96
Ненецкий АО	54,8	34,3	20,5	44,0	32,0	12,0	176,8	0,25
Мурманская область	1 146,8	1 056,3	90,5	753,6	695,8	57,8	144,9	5,20
Азиатский Север	4 863,7	3 802,0	1 061,7	4 478,9	3 608,3	870,6	6 291,6	0,71
Ханты-Мансийский АО	1 268,4	1 152,8	115,7	1 655,1	1 528,3	126,8	534,8	3,09
Ямало-Ненецкий АО	486,2	378,6	107,6	538,5	451,4	87,1	769,3	0,70
Республика Тыва	309,1	145,6	163,5	321,7	173,9	147,8	168,6	1,91
Респ. Саха (Якутия)	1 081,4	721,2	360,2	964,4	632,9	331,5	3 083,5	0,31
Камчатский край	466,1	379,1	87,0	315,5	246,8	68,7	464,3	0,68
Магаданская область	385,3	325,6	59,7	144,1	138,2	5,9	462,5	0,31
Сахалинская область	709,6	584,8	124,8	490,2	402,0	88,2	87,1	5,63
Чукотский АО	157,5	114,2	43,3	49,4	34,8	14,6	721,5	0,07

Предлагаемое исследование является логическим продолжением изучения изменений условий жизни населения, проживающего на Севере, после распада СССР. Сбор глубинных интервью, выполненных в рамках качественной методологии, был начат в 1994 г. в столице Республики Коми г. Сыктывкаре и обусловлен первыми экономическими потрясениями, отразившимися на рабочих промышленных предприятий. Исследование носило лонгитюдный характер и было инициировано профессором Калифорнийского университета М. Буравым⁴. Чтобы лучше понять положение рабочих, мы встречались с ними каждые два года и проводили глубинные интервью в семьях до 2002 г. Позже (2010–2014 гг.) в фокусе нашего внимания оказались жители депрессивного города Инта, расположенного севернее

² Согласно официальной статистике (01.01.2018 г.) 40% населения Севера России проживает в крупных городах — 3 млн 152,0 тыс. человек и примерно столько же в малых городах, сёлах, и посёлках городского типа (пгт). В средних городах насчитывается 695,7 тыс. человек (9%), в малых — 1 млн 786,9 тыс. человек и 727,8 тыс. человек приходится на пгт. В сельской местности проживает 1 млн 488,4 тыс. человек или 19,0% жителей Севера.

³ Составлено на основе данных переписи населения 1989 г. URL: www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php (дата обращения: 09.12.2019) и статистического сборника «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2018 году» URL: www.gks.ru/bgd/regl/b19_107/Main.htm (дата обращения: 09.12.2019).

⁴ Проект «Экономическая инволюция» (рук. проекта М. Буравой, Калифорнийский университет).

столицы республики⁵. Там также были проведены глубинные интервью, но на этот раз мы разговаривали не только с рядовыми гражданами, но и с руководителями органов власти и предприятий. Мы не оставили без внимания сельских жителей и, хотя это был самый краткосрочный проект в Удорском и Ижемском районах (2010 г.)⁶, именно он заставил обратиться к истории социально-экономического развития республики и освоения Севера.

Каждый раз, меняя уровни объяснения (индивид, локальное сообщество, население Севера), мы раздвигали теоретические рамки: теория социального исключения — режим социального исключения — концепция вытеснения. Интервью с рабочими показали стремительное снижение их материального благополучия и социального статуса. Повседневная реальность формирующегося российского капитализма вела не к накоплению (активизации) внутренних ресурсов, а к их диверсификации и последующему сворачиванию вместе с уровнем потребностей. Закрывание предприятий, длительные невыплаты заработной платы вынудили работников перенести экономическую активность с предприятия в домашнее хозяйство [15, Burawoy M., Krotov P., Lytkina T.]. Рабочие пытались защитить свои права, но, не получив поддержки остальной части общества, смирились в ожидании чуда, обещанного оптимистами рынка. Ожидание длилось недолго и сменилось осознанием утраты прав и несправедливости капиталистической системы. Их позиция принципиально отличается от позиции интеллектуалов, продолжающих верить в рынок и не доверять государству.

Раскол российского общества привёл к созданию множества социальных позиций, а индивиды, занимающие их, в борьбе за ограниченные ресурсы начали объединяться в замкнутые социальные группы, социальная дистанция между которыми увеличивалась вместе с ростом недоверия и социокультурной нечувствительности друг к другу. В результате местные сообщества небольших северных городов в условиях ограниченных возможностей, утратив самодостаточность и приобретя опыт неудач, «закрылись». Было замечено, что жители Республики Коми, формируя стратегии выживания, прибегают не к массовым протестным выступлениям, а к практикам взаимопомощи, содействующим такой социальной организации жизни, при которой становится возможна дальнейшая эксплуатация природных и человеческих ресурсов и экспансия капитализма. Теперь уже местные сообщества утратили взаимосвязь с остальной частью общества. Их прежний статус покорителей Севера был утрачен, а стратегии поведения на рынке труда, да и сама жизнь на Севере больше не имели ничего общего с показательными моделями успеха современного рыночного общества. Они оказались в числе тех исключённых коренных жителей, чьи интересы и права начали игнорироваться ещё до прихода советской власти и до начала масштабной индустриализации страны. Однако, при всей сложности положения, они не хотели признавать уязви-

⁵ Программа фундаментальных исследований УрО РАН, проект «Социальный потенциал Российского Севера: сети, доверие и практики взаимопомощи» №12-У-7-100 (рук. Т. Лыткина, ИСЭиЭПС КожинЦ УрО РАН).

⁶ Проект «Постиндустриальная трансформация как фактор снижения периферийности пространства северного региона» программы фундаментальных исследований Президиума РАН, 2009-2011 гг. (рук. Т.Е. Дмитриева, ИСЭиЭПС КожинЦ УрО РАН).

мого равенства, и по-прежнему считали, что коренные жители, несмотря на нанесённый ущерб их образу жизни, должны быть признательны им за развитие территорий в советские годы.

Если до сих пор в работе использовались качественные методы исследования социологии (кейс-стади), а пристальный взгляд был прикован к Республике Коми, то в 2016 г. мы обратились к нормативно-правовым документам, анализу статистики и документов стратегического планирования развития Севера. Мы осознаем, что у каждого северного региона свой опыт модернизации экономической деятельности; одни регионы «богаче» (ХМАО, ЯНАО, НАО), другие «беднее» (Тыва, Карелия); различны периоды освоения и масштабы миграций; многообразие национальностей в составе жителей региона сменяется однородностью и практически стопроцентным проживанием коренного населения (табл. 3). И всё же большинство регионов вошло в число северных ещё на стадии формирования нормативного регулирования Севера как территории, географически удалённые от центров расселения, находящиеся у северных границ страны и требующие освоения. Исключением является Республика Тыва, вошедшая в перечень районов Севера только в 1994 г.⁷ Она выступает своеобразным анклавом, находясь на юге России, не имеет масштабной добывающей промышленности и по многим показателям напоминает «депрессивные» аграрные регионы страны. Для остальных территорий характерен цикл освоения, когда на последней стадии наступает истощение природных ресурсов, что приводит к снижению экономической активности, падению уровня доходов населения и деградации социальной сферы. Важным фактором развития региона становится привязанность к месту жительства, заинтересованность граждан в развитии территории и их способность защищать свои права, что в значительной степени связано с численностью коренных жителей и долей уроженцев в северных регионах. Интерес к защите прав и влиянию на развитие территории выше там, где выше процент коренных жителей и уроженцев, а также выше вероятность их участия в структурах власти.

Таблица 3

Доля титульного этноса и уроженцев в северных регионах России по данным переписей населения 1939–2010 гг., %⁸

Регионы	Год образования	Титульный этнос	Доля титульного этноса							Доля уроженцев
			1939	1959	1970	1979	1989	2002*	2010*	2010*
Республика Карелия	1920	карелы	23,2	13,1	11,8	11,1	10,0	9,2	7,4	73,6
Республика Коми	1921	коми	72,5	30,1	28,6	25,3	23,3	25,3	23,7	70,9
Республика Саха (Якутия)	1922	якуты	56,3	46,4	43,0	36,9	33,4	45,7	49,9	78,5
Республика Тыва	1944	тувинцы	-	57,0	58,6	60,5	64,3	77,0	82,0	93,4

⁷ Тогда же вошли Республика Алтай и Бурятия, но частично, поэтому в отличие от Тывы в нашем анализе они не рассматриваются.

⁸ Составлено на основе итоги переписей населения URL: www.gks.ru, demoscope.ru/weekly/ssp/census.php (дата обращения: 09.12.2019) и Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Влияние миграции на этническую структуру населения севера России / Демографический потенциал стран ЕАЭС: сб. ст. VIII Уральского демографического форума. Том II. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. С. 541–548.

Ненецкий АО	1929	ненцы	11,8	10,9	15,0	12,8	11,9	19,0	18,6	71,0
Ханты-Мансийский АО	1930	манси	6,2	5,0	2,5	1,1	0,5	0,7	0,8	31,1
		ханты	13,1	9,0	4,5	1,9	0,9	1,2	1,3	
Чукотский АО	1930	чукчи	56,3	21,4	10,9	8,1	7,3	24,0	26,7	31,0
Ямало-Ненецкий АО	1930	ненцы	29,3	22,4	22,0	11,0	4,2	5,3	5,9	36,9
Архангельская область	1937	-**	93,6	91,5	92,1	92,4	92,1	94,4	95,6	82,0
Мурманская область	1938	-**	84,0	85,3	84,6	83,8	82,9	86,3	80,8	53,6
Магаданская область	1953	-**	-	73,3	78,3	77,6	72,5	80,4	81,5	53,4
Сахалинская область	1918	-**	82,9	77,7	80,4	81,7	81,6	84,8	82,3	68,0
Камчатский край	1932	-**	79,7	82,5	83,0	82,9	81,0	83,6	78,4	57,4

* В процентах к численности лиц, указавших национальную принадлежность / место рождения; ** доля русских — при отсутствии в регионе титульного этноса.

Таким образом, в статье сначала обобщаются результаты социологических исследований, позволяющих интерпретировать данные статистики и оценить основные тенденции в реакциях жителей северных территорий на изменение политики. Затем на основе официальных статистических сборников и бюллетеней Росстата (1990–2017 гг.)⁹, а также итогов переписей населения (1989 г., 2002 г., 2010 г.)¹⁰ проводится анализ миграционных процессов. Однако изучение численности и состава мигрантов, влияния миграционных процессов на изменение структуры постоянного населения Севера не позволяют определить направления миграционных потоков и интенсивность миграций на уровне городских округов и муниципальных районов Севера. Для реализации данной части исследования мы воспользовались недавно опубликованными показателями из Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС)¹¹ и Базы данных показателей муниципальных образований (БД ПМО)¹².

Политики развития северных территорий: от советского распределения к постсоветскому вытеснению

Мы, коми, не умеем защищать свои права. У нас не осталось природных ресурсов, ими коренное население не распоряжается, ничего [ему] не принадлежит, ничего не имеет от них (природных ресурсов). Мы потеряли свой основной козырь – природные ресурсы. Нефть, газ и т.д., вся прибыль, всегда все уходит (м., руководитель муниципалитета, Удорский р-н)¹³.

⁹ Серии «Численность и миграция населения Российской Федерации», «Демографический ежегодник России», «Регионы России. Социально-экономические показатели». URL: <http://gks.ru> (дата обращения: 09.12.2019).

¹⁰ Переписи населения Российской Империи, СССР, России. URL: <http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php> (дата обращения: 09.12.2019).

¹¹ Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://fedstat.ru/> (дата обращения: 09.12.2019).

¹² База данных показателей муниципальных образований. Росстат. URL: <http://gks.ru/dbscripts/munst/> (дата обращения: 09.12.2019).

¹³ Это и другие интервью, использованные в статье, проведены в рамках проекта «Постиндустриальная трансформация как фактор снижения периферийности пространства северного региона» программы фундаментальных исследований Президиума РАН, 2009–2011 гг.

Сегодня я хочу сказать, оленеводу бедному становится сложно работать. Сегодня экспансия идёт нефтяной промышленности. Они сегодня забирают земли этих оленеводов. Сегодня на одном уровне одинаково участвуют в конкурсе на получение аренды на землю что нефтяник, что оленевод. Это разве правильно? Это разве подход? Почему я веду разговор о законе? Для чего закон нужен? Нужно расписать все правила игры в этом законе. Кто такой оленевод? Это же его земля, он же сюда оленей не привёл, олень тут родился, это его среда обитания (ж., руководитель предприятия, г. Инта).

Развитие капитализма нуждается в расширении способов и форм эксплуатации. Наиболее благоприятная среда — в некапиталистических обществах, особенно если они подвержены резкой критике и преисполнены веры в способности свободного рынка решать любые проблемы — какой и явилась Россия с развалом Советского Союза. Социалистическая система не только не смогла выработать действенные способы регулирования рынка, но и минимизировала рыночные отношения, оказавшись без иммунитета от рыночного давления [16, Виганов М.]¹⁴. В результате избыточный оптимизм по поводу достаточно лёгкой смены одной нормативной структуры (худшего варианта социально-экономического развития) на другую (идеальную модель) не только не оправдался, но и позволил сформировать ещё более жёсткую систему эксплуатации и насилия. Но прежде сама советская система, также как внедряемый в 1990-х гг. рынок, максимально использовала дискриминационные практики и способы угнетения предыдущей системы.

Между тем вспоминать о том, что основы политики колонизации Севера России, богатого природными ресурсами, были заложены в XIX в., не принято, как и то, что амбициозные планы царского правительства по преобразованию территории в процветающий край проводились в контексте догоняющей модернизации по образцу западноевропейской и американской природоэксплуатационных моделей хозяйствования [17, Коротаев В.И.]¹⁵. Освоение северных земель независимо от права собственности, согласия или терпимости

¹⁴ При интенсивном насаждении социалистической идеологии формы эксплуатации становятся видимыми (прозрачными), в то время как правила игры капиталистической системы приводят к их мистификации.

¹⁵ В конце XIX — начале XX в. оформилась политика российского этатизма: смысл всех и каждого — в служении государству. Само государство утратило сакральность, превратившись в полицейское и породив отчуждение между различными сословиями России. В это же время между Россией и иностранными государствами (Великобританией, Норвегией, Германией) развернулась острая конкуренция, прежде всего, по поводу рыбных промыслов. Норвегия, занимавшая второе место в мире по количеству вылавливаемой рыбы, стала диктовать свои условия в зоне лова русских поморов и активно вытеснять их с внутреннего рынка. В отличие от русских норвежцы принимали более деятельное участие в заселении приграничных районов Российского Севера. В результате этой активности к 1900 г. в Мурмане проживало русских колонистов 44%, финнов и норвежцев 43,5%, представителей северных народов (карелы и лопари) — 12,5% населения. Если на территориях Мурманской и Архангельской областей на природные ресурсы претендовали Великобритания, Норвегия и Германия, то на Дальнем Востоке браконьерствовали и спаивали местное население американские промышленники (Зуляр Ю.А. Предвзятый взгляд на индустриализацию Сибири. Часть 1 // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2011. № 1. С. 29–41). Иными словами, при сложной социально-политической ситуации внутри страны перед Россией остро стоял вопрос сохранения границ государства и права на использование природных ресурсов. Эти же проблемы сохранились с приходом советской власти.

широко поддерживались правительством, духовенством, промышленниками и интеллигенцией¹⁶ без учёта жизненного опыта коренных жителей Севера и практик их взаимодействия с природой. При игнорировании ценностной системы образ жизни местных жителей стигматизировался, а их самих считали недоразвитыми, чужими, «врагами прогресса», «туземным населением», «дикими народами» [21, Каменев А.А., с. 15; 16, Коротаев В.И., с. 46]. «Перекрыть» северный мир должны были активные, предприимчивые, молодые люди — ими и следовало заселить территорию. Иными словами, восприятие на тот момент природных ресурсов в виде бездонной кладовой неисчисляемых богатств и возможности обогащения отражалось в пренебрежении сбалансированной связью коренных жителей Севера с природой¹⁷, что и стало в советский период основанием для формирования специфичных форм исключения *через игнорирование жизненного опыта и подавление личности* в процессе воспроизводства и содержания рабочей силы.

Советская власть в ходе догоняющей модернизации не только продолжила политику колонизации Севера, но и политику этатизма, которая уже в 1930-х гг. утвердилась в её крайней форме — тоталитаризме. Первоначально советское правительство активно сотрудничало со специалистами прежней системы, подготавливая новые кадры. Совместными усилиями «старых» и «новых» кадров догоняющей модернизации было придано ускорение. Население северных территорий начало стремительно расти и складываться в результате интенсивного миграционного оборота. Север одновременно становился зоной промышленного освоения и местом наказания неугодных государству. В сталинский период это, прежде всего, осуждённые по политическим мотивам и спецпереселенцы; позже — представители преступного мира.

При освоении Севера вкладывались не экономические излишки, а трудовые ресурсы. Если впоследствии безжалостная практика использования системы ГУЛАГ НКВД СССР подверглась жёсткой критике, то вклад в развитие территории местных крестьян (экспроприация крестьянских хозяйств, принудительное привлечение к труду одновременно на предприятиях и на земле) остался незамеченным. Между тем, испытывая регулярные притеснения со стороны представителей системы ГУЛАГ, местные жители нередко одновременно были вынуждены решать продовольственные проблемы и работать на лесоповалах. Формально государство не несло никакой ответственности за положение колхозников, перекладывая это бремя на них самих: при росте трудодней денежное содержание сокращалось и

¹⁶ Единичные размышления учёных — противников колонизации Севера — царским правительством не были восприняты. По мнению А.А. Чарушина (1) не следует безоглядно равняться на опыт других стран, забывая об особенностях образа жизни крестьян; (2) сама природа — неустранимое препятствие, и с этим надо считаться; (3) переселенцы-колонисты не обладают необходимыми ресурсами для адаптации на новом месте (Чарушин А.А. Вопросы колонизации Севера // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911, № 4. С. 259–265). А П. Сорокин считал, что вообще не нужно никакой колонизации Севера, достаточно поднять сельскохозяйственную культуру крестьян-старожилов (Сорокин П.А. Печорская экспедиция и колонизация Зырянского края // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911, № 8–9. С. 645–651).

¹⁷ В то же время следует отметить, что идеи гармонизации отношений человека и природы получили распространение сто лет спустя.

зачастую не выплачивалось. Без очевидных фактов явного сопротивления, выраженных в отказе от работы, вредительстве и / или других способах намеренного подрыва экономики, качество жизни крестьян падало до уровня принудительных мигрантов [22, Лыткина Т.С., Фаузер В.В., с. 105].

Достаточно быстро лесозаготовительная отрасль при минимальных финансовых затратах стала «главным валютным цехом», обеспечив проведение дальнейших геологоразведывательных работ на Севере. В последующем доходы от добычи полезных ископаемых стали основой в реализации планов расширенной индустриализации всей страны. Вместе с ростом потребности в квалифицированных специалистах для нефтегазовой отрасли и добычи каменного угля возникает необходимость формирования системы стимулирования труда на Севере для привлечения сюда новых, уже подготовленных системой, молодых советских кадров. На смену принудительной миграции, проводимой без учёта интересов отправляющей и принимающей сторон, возможностей размещения людей и создания элементарных социально-бытовых условий для работы и жизни, формируется система льгот и благ для «покорителей Севера», строятся новые рабочие города с развёрнутой инфраструктурой. По существу, государство через переговоры с предприятиями делегировало им заботу о своих гражданах. Предприятия, ставшие эпицентрами распределения благ [23, Burawoy M.], выстраивали кварталы жилых комплексов, строили детские сады и санатории. Масштабы и качество предлагаемых благ зависели от престижа отрасли и не были увязаны с перспективами развития северной территории. Однако подобная забота о трудовых мигрантах способствовала формированию потребительского отношения к месту временного проживания и закреплению за ними приоритетного права на высокие доходы. Иными словами, имеющиеся привилегии и льготы способствовали прикреплению человека к рабочему месту, но не к среде обитания. Приезжающие на Север работники в первую очередь становились частью трудовых коллективов, а не местного сообщества, причастного к развитию территории. Определение вариантов развития территории или стандартов комфортного проживания и вовсе оставалось исключительно в компетенции государства, исходившего из интересов экономики мобилизационного типа ¹⁸.

Местные жители, преимущественно, проживающие в сельских районах, оказались «отрезаны» от рабочих мест в престижных отраслях и тех благ, которые им предоставлялись ¹⁹. Преодолеть существующие барьеры для интеграции в распределительную систему совет-

¹⁸ Северные города преимущественно застроены панельными «коробками». Жилых домов, представляющих интерес с архитектурной точки зрения, мало. Все они построены до революции или в сталинский период. Исключение составляют такие города, как Салехард и Ханты-Мансийск. В качестве достопримечательностей в лучшем случае выступают учреждения соцкультбыта, которых в Европейской части Севера больше, чем в Азиатской, но и их число с началом экономических реформ значительно сократилось.

¹⁹ Косвенным доказательством является национальный состав жителей «ресурсных» городов. Так, например, в Республике Коми на 2010 г: в Воркуте проживает 1,7% коми, в Ухте — 7,9%, в Инте — 11,4%, в Усинске — 14,8%.

ского времени²⁰ им удалось частично, благодаря лесозаготовительным отраслям, утратившим к тому времени приоритетное значение для развития экономики, но по-прежнему вносящим в бюджет страны внушительные доходы. Их интеграция в распределительную систему [24, Ladanyi J., Szelenyi I.] оказалась условной и не сопоставимой ни с нанесённым им ущербом в реализации традиционного образа жизни, ни с размерами той части доходов, которые им возвращались от добычи природных ресурсов. На фоне северных городов места проживания коренных жителей выглядели удручающе: инфраструктура уступала, снабжение товарами было хуже, а качество государственных услуг ниже. Между тем процессы российской колонизации Севера продолжали рассматриваться с точки зрения способа развития человечества и культурного просвещения, плохо приспособленных к условиям жизни народов [25, Рыбаковский Л.Л.].

Основная задача освоения Севера, заключающаяся в получении доступа к добыче природных ресурсов, была достигнута. В отличие от капиталистических стран, специфика проявления власти и богатства [26, Walker R.] нашла отражение не в индивидуальных, а в государственных мегапроектах: масштабной индустриализации, безвозмездной помощи союзным республикам и развивающимся странам в ущерб созданию комфортной среды проживания для своих граждан. Но при этом плановая система сдерживала гражданскую активность и участие в управлении развитием территории и не предполагала формирования общей северной идентичности. В результате жители северных регионов, не обладая историей совместной деятельности, обуславливающей социокультурную привязанность к территории²¹, с переходом страны к рынку и дальнейшей её капитализацией не смогли сформулировать общие задачи и способы защиты своих прав, что привело к дальнейшей актуализации исторически сложившихся практик дискриминации. Иными словами, нарушение прав, игнорирование интересов, непризнание различий и изоляция опыта местных жителей получили распространение в новой системе, но при этом число исключённых увеличилось: в их числе также оказалось второе поколение добровольных мигрантов.

Мы утверждаем, что сегодня происходит вытеснение Российского Севера и отражается оно не только в сложившихся практиках социального исключения, но и в экспансии капитализма: захвате ресурсов и расширении капиталистических методов производства. Сначала в 1990-х гг. промышленность Севера утонула в глубоком экономическом кризисе: более половины предприятий были признаны банкротами [11, Лыткина Т.С.], а оставшиеся лишь уси-

²⁰ Прежде всего, из-за существующих ограничений паспортного режима крестьяне не имели права передвижения крестьян даже по территориям, куда принудительно свозились репрессированные. После отмены ограничений в 1974 г., и, начавшейся паспортизации в 01.01.1976, а закончившейся только 31.12.1981, между городом и деревней установился непрерывный поток людей и ресурсов.

²¹ Север воспринимался как «дом», но не как «Родина» (Heleniak T. The role of attachment to place in migration decisions of the population of the Russian North // *Polar Geography*, 2009, vol. 32, issue 1–2, pp. 31–60. DOI: 10.1080/10889370903000398, Bolotova A., Stammer F. How the North became home. Attachment to place among industrial migrants in Murmansk region / *Migration in the Circumpolar North: Issues and Contexts* (eds. Southcott C., Huskey L.), 2010, pp. 193–220).

лили экспортно-сырьевую ориентацию экономики [29, Кротов П.П.]. Сокращение числа рабочих мест способствовало усилению эксплуатации. При невыплатах заработной платы, распространённой практике административных отпусков, уровень жизни северян снизился, а социальная защита фактически свернулась. Трудовые коллективы, обладавшие при прежнем политическом режиме потенциалом солидарного действия, утратили способность к мобилизации, а регионы, в результате преобразования системы распределения благ, налоговой политики в сфере добычи природных ресурсов²² и в критериях получения дотаций из федерального бюджета²³, — способность к развитию. Несмотря на то, что северные регионы России продолжают обеспечивать 38,4% поступлений в федеральный бюджет, они не имеют финансовой самостоятельности, возможностей диверсификации экономики и преодоления последствий её ресурсной специализации.

Процессы вытеснения / исключения мы можем наблюдать на примерах формирующихся структур социального неравенства [32, Лыткина Т.С., Смирнов А.В.]. Согласно статистическим данным, среднемесячная заработная плата на Севере России остаётся выше, чем в среднем по стране, но разрыв продолжает сокращаться. Если в России в 2006 г. реальные располагаемые доходы населения превысили уровень 1991 г., то на Севере, несмотря на их рост в 2000-х гг., они так и не вернулись к прежнему уровню. Процессы (вос)производства бедности здесь протекают интенсивнее и бедных становится всё больше. Сегодня доля бедных с доходами ниже прожиточного уровня в северных регионах составляет 15,4% по сравнению со среднероссийским показателем в 13,2%. В то же время уровень жизни сельских жителей, как и прежде, гораздо ниже, чем у горожан, а у мужчин выше, чем у женщин. Наиболее значимым видом неравенства является отраслевое ввиду особой роли добычи природных ресурсов в экономике Севера, однако распространение вахтового метода организации труда практически лишает местных жителей высокодоходных рабочих мест.

²² В 2003 г. снижена региональная доля налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) на газ с 20 до 0%, на нефть — с 20 до 14%; в 2004 г. вновь сокращена региональная доля НДПИ на нефть до 5%, а с 2009 г. НДПИ на природный газ и нефть стал полностью зачисляться в федеральный бюджет. В 2017 г. федеральный центр сократил норматив зачисления налога на прибыль в региональные бюджеты с 18 до 17%, а также уменьшил долю акцизов на нефтепродукты, зачисляемые в бюджеты регионов до 61,7%. Наконец, в 2018 г. регионы потеряли часть бюджетных доходов из-за индексации НДПИ, который уменьшил базу налога на прибыль (Юшков А.О., Одинг Н.Ю., Савулькин Л.И. Судьбы российских регионов-доноров // Вопросы экономики. 2017. № 9. С. 63–82. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-9-63-82).

²³ Сегодня приоритеты федеральных властей при инвестировании регионов носят в основном политический характер, а интересы крупного бизнеса сконцентрированы в проектах по добыче и транспортировке нефти и газа (Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010). Для примера: доля инвестиций в основной капитал в валовом региональном продукте (ВРП) Республики Коми выросла в 2005–2015 гг. с 29,4 до 33,5%, при этом более 82% инвестиций приходятся на добычу нефти и газа, а также на трубопроводный транспорт. Если исключить эти виды экономической деятельности, то окажется, что другие инвестиции сократились с 9 до 6% от ВРП. Сегодня приоритетными геостратегическими территориями Российской Федерации являются Крым, Калининградская область, Северный Кавказ, Дальний Восток и Арктическая зона (Об утверждении Стратегии пространственного развития до 2025 года. URL: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения: 09.12.2019)). Политическими интересами и борьбой за господдержку и льготы руководствуются сегодняшние инициаторы расширения Арктической зоны, а северные территории, не добившиеся вхождения в Арктическую зону, выпадают из федеральных программ и не могут рассчитывать на формирование стратегий развития.

Вытеснение Севера сопровождается сжатием социальной и инженерной инфраструктуры поселений [32, Лыткина Т.С., Смирнов А.В.]. Деформирована или утрачена и вспомогательная инфраструктура добывающей промышленности: геологоразведка, гидрометслужба [33, Эпов М.И., с. 8]. ВРП на душу населения в северных регионах сокращается, в то время как природные ресурсы приходят к истощению. Результатом хозяйственной деятельности стало и то, что промышленные города Севера лидируют по уровню экологического загрязнения и антропогенного воздействия на среду проживания [34, Битюкова В.Р.]. Наконец, отстранение государства от решений проблем Севера привело к массовому оттоку наиболее квалифицированного населения и распространению культуры пессимизма. После 1989 г. из 117 городов Севера только в областных центрах, некоторых добывающих и оборонных поселениях (29 городах) увеличилась численность населения, в остальных 88 (75,2%) она снижается. Территория начала терять творческий потенциал, что не в меньшей степени приводит к снижению качества жизни и утрате перспектив развития территории. Одни устремились в большие города за получением престижного образования, в поисках достойных доходов и возможностей профессиональной самореализации, другие лишены выбора, выстраивают жизненные стратегии, противоречащие ценностям индивидуализма, свободы и демократии, ради которого и был осуществлён переход страны к рынку в 1991 г.

Исходящая миграция как защитная реакция на давление рынка и государства

Сегодня нормальные родители, которые хотят видеть счастливыми своих детей, они сегодня их не оставят здесь в Инте, потому что здесь приходится владеть жалкое существование, в том плане, что здесь нет работы (ж., г. Инта).

Переехала бы на старости лет. Если бы в одной [квартире] дочь, а по соседству я. Там конечно легче, дров не надо, тут попробуй дрова купить на эту зарплату. Дрова, машина, стоит 3 500. Ну, куда с такой зарплатой купишь машину дров. Купишь, так и месяц голодная. А на зиму надо три машины (ж., с. Усогоorsk, Удорский р-н).

С начала 1990-х гг. потери населения от миграции составили примерно 2,3 млн человек, или 24% жителей. Отток в европейской и азиатской частях Севера в различные периоды отличался. Если до начала нулевых более интенсивный миграционный отток наблюдался в азиатской части, то в последующем — в европейской части Севера. В результате убыль оказалась примерно одинаковой (по 1,1 млн человек). Устойчивые тенденции миграционного оттока населения продолжают наблюдаться в подавляющем большинстве городов и районов. Ежегодно Север теряет около 30–40 тысяч человек. В районах Крайнего Севера отток населения втрое интенсивней, чем в приравненных к ним местностях. Наибольшая убыль населения в 2015–2017 гг. наблюдалась в Чукотском и Ямало-Ненецком АО, Республике Коми и Магаданской области. Некоторые города и районы в этих регионах теряют в год до 4%

населения. При этом очевидно, что жизнь сельских жителей на Севере менее привлекательна, чем в южных и центральных районах России: с начала рыночных реформ число сельских жителей Севера сократилось на 26% (рис. 1), тогда как по России в целом уменьшилось только на 4%. Городское население Севера за этот период сократилось на 16%, России — выросло на 1%.

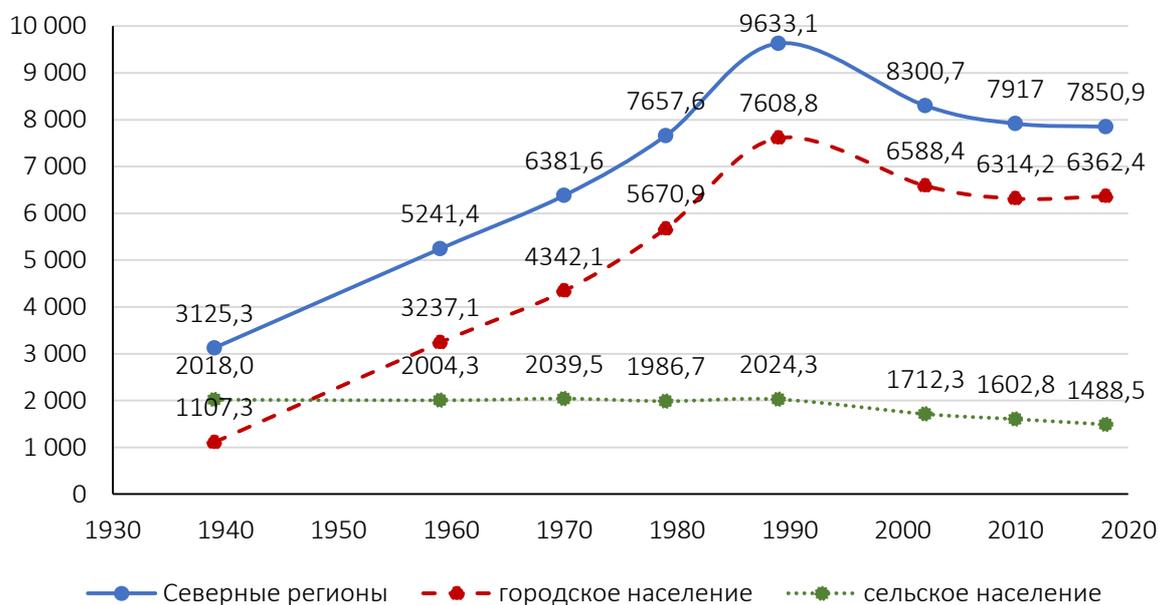

Рис. 1. Численность постоянного населения российского Севера по данным переписей населения 1939-2010 гг. и на начало 2018 г., тыс. человек²⁴.

Новые места проживания северян отличаются более благоприятным климатом и высоким качеством жизни. Прежде всего, это столичные регионы: Москва, Санкт-Петербург, Московская и Ленинградская области. Туда переезжают около четверти мигрантов из Севера. Обратные потоки из столиц почти вдвое меньше. Похожая ситуация и в случае с крупными южными регионами: Краснодарский край, Белгородская и Воронежская области, Крым и др.

Несмотря на то, что северные города, даже самые крупные, не выдерживают конкуренции с центральными и южными субъектами федерации внутри регионов наблюдается «подтягивание» населения к столичным центрам, где перспективы жизни, с одной стороны, более благоприятны (лучше инфраструктура, больше рабочих мест и выше доходы), а с другой — более доступны (требуется меньше средств для переезда, обучения детей). Именно поэтому миграционная ситуация в самых густонаселённых территориях выглядит относительно стабильной. В муниципальных образованиях с населением ниже 100 тыс. человек миграционная убыль в четыре раза выше, чем в крупных городах (табл. 4).

²⁴ Составлено авторами.

Таблица 4

Миграция в крупнейших городских округах Севера 2012-2017 гг.^{25,26}

Городские округа	Численность населения, тыс. человек, начало 2018 г.	Коэффициент миграционного прироста, на тысячу человек	в том числе по видам миграции		
			внутри региона	между регионами	международная
Всего	3316,4	0,5	4,3	-6,4	2,7
Архангельск	356,9	0,0	6,6	-7,3	0,7
Сургут	366,2	10,4	3,5	1,7	5,2
Якутск	328,5	8,1	13,9	-6,2	0,5
Мурманск	295,4	-9,9	1,2	-13,4	2,3
Петрозаводск	279,2	9,8	8,0	-0,4	2,2
Нижневартовск	275,4	0,5	-1,1	-3,6	5,2
Сыктывкар	260,8	0,6	7,2	-6,5	-0,1
Южно-Сахалинск	206,1	6,4	6,7	-4,5	4,1
Северодвинск	184,3	-6,3	2,6	-9,7	0,7
Петропавловск-Камчатский	181,2	-0,8	1,9	-10,8	8,1
Нефтеюганск	127,0	-6,1	-5,1	-4,1	3,1
Ухта	117,8	-5,9	5,2	-11,7	0,5
Кызыл	115,9	-4,7	2,7	-7,8	0,3
Новый Уренгой	114,8	-7,4	-2,5	-7,2	2,3
Ноябрьск	106,9	-14,0	-5,3	-12,2	3,5

Убыль особенно характерна для сельских районов Севера. Именно сёла и посёлки городского типа продолжают обеспечивать приток в крупные города внутри регионов. Покидают родные места в основном сельская молодёжь в возрасте от 15 до 19 лет. Миграция связана с получением образования, к чему более склоны девушки. Согласно анализу официальной статистики в этом возрасте девушки совершают на 29,5% перемещений больше, чем юноши. Если родители из сёл ориентируют своих детей на поступление в учебные заведения ближайших крупных городов региона, то городские — в столичные вузы за пределами региона. Учёба в центральных вузах и трудоустройство детей за пределами региона в последующем предполагает стратегию переезда родителей к своим детям после их выхода на пенсию (55–59 лет). Данному решению активно способствуют программы переселения, особенно для районов Крайнего Севера (Новый Уренгой, Ноябрьск, Воркута). Родители сельской молодёжи, лишённые поддержки государства в реализации миграционных установок, как правило, остаются дома.

Очевидно, что по мере сокращения и старения населения сёл и посёлков городского типа, возможности пополнения населения городов будут уменьшаться. Данные тенденции мы можем уже сегодня наблюдать в Мурманской области, где доля сельского населения со-

²⁵ Составлено авторами на основе данных из БД ПМО, Росстат.

²⁶ На начало 2018 г. в северных регионах России насчитывается 15 городов с населением более 100 тыс. человек, в которых проживает 42,2% населения Севера. Два городских округа ранее имели население более 100 тыс. человек, но сегодня перестали относиться к крупным: Воркута (население сократилось с 216,2 тыс. человек в 1989 г. до 77,3 тыс. человек в 2018 г.) и Магадан (сократилось со 163,6 до 99,7). Один городской округ приближается к 100 тыс. человек и скоро может войти в число крупных — Ханты-Мансийск (98,5 тыс. человек на начало 2018 г.).

ставляет всего 8%. В таких городах, как Ноябрьск, Нефтеюганск, Новый Уренгой, Нижневартовск и Норильск внутрирегиональная миграция уже давно отрицательная. Эти города в меньшей степени окружены сельскими районами и в них нет крупных учебных заведений, обеспечивающих внутренний миграционный прирост северных городов²⁷. Другая ситуация, например, в г. Ухта (Республика Коми): не обладающем столичным статусом, благодаря крупному вузу и окружению сельских районов, имеет прирост внутри региона на высоком уровне в 52,4; в свою очередь в Сыктывкаре – административном центре с вузами – миграция составляет 72,4²⁸.

Вместе с выпускниками школ Север теряет наиболее квалифицированные кадры. Наибольшую склонность к выездной миграции имеют граждане с неполным высшим (убыль 10,0 человек на 1000 жителей), высшим (9,2) и средним полным образованием (6,6). Миграционная убыль граждан с начальным профессиональным составляет всего 1,2. Если измерять образовательный потенциал населения как суммарную продолжительность обучения в годах, то окажется, что за год миграция приводит к вывозу за пределы Севера около 1,3% его образовательного потенциала. Взамен северные территории получают менее квалифицированные кадры [35, Фаузер В.В., Лыткина Т.С.]. Как правило, учёные концентрируют внимание на том, что сокращение численности населения, ухудшение возрастной структуры и отток образованных граждан негативно отражаются на демографическом и трудовом потенциалах территории [36, Фаузер В.В.], что, безусловно, так. Но оно также отрицательно отражается на социальном самочувствии и качестве жизни оставшихся жителей Севера [37, Лыткина Т.С.; 38, Лыткина Т.С.].

В абсолютном выражении наибольший отток населения приходится на трудоспособный возраст (23 тыс. человек в год)²⁹. Вместе с естественными процессами старения населения и невысокой рождаемостью это приводит к постарению возрастной структуры населения. В сельской местности данные процессы протекают быстрее. Если с 2002 г. средний возраст на Севере вырос на 3,1 года, то в сельской местности он увеличился на 3,7 лет. В целом по России он увеличился на 2,4 года (причём в городе и в селе в равной степени)³⁰. В 2017 г. каждый пятый житель Севера старше трудоспособного возраста, а демографическая нагрузка на трудоспособное население практически достигла среднероссийского уровня (716 и 764 соответственно). Результатом деформации возрастного состава становятся сокращение удельного веса населения репродуктивных возрастов, снижение рождаемости и, как след-

²⁷ Согласно анализу муниципальной статистики, вариация величины внутрирегионального миграционного прироста крупных городов Севера на 84% определяется долей студентов в населении городов.

²⁸ При расчёте учитывался приведённый контингент студентов в городах по данным мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования за 2017 год (<http://indicators.miccedu.ru/monitoring/?m=vpo>).

²⁹ Это в 1,7 раз больше, чем отток населения старше трудоспособного возраста (13,5 тыс. человек).

³⁰ Если в 1989 г. удельный вес детей составлял 29,3, лиц трудоспособного возраста 61,8, а доля людей старших возрастных групп 9,0, то сегодня соотношение трёх возрастных групп на Севере выглядит следующим образом: 21,5; 59,1 и 19,4.

ствие, депопуляция северных регионов. В последние годы естественный прирост сменился убылью в Республике Коми, Мурманской и Магаданской областях.

В то же время мы имеем возможность наблюдать привлекательность Севера для трудовой миграции, особенно для мужчин в возрасте от 20 до 54 лет. Наибольшее число трудовых мигрантов в 2015–2017 гг. составили выходцы из Башкортостана, Дагестана и Омской области. Что касается стран ближнего зарубежья, то наиболее активное участие в миграционном обмене приняли Украина (35%), Узбекистан (12%), Киргизия и Таджикистан (по 10%), Азербайджан (6%), Беларусь и Армения (по 5%). Привлекательных городов для трудовых мигрантов не так много, но все они отличаются более высокой заработной платой. Прежде всего это районы добычи нефти Ханты-Мансийского АО. Сюда едет половина трудовых иностранных мигрантов. Не менее привлекательны островные районы (Новая Земля, Курильские острова, Сахалин), связанные в последнее время с высокой оборонной активностью и развитием морских транспортных путей. Однако подобная трудовая миграция обеспечивает миграционную подвижность, не способствуя росту постоянного населения Севера.

Заинтересованность добывающих предприятий в вахтовой организации труда делает рабочие места с высокой заработной платой недоступными для местных жителей, что усугубляет их положение. В то же время следует признать, что с дальнейшим снижением уровня комфортного проживания на Севере, наличие заработка стимулирует выезд за его пределы. При этом отток населения тем выше, чем ниже комфортность проживания и возможности профессиональной самореализации, а они сегодня в представлениях северян ниже среднего уровня³¹. В качестве дополнительного аргумента мы использовали показатель продолжительности жизни³², являющимся одним из важнейших индикаторов социально-экономического развития территорий и качества жизни. Он показал, что массовый отток населения наблюдается там, где стандартизованный коэффициент смертности имеет высокие значения и превосходит 12: в Воркуте, Печоре, Усинске, Апатитах и большинстве сельских районов Севера. Худшие показатели наблюдаются на Чукотке (29,9), где продолжительность жизни мужчин не достигает даже 50 лет. Напротив, в Сургуте, Южно-Сахалинске, Кога-лыме, Якутске, Ханты-Мансийск данный показатель смертности имеет низкие значения, а миграционная убыль не наблюдается.

Важно также обратить внимание на то, что желающих выехать за пределы обжитых мест гораздо больше, но с каждым годом, вместе с падением доходов северян, реализовать миграционные намерения становится всё сложнее. На фоне утраченных преимуществ проживания в северных городах и сёлах, видимыми привлекательными сторонами становятся

³¹ Проект РФФИ № 18-410-110002 «Занятость населения в малом предпринимательстве (на примере Республики Коми)», 2018–2020 гг. (рук. М. Терентьева)

³² Для измерения влияния качества жизни на коэффициент миграционного прироста территорий применялся стандартизованный коэффициент смертности, отражающий продолжительность жизни и общий уровень благополучия населения. Линейный коэффициент корреляции с миграционным приростом по 195 городам и районам Севера составил - 0,55, что существенно выше зависимости от заработной платы (0,07).

размеренная спокойная жизнь, поддержка друзей и родственников в решении повседневных проблем, а также природа северного края. Однако отказ от миграции и привязанность к родным местам всё чаще связываются с недостатком индивидуальных (семейных) ресурсов для отъезда и последующей адаптации на новом месте, в то время как видимые преимущества жизни на севере служат оправданием сохранения прежнего места жительства. Менее всего склоны к выезду коренные жители Севера, проживающие в худших условиях по сравнению с остальными северянами. Малочисленные коренные народы Севера³³ в миграционном обмене практически не участвуют. Этот вопрос требует дополнительного изучения.

Заключение

На примере российского Севера мы стремились показать причины, спровоцировавшие его вытеснение. Они лежат как в недавнем прошлом, так и в проводимой сегодня неолиберальной политике, а именно: в восприятии Севера как территории, богатой природными ресурсами, и в пренебрежительном отношении к проживающим здесь гражданам. В работе доказывается, что формирование локальных северных сообществ не предполагало ни защиту интересов коренных жителей, ни проявление гражданских инициатив и ответственности за развитие территории, ни формирование общей северной идентичности.

В советский период идентичность формировалась вокруг рабочего места, способствуя (вос)производству социального исключения в виде практик взаимодействия при превосходстве одних и молчаливом сопротивлении других. Этому немало способствовала советская политика распределения. С одной стороны, она исключала местные сообщества из системы распределения благ, организовав иерархию приоритетных отраслей в экономике, а с другой — через каналы вертикальной мобильности обеспечивала доступ к другим благам: образованию, здравоохранению, возможностям профессионального и должностного роста.

С началом капитализации начался новый этап изъятия природных ресурсов, а последовавшая за ним деформация социальных отношений усугубила ситуацию и привела к серьёзным препятствиям в выработке общих интересов северян. Процессы исключения через политику игнорирования интересов северян нашли продолжение и получили дальнейшее распространение: теперь в зону исключения попадают не только коренные жители Севера, но и второе поколение добровольных мигрантов, рождённых на Севере и ставших его заложниками. Как и более ста лет назад, политика формирования постоянного населения сменилась политикой временного проживания, но теперь уже благодаря вахтовому методу организации труда. Труд местных жителей не только становится невостребованным, но и ме-

³³ Внутри одних и тех же районов населённые пункты с преобладанием русского населения (по данным переписи 2010 г.) демонстрируют показатели подвижности в несколько раз выше, чем с преобладанием коренных народов. Это справедливо для народов с разных территорий и относящихся к разным языковым группам. В тех редких случаях, когда малочисленные народы участвуют в миграциях, они быстро «растворяются» в другой культурной среде. Что на наш взгляд, связано с дискриминационными практиками социального взаимодействия, улавливаемыми коренными жителями Севера. Так, численность вепсов в России с 1989 года сократилась более чем вдвое в результате их миграционных перемещений в Санкт-Петербург и Петрозаводск.

нее оплачиваемым, происходит экстенсивное использование инфраструктуры. Миграционные настроения становятся защитной реакцией северян на рынок на фоне снижающегося качества жизни. В результате северные регионы массово покидают жители, в том числе молодые и квалифицированные, что провоцирует дальнейшее снижение привлекательности жизни на Севере для оставшихся.

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках НИР «Население северных территорий России: история формирования и перспективы развития» (№ ГР АААА-А19-119012190103-0, 2019-2021 гг.). Авторы выражают благодарность за замечания и комментарии, за дружескую поддержку и участие В.В. Фаузеру и С.С. Ярошенко, за помощь в сборе и анализе статистики Г.Н. Фаузер.

Литература

1. Щербакова Е.М. Миграция в России, итоги первого полугодия 2018 года // Демоскоп Weekly. 2018. № 783–784.
2. Рыбаковский Л.Л. Миграционный потенциал: критерии оценки и современные масштабы // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 24–34.
3. Мукомель В.И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. 2011. Т. 30. № 1. С. 34–50.
4. Рязанцев С.В. Интеграция мигрантов в контексте внешней миграционной политики России // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 105–111. DOI: 10.7868/S0132162518010117
5. Лыткина Т.С., Ярошенко С.С. Возможна ли социология для трудящихся классов сегодня? // Мир России. 2019. Т. 28. № 1. С. 101–123. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-101-123
6. Смирнов С., Гарсия-Исер М. Миграция с Крайнего Севера: намерения и возможности маргинальных групп населения // Мир России. 1998. Т. 7. № 4. С. 57–92.
7. Ефремов И.А. Современные миграционные процессы на Крайнем Севере России // Регионология. 2016. № 4 (97). С. 140–159.
8. Sassen S. Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy, Cambridge, MA: Belknap Press, 2014.
9. Burawoy M., Krotov P., Lytkina T. Involution and Destitution in Capitalist Russia // Ethnography. 2000. Vol. 1 (1). Pp. 43–65. DOI: 10.1177/14661380022230633
10. Ярошенко С.С. Бедность в постсоциалистической России. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2005.
11. Лыткина Т.С. Экономическое поведение «новых бедных» в условиях социальной трансформации / Дисс. ... канд. социол. наук. М., 2005.
12. Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю. Арктическое предпринимательство: условия и возможности развития // Арктика: экология и экономика. 2016. № 4 (24). С. 4–15.
13. Dörre K. Social Classes in the Process of Capitalist Landnahme. On the Relevance of Secondary Exploitation // Socialist Studies / Études socialistes. 2010. Vol. 6 (2). Pp. 43–74. DOI: 10.18740/S4G880
14. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Демографические и миграционные процессы на Российском Севере: 1980–2000 гг. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016.
15. Burawoy M., Krotov P., Lytkina T. Domestic Involution: How Women Organize Survival in a North Russian City / Russia in the New Century: Stability or Disorder? Boulder Co.: Westview Press. 2000. Pp. 231–257. DOI: 10.4324/9780429497513
16. Burawoy M. The Roots of Domination: Beyond Bourdieu and Gramsci // Sociology. 2012. Vol. 46. No. 2. Pp. 187–206.
17. Коротаев В.И. Русский Север в конце XIX — первой трети XX века. Проблемы модернизации и социальной экологии. Архангельск: Изд-во Поморского гос. университета, 1998.
18. Каменев А.А. У поморов Сумского посада // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. № 17. С. 12–16.

19. Лыткина Т.С., Фаузер В.В. Государственное управление принудительной миграцией как способ освоения Севера России в 1930–1950-е гг. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. № 1. С. 90–109.
20. Burawoy M. The State and Economic Involution: Russia Through a China Lens // World development. 1996. Vol. 24. No 6. Pp. 1105–1117.
21. Ladanyi J., Szelenyi I. Patterns of exclusion: Constructing Gypsy ethnicity and the making of the underclass in transitional societies in Europe. NY: East European monographs. Boulder Co. 2006.
22. Рыбаковский Л.Л. Колонизация азиатской части России: особенности осуществления и геополитические последствия // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 38–47. DOI: 10.31857/S013216250000760-9
23. Walker R. Why Cities? A Response // International Journal of Urban and Regional Research. 2016. Vol. 40 (1). Pp. 164–180. DOI: 10.1111/1468-2427.12335
24. Кротов П.П. Симптомы «Голландской болезни», найдётся ли лекарство? Возможности экономической стабилизации ресурсного региона // Республика Коми: власть, бизнес, политика. Сыктывкар. 1998. С. 8–30.
25. Лыткина Т.С., Смирнов А.В. Российский Север в условиях глобальной неолиберальной политики: преодоление пространственного неравенства или вытеснение? // Мир России. 2019. Т. 28. № 3. С. 27–47. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-3-27-47
26. Эпов М.И. Нужен системный междисциплинарный подход к арктическим исследованиям // ЭКО. 2017. Том 47. № 9. С. 7–25. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2017-9-7-25
27. Битюкова В.Р. Экологический рейтинг городов России // Экология и промышленность России. 2015. Т. 19. № 3. С. 34–39.
28. Фаузер В.В., Лыткина Т.С. Миграционные процессы на российском Севере // Социальная политика и социология. 2017. Том 16. № 1 (120). С. 141–149. DOI: 10.17922/2071-3665-2017-16-1-141-149
29. Фаузер В.В. Демографический потенциал северных регионов России — фактор и условие экономического развития Арктики // Экономика региона. 2014. № 4. С. 69–81.
30. Лыткина Т.С. Социальный потенциал северного города: от игнорирования к признанию // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. № 3. С. 33–47.
31. Лыткина Т.С. Человек на Севере после распада СССР: от признания к игнорированию // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2014. № 3. С. 144–151.

References

1. Shherbakova E.M. Migratsiya v Rossii, itogi pervogo polugodiya 2018 goda [Migration in Russia, the results of the first half of 2018]. *Demoskop Weekly*, 2018, no. 783–784.
2. Rybakovskiy L.L. Migratsionniy potencial: kriterii otsenki i sovremennye masshtaby [Migration potential: assessment criteria and current dimensions]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2011, no. 4, pp. 24–34.
3. Mukomel' V.I. Integratsiya migrantov: vyzovy, politika, sotsial'nye praktiki [Migrant integration: challenges, politics, social practices]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 2011, vol. 30, no. 1, pp. 34–50.
4. Ryazantsev S.V. Integratsiya migrantov v kontekste vneshney migratsionnoy politiki Rossii [Integration of migrants in the context of Russia's foreign migration policy]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2018, no. 1, pp. 105–111. DOI: 10.7868/S0132162518010117
5. Lytkina T.S., Yaroshenko S.S. Vozmozhna li sotsiologiya dlya trudyashhikhsya klassov segodnya? [Is sociology for the working classes possible today?]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 2019, vol. 28, no. 1, pp. 101–123. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-101-123
6. Smirnov S., Garsiya-Iser M. Migratsiya s Krainego Severa: namereniya i vozmozhnosti marginal'nykh grupp naseleniya [Migration from the Far North: intentions and opportunities of marginalized groups]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 1998, vol. 7, no. 4, pp. 57–92.
7. Efremov I.A. Sovremennye migratsionnye protsessy na Krainem Severe Rossii [Modern migration processes in the Far North of Russia]. *Regionologiya* [Russian Journal of Regional Studies = REGIONOLOGY], 2016, no. 4 (97), pp. 140–159.

8. Sassen S. *Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy*. Cambridge, MA: Belknap Press, 2014.
9. Burawoy M., Krotov P., Lytkina T. Involution and Destitution in Capitalist Russia. *Ethnography*, 2000, vol. 1 (1), pp. 43–65. DOI: 10.1177/14661380022230633
10. Yaroshenko S.S. *Bednost' v postsotsialisticheskoy Rossii* [Poverty in Post-Socialist Russia]. Syktyvkar: Komi NC UrO RAS Publ., 2005. (In Russ.)
11. Lytkina T.S. *Ekonomicheskoe povedenie «novykh bednykh» v usloviakh sotsial'noj transformatsii* [The economic behavior of the “new poor” in the context of social transformation]. Diss. ... kand. sociol. nauk [Dis. ... cand. sociol. of sciences]. Moscow, 2005.
12. Pilyasov A.N., Zamyatina N.Yu. Arkticheskoe predprinimatel'stvo: usloviya i vozmozhnosti razvitiya [Arctic entrepreneurship: the conditions and opportunities for development]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: Ecology and Economy], 2016, no. 4 (24), pp. 4–15.
13. Dörre K. Social Classes in the Process of Capitalist Landnahme. On the Relevance of Secondary Exploitation, *Socialist Studies / Études socialistes*, 2010, vol. 6 (2), pp. 43–74. DOI: 10.18740/S4G880
14. Fauzer V.V., Lytkina T.S., Fauzer G.N. *Demograficheskie i migratsionnye processy na Rossiyskom Severe: 1980–2000 gg.* [Demographic and migration processes in the Russian North: 1980–2000]. Syktyvkar, SGU named after Pitirim Sorokin Publ., 2016. (In Russ.)
15. Burawoy M., Krotov P., Lytkina T. *Domestic Involution: How Women Organize Survival in a North Russian City, Russia in the New Century: Stability or Disorder?* Boulder Co., Westview Press Publ., 2000, pp. 231–257. DOI: 10.4324/9780429497513
16. Burawoy M. The Roots of Domination: Beyond Bourdieu and Gramsci. *Sociology*, 2012, vol. 46, no. 2, pp. 187–206.
17. Korotaev V.I. *Russkiy Sever v kontse XIX — pervoy treti XX veka. Problemy modernizatsii i sotsial'noj ekologii* [Russian North at the end of the XIX — the first third of the XX century. Problems of modernization and social ecology]. Arhangel'sk, PSU named after M.V. Lomonosov, 1998. (In Russ.)
18. Kamenev A.A. U pomorov Sumskogo posada [At the Pomors of Sumy Posad]. *Izvestiya Arhangel'skogo obshchestva izuchenija Russkogo Severa*, 1910, no. 17, pp. 12–16.
19. Lytkina T.S., Fauzer V.V. Gosudarstvennoe upravlenie prinuditel'noy migratsiei kak sposob osvoeniya Severa Rossii v 1930–1950-e gg. [Forced Migration as a Way of Russian North Development in the 1930s–1950s]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2016, no. 1, pp. 90–109.
20. Burawoy M. The State and Economic Involution: Russia Through a China Lens. *World development*, 1996, vol. 24, no 6, pp. 1105–1117.
21. Ladanyi J., Szelenyi I. *Patterns of exclusion: Constructing Gypsy ethnicity and the making of the underclass in transitional societies in Europe*. NY: East European monographs, Boulder Co, 2006.
22. Rybakovskiy L.L. Kolonizatsiya aziatskoi chasti Rossii: osobennosti osushchestvleniya i geopoliticheskie posledstviya [Colonization of the Asian part of Russia: the features of implementation and geopolitical consequences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2018, no. 8, pp. 38–47. DOI: 10.31857/S013216250000760-9
23. Walker R. Why Cities? A Response. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2016, vol. 40 (1), pp. 164–180. DOI: 10.1111/1468-2427.12335
24. Krotov P.P. Simptomy «Gollandskoy bolezni», naidetsya li lekarstvo? Vozmozhnosti ekonomicheskoy stabilizatsii resursnogo regiona [Symptoms of the Dutch disease, is there a cure? Opportunities for economic stabilization of the resource region]. *Respublika Komi: vlast', biznes, politika* [Komi Republic: power, business, politics], Syktyvkar, 1998, pp. 8–30.
25. Lytkina T.S., Smirnov A.V. Rossiyskiy Sever v usloviyah global'noyneoliberal'noy politiki: preodolenie prostranstvennogo neravenstva ili vytesnenie? [The Russian North in the Context of Global Neoliberal Politics: Overcoming Spatial Inequality or Expulsion]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 2019, vol. 28, no. 3, pp. 27–47. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-3-27-47
26. Epov M.I. Nuzhen sistemnyy mezhdistsiplinarnyy podkhod k arkticheskim issledovaniyam [We Need a Systematic Multidisciplinary Approach to Arctic Research]. *EKO [ECO]*, 2017, vol. 47, no. 9, pp. 7–25. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2017-9-7-25
27. Bitukova V.R. Ekologicheskiy reiting gorodov Rossii [Environmental Rating of Cities of Russia]. *Ekologiya i promyshlennost' Rossii* [Ecology and Industry of Russia], 2015, vol. 19, no. 3, pp. 34–39.

28. Fauzer V.V., Lytkina T.S. Migratsionnye processy na rossiyskom Severe [Migration Processes in the Russian North]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya* [Social policy and sociology], 2017, vol. 16, no. 1 (120), pp. 141–149. DOI: 10.17922/2071-3665-2017-16-1-141-149
29. Fauzer V.V. Demograficheskiy potentsial severnykh regionov Rossii – faktor i uslovie ekonomicheskogo razvitiya Arktiki [The demographic potential of the northern regions of Russia – a factor and condition for the economic development of the Arctic]. *Ekonomika regiona* [Economy of region], 2014, no. 4, pp. 69–81.
30. Lytkina T.S. Sotsialniy potentsial severnogo goroda: ot ignorirovaniya k priznaniyu [The Social Potential of the Northern City: from Ignorance to Recognition]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2014, no. 3, pp. 33–47.
31. Lytkina T.S. Chelovek na Severe posle raspada SSSR: ot priznaniya k ignorirovaniyu [Man in the North after disintegration of the USSR: from recognition to ignoring]. *Izvestiya Komi NC UrO RAN* [Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences], 2014, no. 3, pp. 144–151.

УДК 316.334.52(470.21)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.118

Особенности локальной идентичности жителей моногородов (на примере Мурманской области) *

© **НЕДОСЕКА Елена Владимировна**, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник

E-mail: nedelena-24@yandex.ru

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

© **ЖИГУНОВА Галина Владимировна**, доктор социологических наук, доцент, профессор

E-mail: galina-zhigunova@yandex.ru

Мурманский арктический государственный университет, Мурманск, Россия

Аннотация. В статье представлен анализ локальной идентичности жителей моногородов в условиях Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) на примере Мурманской области, имеющей в своём составе половину моногородов Арктической зоны. Авторы, понимая локальную идентичность как часть территориальной идентичности, представляют её символическим пространством для создания и укрепления чувства территориальной принадлежности. При этом положительная идентификация населения с территорией проживания, по мнению авторов, способствует построению эффективной системы регионального взаимодействия и является одним из важнейших факторов устойчивого развития территорий. По результатам эмпирического исследования были получены позитивные и негативные факторы её проявления у жителей моногородов обследуемого региона (методы анкетирования (n=428), глубинного интервью (n=12)), определены оценка связи с местом проживания и социально-экономического положения жителей, степень привлекательности городов и миграционные установки населения. Авторы показывают, что социально-экономический образ региона в сознании его жителей складывается во взаимосвязи с проявлением их укоренённости. Отличительным свойством локальной идентичности жителей моногородов Мурманской области является материальный фактор, который определяет уровень выраженности связи с местом проживания, а повышение благосостояния прямо пропорционально росту идентификации с городом, что имеет стратегическое значение для выстраивания региональной политики в моногородах.

Ключевые слова: локальная идентичность, территориальная идентичность, моногород, Арктическая зона Российской Федерации, Мурманская область.

Features of local identity of single-industry town residents (the case of the Murmansk Oblast)

© **Elena V. NEDOSEKA**, Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Senior Researcher

E-mail: nedelena-24@yandex.ru

Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

© **Galina V. ZHIGUNOVA**, Doc. Sci. (Soc.), Professor

E-mail: galina-zhigunova@yandex.ru

Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia

Abstract. The article presents an analysis of the local identity of single-industry town residents in the Arctic zone of the Russian Federation (AZRF) in the case of the Murmansk Oblast, which has half the single-

* Для цитирования:

Недосека Е.В., Жигунова Г.В. Особенности локальной идентичности жителей моногородов (на примере Мурманской области) // Арктика и Север. 2019. № 37. С. 118–133. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.118

For citation:

Nedoseka E.V., Zhigunova G.V. Features of local identity of single-industry town residents (the case of the Murmansk Oblast). *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 37, pp. 118–133. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.118

industry towns of the Arctic zone. Considering local identity as a part of territorial identity, the authors present it as a symbolic space for creating and strengthening the sense of territorial identity. At the same time, according to the authors, the people's identification related to the area of residence contributes to the construction of an effective system of regional interaction. It is one of the critical factors for the sustainable development of territories. According to the results of the study, positive and negative factors of identity manifestation were obtained from the residents of single-industry towns of the surveyed area (questionnaire (n=428), in-depth interviews (n=12)); the assessment of connection with the place of residence and socio-economic status of residents, the degree of attractiveness of cities and migration attitudes of the population were determined. The authors argue that the socio-economic image of the area in the minds of its residents is developing along with the manifestation of their rootedness. A distinctive feature of the local identity of single-industry town residents in the Murmansk Oblast is well-being. It determines the visibility of communication with the place of residence. The increase in prosperity is proportional to the growth of identification with the town, and it is of strategic importance for building regional policies in single-industry towns.

Keywords: *local identity, territorial identity, single-industry town, the Arctic zone of the Russian Federation, the Murmansk Oblast.*

Введение

Социокультурное пространство современной России представляет собой региональное многообразие, которое обусловлено как историческими, так и геополитическими и социально-экономическими изменениями, происходящими с 1990-х гг. по настоящее время.

Региональная дифференциация для нашей страны имеет глубокие объективные основания. Во-первых, территория Российской Федерации расположена в девяти часовых поясах, практически во всех природно-климатических зонах, с уникальным природно-сырьевым потенциалом, населённая множеством этносов, с разнообразной конфигурацией поселенческих структур. Во-вторых, наша страна объединяет множество региональных сообществ, жизнедеятельность которых протекает в особых условиях.

Территориальный принцип структурирования социального пространства порождает необходимость постоянного уточнения роли конкретного региона и локальной территории в системе внешне-, внутри- и межрегиональных взаимодействий. Это требует определения направлений развития того или иного региона, выявления и обеспечения защиты социально-экономических интересов регионального сообщества и формирования позитивного образа территорий. Как отмечает К. Топку, сегодня трудно сохранить и укрепить локальный характер малых городов (территорий) в глобализирующемся мире [1, Торсу К., с. 371].

Успешное решение указанных задач во многом определяется особенностями формирования и содержания локальной идентичности. Положительная идентификация жителей с территорией проживания может благоприятствовать построению эффективной системы регионального взаимодействия, консолидации регионального сообщества и являться одним из весомых факторов устойчивого и поступательного развития территорий.

В современных российских реалиях диспропорции в социально-экономическом развитии и управленческом влиянии в регионах приводят к серьёзным системным сдвигам, породившим взаимоотношения между центром и регионами по принципу «центр — периферия», где основной характеристикой является удалённость периферии, сопряжённая с отста-

лостью и стагнацией. Немаловажным фактом остаётся создаваемая национальными и региональными проектами конкуренция внутри регионов между муниципальными образованияами, которые вынуждены бороться между собой за получение ресурсов из бюджетов более высокого уровня [2, Морозова Е.В., Улько Е.В., с. 139].

Эти обстоятельства сформировали вызов для государственной политики России и требуют поиска механизмов её формирования и последующей реализации. Актуальность вопросов развития регионов находит подтверждение в программных документах российского государства, в частности, в предложении Президента РФ В.В. Путина развернуть масштабную программу пространственного развития России, включая развитие городов и других населённых пунктов, и как минимум удвоить расходы на эти цели в предстоящие шесть лет ¹.

Одним из главных вызовов социальной и политической стабильности нашей страны является обеспечение развития моногородов. Важным документом по развитию моногородов в этой связи является «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» ², где развитие моногородов показано как одно из направлений пространственного развития нашей страны.

Локальная идентичность как социальный феномен

Ключевой исследовательский вопрос, определивший проблематику данной работы, заключается в исследовании особенностей локальной идентичности населения моногородов.

Обращаясь к понятию «идентичность», нужно иметь в виду амбивалентный характер данного явления, обозначенный ещё Э. Эриксоном, рассматривающий идентичность с одной стороны как статичное явление, а с другой — как динамичное. Исходя из амбивалентности понятия, мы будем рассматривать локальную идентичность с позиций конструктивистского подхода. В данной парадигме идентичность — это размещение в «жизненном мире», и поэтому она может быть усвоена лишь вместе с социальным миром. Но этот мир должен быть понятен индивиду и, по возможности, наглядно представлен в существующих образах повседневного порядка. Иначе говоря, мир никогда не является целиком закрытым и детерминированным — он всегда открыт для новых интерпретаций и преобразований. Другими словами, идентичность — это нечто такое, что может выбираться, может быть сконструировано и это то, чем можно манипулировать [3, Головнёва Е.В., с. 43].

Локальная идентичность является одной из составляющих территориальной идентичности, которая, мнению Н.А. Шматко и Ю.Л. Качанова, означает переживаемые и / или осознаваемые смыслы системы территориальных общностей (субъективной социально-

¹ Послание Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/ (дата обращения: 22.06.2019).

² Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года / утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 г. № 207-р // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/006fb940f95ef67a1a3fa7973b5a39f78dac5681/ (дата обращения: 22.06.2019).

географической реальности), формирующие практическое чувство или сознание территориальной принадлежности индивида [4, Шматко Н.А., Качанов Ю.Л.]. Соответственно, локальная идентичность означает идентификацию человека с местным сообществом, чувство сопричастности по отношению к событиям и ситуациям, происходящим на территории непосредственного проживания (города, района, посёлка, микрорайона) [2, Морозова Е.В., Улько Е.В., с. 140]. В этом смысле территория выступает в качестве символического пространства для создания и укрепления идентичности.

В понимании локальной идентичности важно учитывать понятие групповой идентичности. Групповая идентичность основана на идее, что люди признают себя частью группы, и их благополучие и статус связаны с этой группой [5, Wilcox-Archuleta В., с. 961]. Привязанность к локальному сообществу, включая территориальное, показывает и представления индивидов об успешности и удовлетворённости жизнедеятельностью в конкретных условиях.

В процессе исследования локальной идентичности важно выделить чёткие идентификационные границы определённой местности какого-либо региона.

В этой связи особый интерес представляет идентичность моногородов, входящих в Арктическую зону Российской Федерации (АЗРФ). Моногорода АЗРФ обладают так называемой спецификой «северности», связанной с их расположением в районах с экстремальными климатическими и природными условиями, что, как отмечают Е.Е. Плисецкий и Е.А. Малицкая, накладывает отпечаток на характер и направления их развития, функционирования ключевых систем жизнеобеспечения [6, с. 86].

Среди областей Арктической зоны наиболее показательна, по нашему мнению, Мурманская область, включающая в себя половину всех моногородов. Особенно интересен этот регион в связи с причислением его к опорным территориям Арктической зоны РФ, что определено «Стратегией развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2030 года» и Государственной программой «Социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации на период до 2025 года». Также «Стратегия пространственного развития Российской Федерации в период до 2025 года» обозначает экономическую специализацию региона в отраслях, которые профильно завязаны на моногородах, например, добыча полезных ископаемых, металлургическое и химическое производства.

К моногородам Мурманской области относятся следующие административно-территориальные образования: города Заполярный, Кировск, Мончегорск, Оленегорск, Никель, Ковдор и городское поселение Ревда. Согласно данным официальной статистики, на 1 января 2019 г. в обозначенных населённых пунктах общая численность городского населения составила 138,8 тыс. человек, что составляет 18,6% от общего числа жителей области и 20,1% от городского населения региона³.

³ Численность населения по муниципальным образованиям Мурманской области на 1 января 2019 года и в среднем за 2018 год // Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федераль-

Несмотря на природно-климатическую, ресурсную специфику, стратегическое значение Мурманской области (регион-форпост, регион-фронт), область находится в сложном социально-экономическом положении, что в значительной степени сказывается на образе региона и идентификации с ним жителей.

Как отмечают Е.Г. Анимица и коллектив авторов, моногорода региона не в состоянии полностью удовлетворить комплекс социальных, культурных и образовательных потребностей населения, поэтому проблема роста уровня их социально-культурной самодостаточности остаётся достаточно острой [7, с. 16]. Учитывая данную точку зрения и сложное социально-экономическое положение Мурманской области, представляется, что жители моногородов региона оказываются в ещё более сложном положении, где кризис локальной идентичности усугубляется монофункциональной структурой города с соответствующей низкой диверсификацией сфер занятости населения (однородный профессиональный состав), высоким уровнем безработицы, однообразной культурной жизнью.

Факторы формирования локальных идентичностей моногородов АЗРФ

С нашей точки зрения, локальные идентичности моногородов обусловлены целым рядом факторов, которые позволяют более рельефно взглянуть и на проблему региональной идентичности в целом.

Во-первых, являясь продуктом советской системы административно-территориального деления, моногорода оказались в более сложном социально-экономическом положении после распада Советского Союза. Происходившие трансформации геополитического и социально-экономического характера, запустившие негативные процессы в социальной сфере моногородов, привели к интенсивному оттоку и маргинализации населения в большей степени, чем это прослеживалось в больших городах. А отсутствие ресурсов и реальных рычагов воздействия на кризисные явления привели территории к депрессивным состояниям. Поэтому негативные характеристики локальной идентичности будут прослеживаться здесь более рельефно.

Во-вторых, будучи наследством от Советской системы административно-территориальной организации, с её политикой распределения и социальными гарантиями, жители моногородов больше всего транслируют ностальгию по советскому прошлому. К жизни в новых капиталистических реалиях, требующих большей индивидуальной ответственности и активности, население оказалось не готовым. Данное обстоятельство особо культивируется представителями той возрастной группы, которая застала жизнь (либо детство, либо трудовую деятельность) в советских реалиях, и именно эта группа начинает всё больше преобладать в возрастной структуре моногородов, в основном из-за оттока молодёжи по причине низкой привлекательности жизни в них.

В-третьих, производственная привязка к ограниченному числу предприятий остаётся для моногородов основой экономической жизни. Это обстоятельство особым образом сказывается на структуре локальной идентичности, где определённое место занимает корпоративная идентичность. Большая часть трудоспособного населения моногородов продолжает быть занятой на градообразующих предприятиях, которые, будучи незаинтересованными в текучке кадров, стараются удерживать их в пределах региона. В 1990-е гг. основные промышленные предприятия были приобретены крупнейшими российскими бизнес-структурами, например, на территории обозначенных моногородов Мурманской области функционируют такие крупнейшие корпорации, как ПАО «ГМК Норильский Никель», АО «МХК ЕвроХим», ПАО «Северсталь», ПАО «ФосАгро», АО «РусАл Урал» и другие. Центры принятия решений и прибыли компаний находятся за пределами региона.

Исследователь региона Измоденова Н.Н. отмечает, что «экспортно-ресурсная ориентация экономики порождает зависимость от колебаний цен на мировом рынке сырья. При ухудшении конъюнктуры крупные компании, как правило, снижают объёмы производства, занижают цены на продукцию производственных подразделений в регионах добычи. Таким образом, прибыль концентрируется в центральных управленческих структурах, и затем средства перераспределяются на те направления, которые приоритетны для бизнес-групп. Возникает конфликт интересов компаний и региона их базирования, недополучающего налоги.

Пришедшим в область компаниям интересны эффективность и прибыль, а не социум, не люди с их потребностями. Население рассматривается как эффективная или неэффективная рабочая сила» [8, Измоденова Н.Н., с. 53]. И в этом смысле локальная идентичность наполняется качественными характеристиками дополнительного содержания. Градообразующие предприятия с их корпоративной культурой являются значительным агентом влияния на локальную идентичность в поселениях данного типа, где особый образ жизни (связанный с повседневной коммуникацией и непосредственным взаимодействием горожан и их групп по самым различным поводам) воспроизводит особую ментальность. Здесь формируются солидарные группы со своими лидерами и авторитетами, у которых складываются формальные и неформальные отношения с управленческими структурами предприятий, зона влияния которых зачастую распространяется далеко за пределы организаций. Немаловажную роль играет и характер профессиональной деятельности большинства трудоспособного населения, так, имея узкую специализацию профильного рабочего (например, горнорабочего), возможности для диверсификации трудовой деятельности по специальности за пределами региона сведены к нулю, если только речь не идёт о территориях с похожей отраслевой принадлежностью. Но и здесь включается ряд обстоятельств, которые скорее являются факторами удержания и укоренения: полярные надбавки, длительный отпуск, северная пенсия, социальные пакеты самих корпораций. Так, средняя заработная плата по состоянию на апрель 2019 г. в таких отраслях, как добыча полезных ископаемых, составила

88 516,0 руб., в металлургическом производстве 75 509,0 руб., притом что средняя заработная плата в целом по региону составляет 58 227,0 руб.⁴

В-четвёртых, немаловажным обстоятельством, качественно наполняющим локальные идентичности в моногородах, в том числе Мурманской области, являются последствия деятельности градообразующих предприятий, которые негативно сказываются на экологии территориальных образований. Данное обстоятельство рассматривается как отягощающее и вносит в образ мест проживания отрицательные характеристики.

Результаты исследования И. Роциной и Н. Артюховой показывают, что большинство исследованных ими моногородов (9 из 11) имеет очень низкий индекс счастья. Кроме того, большинство жителей моногородов не удовлетворено состоянием окружающей среды, тенденциями развития муниципального образования, безопасностью жизнедеятельности и материального благосостояния [9, с. 44–45].

Важно отметить, что моногорода представляют собой микросоциумы региона, наполненные ограниченным числом идентификационных маркеров. Данное обстоятельство требует пристального исследовательского внимания, прежде всего, с точки зрения понимания процессов, протекающих в регионе в структуре по городам.

Немаловажным для обоснования локальной идентичности является исторический контекст становления моногородов региона, население которых формировалось за счёт миграций первой половины XX в. Интенсивное освоение территории Кольского Севера шло в том числе благодаря разработке новых месторождений и строительству горно-обогатительных предприятий. Социально-демографический состав приезжих был очень разноплановым, сюда приезжали со всех регионов Советского Союза как добровольно, так и принудительно. Начиная с 30-х гг. XX в. жители территорий приобрели преимущества в виде дополнительных материальных преференций за проживание в условиях Крайнего Севера, это были полярные надбавки, длительный отпуск, северная пенсия и прочее. Этнический состав моногородов Мурманской области разнообразный, коренного населения в них практически нет, саамов и коренных жителей около 2 тысяч на всю Мурманскую область.

На сегодняшний день Мурманская область является высокоурбанизированным регионом (92% городского населения) с высоким уровнем образования населения.

Возвращаясь к моногородам, необходимо отметить, что по степени влияния кризиса эксперты предлагают следующую классификацию:

- 5% моногородов — территории с высокой степенью проявления кризисной ситуации, и требуется срочное принятие мер на федеральном уровне. В Мурманской области к данным территориям относятся пгт Ревда и г. Кировск;
- 15% находятся в зоне повышенной степени риска — главную роль в решении проблем моногородов должны играть субъекты Российской Федерации. В Мурман-

⁴ Данные о среднемесячной номинальной начисленной заработной плате работников организаций по видам экономической деятельности // Социально-экономическое положение Мурманской области в январе – мае 2019 года: доклад / Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. Мурманск, 2019. С. 43–44.

ской области в обозначенной зоне остаются Мончегорск, Ковдор, Никель, Заполярный, Оленегорск;

- 80% требуют регулярного мониторинга социально-экономического состояния на региональном и федеральном уровнях и разработки программ развития моногородов на средне- и долгосрочную перспективу. В Мурманской области монопрофильных образований обозначенного типа нет.

На протяжении последних десятилетий моногорода Мурманской области испытывают серьёзную демографическую нагрузку, одной из причин которой является интенсивный отток населения (рис. 1).

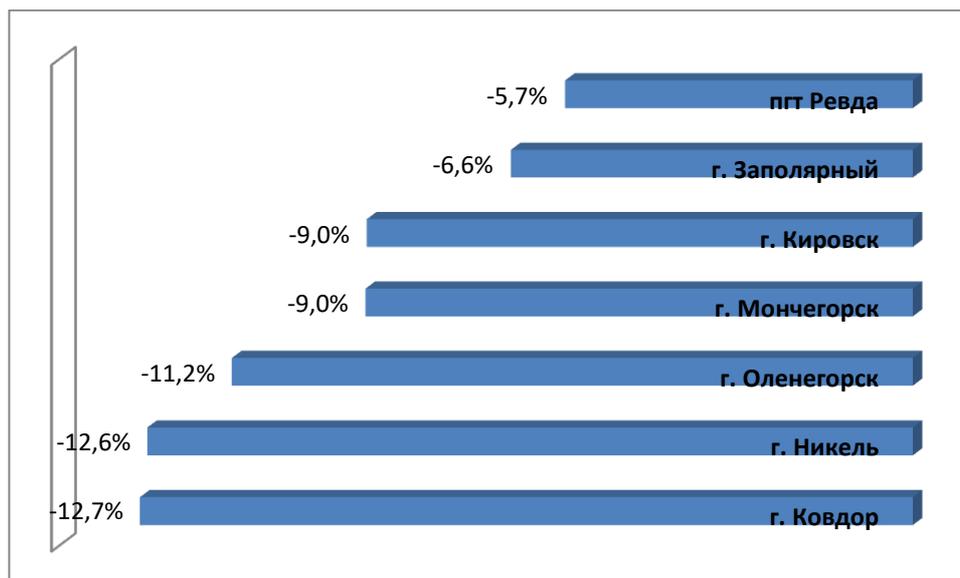

Рис. 1. Динамика падения численности населения в моногородах Мурманской области в период с 2010 по 2019 гг.⁵

Данное обстоятельство признаётся негативным фактором социально-экономического развития области, и на различных уровнях власти предлагаются различные меры по повышению уровня жизни и привлекательности территорий (от федеральных — «Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечение национальной безопасности в период до 2030 года», Государственная программа «Социально-экономического развития Арктической Зоны Российской Федерации»; до региональных — «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», программа «Социально-экономического развития Мурманской области до 2020 и на период до 2025 года», Программы комплексного развития моногородов Мурманской области, создание территорий опережающего социально-экономического развития и пр.). Несмотря на ряд провозглашённых государственных мер, направленных на удержание населения и повышение качества жизни территорий, миграционное сальдо и привлекательность территорий продолжают иметь отрицательное значение.

⁵ Численность населения на начало года // Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. URL: http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 17.06.2019).

Исследование локальных идентичностей жителей моногородов Мурманской области

С целью выявления локальных идентичностей жителей моногородов Мурманской области авторами в период с 2016 по 2019 гг. было проведено социологическое исследование. Эмпирической базой исследования послужили данные социологических опросов, собранные посредством электронного анкетирования ($n=428$) и глубинных интервью с жителями моногородов ($n=12$). Опросы проводились по следующим моногородам Мурманской области: Мончегорск, Оленегорск, Заполярный, Ковдор, Кировск. Возраст опрошенных от 14 до 75 лет.

Анализ локальной идентичности производился через такие показатели, как образ города (оценка связи с местом проживания, степень привлекательности города, оценка социально-экономического положения) и миграционные установки.

Оценка связи с местом проживания. При изучении привязанности к месту проживания предлагалось выделить несколько уровней идентификации: локальный (город / посёлок), субрегиональный (Мурманская область) и макрорегиональный (Север). Наиболее сильную привязанность, соответствующую пяти баллам, респонденты испытывают с Россией — такую позицию указала почти половина опрошенных (49,6%). Далее следует привязанность к своему городу / посёлку — она отмечается у 35,4% респондентов. Четверть опрошенных указала связь в пять баллов с Севером (26,4%), каждый пятый — с Мурманской областью (20,1%). При суммировании положительных оценок в зоне 4–5 баллов и отрицательных 1-ого и 2-х баллов оценки распределяются следующим образом: наиболее сильную связь жители моногородов ощущают с Россией (70,4%) и со своим городом / посёлком (64,2%) и только 15,7% и 14,9% соответственно дают низкие оценки привязанности по этим показателям. Высокую привязанность к Мурманской области испытывают 52,0% респондентов, к Северу — 50,4%. При этом каждый четвёртый (26,4%) житель отмечает, что практически не испытывает привязанности к Северу и каждый пятый (21,0%) — к Мурманской области. Анализ средних значений баллов отражает описанную ситуацию, где с наибольшей силой проявляется гражданская и локальная региональная идентичности (4,0 и 3,8 балла соответственно), с меньшей — субрегиональная и макрорегиональная (по 3,4 балла).

Статистическое подтверждение получила зависимость от места рождения, привязанность к Мурманской области и России: те, кто родился в изучаемом регионе, относительно более привязаны к Мурманской области. Напротив, те, кто родился в другом регионе, имеют ярко выраженную гражданскую идентичность, отмечая большую привязанность к стране проживания в целом. Возраст переезда также по-разному влияет на проявления привязанности респондентов к месту проживания. Так, к своему городу (посёлку) испытывают большую привязанность приехавшие в детском возрасте (до 10 лет) — 3,9 балла, чем те, кто переехал в 20–29 лет — 2,8 балла. Стоит также отметить статистические различия по t — критерию в привязанности к Северу: в группе переехавших в детском возрасте (до 10 лет) — составляет 3,6 балла, а в старших возрастных группах респондентов (после 20 лет) — по 2,7

балла. По отношению к Мурманской области статистические различия в оценке привязанности младших (до 9 лет и 10–19 лет) и старших (20–29 лет и после 30 лет) возрастных групп: первые сравнительно более привязаны к региону. Связь с Россией как проявление гражданской идентичности не зависит от возраста переезда в Мурманскую область.

Степень привлекательности жизни в моногороде. В целом города проживания в значительной мере привлекательны лишь для 29,8%, т.е. менее чем для трети опрошенных. Каждый четвёртый респондент (26,8%), напротив, достаточно низко оценивает привлекательность жизни в моногороде. Почти половина опрошенных (43,4%) указали, что есть черты, привлекательные для проживания, и те факторы, которые делают место проживания непривлекательным.

С целью определения таких черт были заданы открытые вопросы, где предлагалось указать, в чём респонденты видят привлекательность жизни в городе и что для них непривлекательно. Данные вопросы явились попыткой вскрыть содержательную составляющую, являющуюся достаточно абстрактным понятием, трудно поддающимся непосредственному эмпирическому измерению. Основу привлекательности жизни в моногородах формируют такие черты, как: «северная природа, климат»; «уровень жизни», «люди, менталитет». В то же время первые две характеристики лидируют в рейтинге непривлекательных черт территорий проживания. Так, среди проблем жизни в регионе преобладают: «северная природа, климат», «экология», «здоровье», «уровень жизни», «развитие, перспективность», а также «инфраструктура, дороги».

На наш взгляд, особенности северной природы и климата и параметры уровня жизни образуют ядро и локальной, и региональной идентичности населения Мурманской области. Причём обе эти характеристики амбивалентно сочетаются в самосознании жителей. С одной стороны, холодное лето, суровая зима, полярная ночь являются факторами риска, ухудшающими здоровье жителей региона, и зачастую оцениваются как непривлекательные черты. С другой стороны, красота северной природы, северное сияние, полярный день составляют экзотическую среду обитания и положительно воспринимаются респондентами. Оценка параметров уровня жизни во многом определяется личностными потребностями и амбициями: если для одних наличие северных и полярных надбавок представляет особое преимущество жизни в регионе, то для других — это явно недостаточная «плата» за жизнь в суровых условиях вечной мерзлоты.

Сравнительный анализ позволяет увидеть, что природно-климатические условия в большей степени характеризуют негативный тип локальной идентичности (65,4 против 47,7%), а уровень жизни в сознании молодых людей имеет относительно более высокие показатели, чем в других регионах, и составляет основу позитивной идентичности (23,2 против 12,6%). Особая ментальность северных людей (спокойствие, доброжелательность, порядочность и т.д.) характеризует положительный вектор самосознания респондентов (11,7 против 2,3%). Экологическая ситуация и условия для поддержания здоровья, напротив, в большин-

стве своём отрицательно воспринимаются опрошенными (14,0 против 2,9%). Такая черта, как развитие и перспективность региона, также достаточно ярко выражена в структуре позитивной и негативной локальной идентичности северян (8,0 и 11,5% соответственно). Интересным является тот факт, что респонденты молодого возраста более критично оценивают данный параметр, указывая: «нечего ловить», «здесь нет перспектив для самореализации», «развитие региона находится на очень низком уровне».

Положительные оценки развития и перспектив региона в основном связывались респондентами с наличием природных ресурсов, незамерзающего порта, приграничного статуса (близость к Скандинавии), молодостью самого региона.

Далее респондентам предлагалось определить, в чём именно они видят перспективы развития своих территорий. В качестве самого популярного направления развития своих поселений респонденты указали промышленную деятельность и освоение природных ресурсов Арктики (42,9%): развитие заводов, разработка полезных ископаемых, развитие горно-металлургической промышленности, развитие энергетики и прочее. Почти столько же опрошенных (42,1%) видят перспективы развития в туристической отрасли, сфере досуга, спорта, культуры и творчества. Каждый пятый опрошенный указывал на важность развития инфраструктуры, транспорта, строительства, дорог, сферы услуг (19,7%). В эту категорию были включены те ответы, которые отражали необходимость развития и модернизации городской среды (развитие учреждений и материальной базы сфер образования, медицины, культуры и спорта, досуга; дорожные работы и так далее).

Оценка социально-экономического потенциала территорий проживания. По результатам анализа данного показателя было выявлено, что он дифференцируется в различных социально-демографических группах. Так, сравнительно более критично настроены представители средней возрастной группы (от 30 до 49 лет), жители со средним специальным образованием, а также высоко- и низкообеспеченные слои. Напротив, высокие оценки сравнительно чаще демонстрируют жители моногородов с высшим образованием или без профессионального образования (среди последних преимущественно молодёжь), представители среднего слоя по уровню материального благополучия. Интересно, что приезжие респонденты относительно более поляризованы в оценке социально-экономического положения региона, чем родившиеся в Мурманской области. Значение индекса во многом зависит от времени переезда: приезжие в зрелом возрасте более критично настроены, чем те, кто приехал в раннем детстве.

Социально-экономический образ региона в сознании его жителей складывается во взаимосвязи с проявлениями их укоренённости. Так, низкие значения индекса коррелируют с проблематичным отношением к природным явлениям Севера (чаще отмечаются трудности адаптации и восприятия), с меньшей вовлечённостью в региональные практики и виды отдыха, с большей ориентацией на эмиграцию, с низкой привлекательностью региона для

жизни и отсутствием идентификации с местом проживания в качестве «малой родины» в целом.

Миграционные установки. Прежде чем перейти к анализу миграционных установок жителей моногорода, остановимся на данных Федеральной службы государственной статистики по миграционной ситуации в регионе в целом. По результатам 2017 г., количество выбывших из Мурманской области составило 43,4 тыс. человек, за последние пять лет ситуация с выбытием остаётся достаточно устойчивой в количественном отношении +/- 1,5% (в 2013 г. выбывшие составили 43,5 тыс. человек)⁶. При этом основной отток населения приходится на городские поселения. Относительно территориальных направлений выбывших можно констатировать преобладание внутрироссийской миграции, в 2017 г. по регионам РФ разъехались 91,0% жителей Мурманской области, в 2013 — 95,4%⁷.

Данные статистики также свидетельствуют о превалировании в числе выбывших из региона экономически активных граждан. В общем числе мигрантов более 65% составляют граждане трудоспособного возраста (большую долю прибывших составляют граждане 20–24 лет, выбывших — 30–39 лет). Отток молодёжи как социально-экономического потенциала региона является усугубляющим фактом миграционной ситуации в Мурманской области.

По результатам анализа опроса жителей моногородов, большинство респондентов (52,7%) планирует свой отъезд. В том числе каждый десятый (11,2%) намерен покинуть место проживания в течение года, 27,6% опрошенных собираются уехать через 3–5 лет. Каждый пятый (20,9%), выразивший желание покинуть город, собирается сделать это через 6–10 лет. Меньшинство респондентов — (9,2%) откладывают переезд на 11–20 лет.

Среди основных причин доминируют проблемы социально-экономического характера: сокращение рабочих мест, низкая заработная плата, недостаточные условия для самореализации; на втором месте причины природно-климатического характера — суровые климатические условия, которые значительно сказываются на здоровье. Интересным являются результаты кластерного анализа, по результатам которого, была выявлена статистическая зависимость между оценочным уровнем благосостояния и удовлетворённостью жизнью в регионе. Так, люди с более высоким уровнем дохода демонстрируют высокую степень удовлетворённости жизни в регионе (19,8%).

⁶ Общие итоги миграции населения // Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. URL: http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 12.06.2019).

⁷ Распределение мигрантов по территориям прибытия и выбытия по Мурманской области за 2017 год // Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. URL: http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 12.06.2019).

Предпочтительными направлениями переезда обозначаются Санкт-Петербург (Ленинградская область), Москва (Московская область), южные регионы РФ (Краснодарский край, Белгородская область).

Дополнить анализ по вышеуказанным индикаторам необходимо результатами глубинных интервью.

Относительно образов городов ситуация по всем объектам исследования схожа. Так, в представлениях населения в образе доминирует «пролетарская идентичность» [10, Давыдов Д.А.]. Большинство населения ассоциирует свои города исключительно с деятельностью промышленных предприятий, предприятия остаются по-прежнему главным источником занятости. Зачастую местная политическая элита формируется из выходцев данных предприятий (все действующие главы администраций имели опыт руководящих позиций на промышленных предприятиях своих поседений). Данное обстоятельство накладывает определённый отпечаток в том числе и на политику позиционирования городов, затрудняя уход от мифа «городов трудовой славы». Эта проблема имеет ряд последствий, прежде всего, для молодёжи, у которой такой образ скорее вызывает отторжение, многим не нравится жизнь в бесперспективных провинциальных городах. Свою потенциальную занятость на предприятиях они оценивают крайне неуверенно: *«Рабочие места постоянно сокращаются, устроиться работать на предприятии фактически невозможно, если ты только не чей-нибудь сын», «Я не хочу работать на комбинате, хочу уехать учиться в Питер и там остаться, хочу работать в сфере IT».*

Само качество жизни в городе тоже не вызывает оптимизма: *«сходить некуда», «ловить нечего», «глушь, хочу заработать на жильё и уехать отсюда», «врачей не хватает, приходится анализы сдавать ездить в Мурманск, пока все сделают, они [анализы] уже не актуальны», «детям здесь будущего нет», «экология ужасная, комбинат нас травит, ничего не растёт».*

У информантов, занятых на градообразующих предприятиях, присутствует чёткая связь в образе города с корпоративной культурой самого предприятия, которая зачастую распространяется за пределы рабочего процесса. Примечательными оказались примеры влияния корпоративности на непроизводственные ситуации: *«Когда выборы были, мы все обязаны были отчитаться линейному руководителю о том, что сходил и проголосовал. У руководителя были списки, и он отмечал. И за кого проголосовать желательно тоже сказали. Я голосовала как посчитала нужным, отзвонилась начальнику, что ходила на участок и всё».* Ситуация с добровольно-принудительным посещением выборов прослеживалась в 5 моногородах из 7. На вопрос о том, что было бы, если бы человек не пошёл на выборы и не отчитался, ответы были схожими: что, в принципе, ничего, возможно, и не последовало бы, но никто не рискует проявлять неисполнительность. Страх остаться без работы в условиях постоянной оптимизации кадрового состава — ведущее чувство занятых на предприятиях. По этой же причине информантами во всех городах отмечается то, что за послед-

ние пять лет с трудовой дисциплиной на предприятиях вообще не возникает проблем. Также работники, занятые в градообразующем предприятии отмечают постоянный вклад в развитие социальной инфраструктуры их городов. Фактически во всех моногородах за счёт предприятий были построены плавательные бассейны и спортивные клубы. Неотъемлемость корпоративности в структуре локальной идентичности определена и характером занятости: постоянная работа в условиях небезопасности формирует особый тип партнёрских отношений в коллективе, которые, как отмечали наши информанты, переходят и на нетрудовую повседневность — совместное проведение досуга и простая дружба между производственными сменами обычная практика для исследуемых моногородов. Групповая сплочённость является и причиной того, что в чертах привлекательности жизни в городе фигурируют особая ментальность с преобладанием таких человеческих качеств, как «спокойствие, доброжелательность, порядочность, открытость и так далее».

Важное, что отмечается при интервьюировании, это постоянная отсылка к советскому прошлому, которое присутствует в сравнительных характеристиках по широкому кругу вопросов у информантов, которые либо в детстве, либо в трудовом возрасте застали советские времена: *«Раньше [в советские времена] всё было по-другому, всё налажено, несколько совхозов работали, заводов... всё позакрывали, работать негде, на завод не устроиться», «Верните мне Советский Союз!»*. Жизнь в городе имеет чётко выраженный хронотоп: безоблачное советское прошлое — тяжёлое настоящее — малоперспективное будущее: *«Любой тут скажет, что не хочет, чтобы его дети тут жили. Какое здесь образование они могут получить? Я уже молчу о здравоохранении, больницы все позакрывали, бесплатно к врачам не попасть. Плюс выбросы от комбината, люди постоянно от рака умирают»*. Важно отметить, что информанты до 30 лет не воспроизводят советской идентичности вообще, прошлое не фигурирует в их сравнительных отсылках. Здесь ключевым являются отсылки к другим регионам, особенно к Санкт-Петербургу и некоторым южным. Факторами, определяющими миграционные настроения, являются природно-климатические условия, экология и некомфортность городской среды настоящего места жительства.

Плохая экология — это проклятье моногородов региона, по высказываниям местных жителей города Никеля — *«В нашем городе можно снимать Армагеддон»*. Активная деятельность предприятий в течение нескольких десятилетий превратила местность в выжженные пустыри с загрязнёнными водоёмами и редкой растительностью. Выбросы также являются причиной загрязнённого воздуха, что отражается на неутешительной статистике заболеваний. Плохая экология лидирует в причинах отъезда у местных жителей и является безусловным фактором оттока из моногородов.

Заключение

Подводя итоги, следует заметить, что большая часть населения Мурманской области считает свои города родными, демонстрируя значительную связь с местом своего проживания.

ния, но однозначно связывают свою жизнь с ними не более трети опрошенных. Лидирующими причинами возможного отъезда являются природно-климатические и экологические условия, а также социально-экономического характера. И здесь важно отметить и аналитическую находку в виде того, что отличительным свойством локальной идентичности является материальный фактор, значимо определяющий уровень выраженности связи с местом проживания. Повышение благосостояния прямо пропорционально росту идентификации с городом, что имеет стратегическое значение для выстраивания региональной политики в Мурманской области в целом.

Особенности северной природы и климата и уровень жизни, амбивалентно сочетающиеся в сознании горожан, являются стержневыми параметрами осознания себя в качестве жителей северного региона. Немаловажным фактором являются и досуговые практики, связанные с природно-климатическими условиями, которые очень высоко ценятся жителями моногородов — это рыбалка, охота, сборение ягод и грибов, зимние и летние виды спорта, более применимые в данных условиях. Собирачество и рыбалка с охотой также составляют для некоторых жителей дополнительный (иногда и единственный) источник дохода. «Местный патриотизм» жителей моногородов региона становится значимым фактором формирования их отношения к стране в целом: привязанность к городу проживания транслирует определённое состояние гражданского самосознания.

Литература

1. Topcu K. Determining a Strategy for Sustainable Development of Local Identity: Case of Birgi // *Iconarp international journal of architecture and planning*. 2018. Т. 6. Vol. 2. Pp. 371–398.
2. Морозова Е.В., Улько Е.В. Локальная идентичность: формы актуализации и типы // *Политическое сознание и поведение*. 2008. Т. 4. № 4. С. 139–150.
3. Головнёва Е.В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и её структура // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. 2013. № 5. С. 42–50.
4. Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // *СОЦИС*. 1998. № 4. С. 94–98.
5. Wilcox-Archuleta B. Local Origins: Context, Group Identity, and Politics of Place // *Political research quarterly*. 2018. Т. 71, Vol. 4. Pp. 960–974.
6. Плисецкий Е.Е., Малицкая Е.А. Специфика государственного и муниципального управления развитием монопрофильных муниципальных образований в Арктической зоне Российской Федерации // *Арктика и Север*. 2017. № 26. С. 85–97. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2017.26.85
7. Анимича Е.Г., Бочко В.С., Пешина Э.В. и др. Концептуальные подходы к разработке стратегии развития монопрофильного города / Под науч. ред. А.И. Татаркина, М.В. Фёдорова; Урал. гос. экон. ун-т; Ин-т экономики УрО РАН. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2010. 81 с.
8. Измоденова Н.Н. Социальная идентичность молодёжи Мурманской области // *Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования*. 2018. № 2 (9), Вып. 13. С. 52–58.
9. Roshina I., Artyukhova N. Social Responsibility, Sustainable Development, Happiness and Well-being of Single Industry Towns' Population // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. Tomsk Polytechn Univ. Tomsk. 2017, Vol. 19, Pp. 43–50.
10. Давыдов Д.А. Моногородская идентичность и проблемы «промышленной ментальности» (на примере г. Магнитогорска) // *Вестник Пермского научного центра*. 2014. № 5. С. 73–79.

References

1. Topcu K. Determining a Strategy for Sustainable Development of Local Identity: Case of Birgi. *Iconarp international journal of architecture and planning*, 2018, t. 6, vol. 2, pp. 371–398.
2. Morozova E.V., Ul'ko E.V. Lokal'naya identichnost': formy aktualizatsii i tipy [Local identity: forms of actualization and types]. *Politicheskoe soznanie i povedenie*, 2008, vol. 4, no. 4, pp. 139–150.
3. Golovnyova E.V. Regional'naya identichnost' kak forma kollektivnoy identichnosti i ee struktura [Regional identity as a form of collective identity and its structure]. *Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences*, 2013, no. 5, pp. 42–50.
4. Shmatko N.A., Kachanov YUL. Territorial'naya identichnost' kak predmet sotsiologicheskogo issledovaniya [Territorial identity as a subject of sociological research]. *Sotsiological Studies*, 1998, no. 4, pp. 94–98.
5. Wilcox-Archuleta B. Local Origins: Context, Group Identity, and Politics of Place. *Political research quarterly*, 2018, t. 71, vol. 4, pp. 960–974.
6. Plisetskiy E.E., Malitskaya E.A. Spetsifika gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya razvitiem monopofil'nyh munitsipal'nyh obrazovaniy v Arkticheskoy zone Rossiyskoy Federatsii [The features of state and municipal management of the development of single-industry settlements in the Arctic zone of the Russian Federation]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2017, no. 26, pp. 85–97. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2017.26.85
7. Animitsa E.G., Bochko V.S., Peshina E.V. i dr. *Konceptual'nye podkhody k razrabotke strategii razvitiya monopofil'nogo goroda* [Conceptual approaches to developing a development strategy for a single-industry city]. Ed. by A.I. Tatarkin, M.V. Fyodorov, Ekaterinburg, UrGEU Publ., 2010, 81 p. (In Russ.)
8. Izmodenova N.N. Sotsial'naya identichnost' molodezhi Murmanskoy oblasti [Young people's social identity of Murmansk Region]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN. Gumanitarnye issledovaniya*, 2018, no. 2 (9), vol. 13, pp. 52–58.
9. Roshina I., Artyukhova N. Social Responsibility, Sustainable Development, Happiness and Well-being of Single Industry Towns' Population. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, Tomsk Polytechn Univ. Publ., Tomsk, 2017, vol. 19, pp. 43–50.
10. Davydov D.A. Monogorodskaya identichnost' i problemy «promyshlennoy mental'nosti» (na primere g. Magnitogorska) [Monotown identity and problems of “industrial mentality” (on the example of Magnitogorsk)]. *Vestnik Permskogo nauchnogo tsentra*, 2014, no. 5. pp. 73–79.

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ REVIEWS AND REPORTS

УДК 655.3.066.12(09)(470.11)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.134

«Районка» как летописец истории Архангельского Севера *

© **БУТОРИН Михаил Вениаминович**, кандидат исторических наук, доцент

E-mail: mvbutorin@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы создания и деятельности периодической печати на уровне районов Архангельской области. Анализируется её роль в решении задач в разные периоды существования региона, оценивается место «районки» в системе взаимоотношений органов государственной власти и органов местного самоуправления. На основе исследования современной местной периодики автор делает вывод, что печать, освободившись от диктата КПСС, попала в зависимость от современной власти и вынуждена освещать преимущественно её деятельность и достижения. Выходом из создавшегося положения видится создание муниципалитетами собственных газет.

Ключевые слова: *периодическая печать, районная газета, реформы, муниципальное образование, органы государственной и муниципальной власти.*

District newspapers as a chronicler of the Arkhangelsk North history

© **Mikhail V. BUTORIN**, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor

E-mail: mvbutorin@mail.ru

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article discusses the creation and operation of district periodicals in the Arkhangelsk Oblast. The author analyzed their role in solving problems in different periods and evaluated the place of the “district” in the relations of the state and local authorities. Based on a study of modern local periodicals, the author concluded that the press, freed from the CPSU dictates, became dependent on new power and was forced to cover mainly its activities and achievements. The way out of this situation is the creation of municipal newspapers.

Keywords: *periodicals, district newspaper, reforms, municipal formation, state and municipal authorities.*

Административно-территориальная реформа, связанная с созданием в 1929 г. на базе Архангельской, Северо-Двинской, Вологодской губерний и Коми области Северного края ¹, затронула и нижестоящий уровень. Вместо уездов, их разукрупнения, повсеместно были созданы районы, что повлекло за собой появление периодической печати.

Именно с этого времени берет своё начало сохранившаяся до сегодняшнего дня районная газета. Однако в ряде районов она появилась значительно раньше. Отмечая круглую

* Для цитирования:

Буторин М.В. «Районка» как летописец истории Архангельского Севера // Арктика и Север. 2019. № 37. С. 134–139. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.134

For citation:

Butorin M.V. District newspapers as a chronicler of the Arkhangelsk North history. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 37, pp. 134–139. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.134

¹ См.: Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII–XX вв. Справочник. Архангельск, 1997.

дату — девяностолетие со времени создания большинства «районок», нельзя не отметить, что на ряде территорий, охватывающих существовавшие тогда уезды, свои газеты появились значительно раньше — ещё в 1917–1920 гг.²

Этому способствовала обстановка, сложившаяся на территории бывшей Российской империи после событий 1917 г. Свобода слова и мысли, собраний тогда стали частью жизни, что позволило появиться в стране, а затем в провинции, газетам «Известия», учреждённым Советами депутатов рабочих и солдатских депутатов, их исполкомами. Этому примеру последовали и нижестоящие Советы — уездные, издавая свои печатные издания. Многие из них позаимствовали те же самые названия, например, «Известия Совета крестьянских депутатов Архангельского уезда», «Известия Совета крестьянских депутатов Яренского уезда». Они выходили чаще всего бесплатно, содержались за счёт поступлений от рекламы и мизерных сумм, выделяемых из местных бюджетов. Не имея чёткой периодичности, местная пресса, тем не менее, сыграла немалую роль в деле распространения информации среди населения в начальный период становления советской власти. Это позволило в том числе обеспечить условия для выражения мнений различными слоями общества.

С помощью местной печати появилась возможность объединить людей как по профессиональному признаку, так и по интересам. Она чаще всего носила демократический отпечаток времени, несмотря на постоянно крепнущую власть большевиков, но была ещё слабой, чтобы ей противостоять. Поэтому в выходных данных некоторых нынешних «районок», например, Онежского, Каргопольского, Шенкурского, Вельского районов можно увидеть год издания, связанный с началом их первого выхода в тот самый трудный период, когда шла гражданская война и продолжалась иностранная военная интервенция.

Анализируя провинциальную периодическую печать дореволюционного периода, нельзя не отметить, что уездные газеты имели все основания появиться, пусть даже как официальные, ещё в конце девятнадцатого — в начале двадцатого столетия. Дело в том, что решения, принимаемые тогда местными органами власти, которые затрагивали интересы жителей, могли вступить в законную силу после их опубликования в периодической печати. А поскольку таковой на уровне уездов не было, они вынуждены были печатать их в губернской газете «Ведомости», перегружая её официозом, что вынуждало редакцию нередко пойти на увеличение объёма и выпуск приложений.

Царское правительство не хотело пойти на уступки, разрешить создание печати на местах, дабы не допустить вольнодумства со стороны населения. В итоге ни в одном из уездов Архангельской губернии до 1917 г. не вышло ни одного своего периодического издания. Это можно объяснить ещё и тем, что «сама власть на местах по-прежнему не желала обзавестись собственными газетами. Не проявляла никакой инициативы, а общественные органи-

² Русские газеты периода 1917–1922 годов в фондах Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина. М. 1982.

зации к этому были просто-напросто не готовы: они не хотели распылять свои силы, при всём этом испытывали давление со стороны властных структур» [1, Буторин М., с. 83].

Однако первые уездные газеты, появившись в первые годы советской власти, просуществовали недолго. Одна из причин, послужившая их закрытию, была финансовая – переход к новой экономической политике потребовал введения самофинансирования, а у самих редакций не хватало денег, чтобы осуществлять выпуск, а также платности газет. Это была веская, но не главная причина. После окончания гражданской войны и военной иностранной интервенции на Севере уездные газеты постепенно превращаются в совместные органы исполкомов Советов и комитетов РКП(б). Как считает А.Н. Зашихин, «на практике это означало подчинение советской печати партийной структуре» [2, с. 12].

Дело в том, что партия большевиков, монополизировав власть в стране, видела в печати одно из важнейших мобилизующих средств решения стоящих перед страной задач. Создавать новую печать – партийно-советскую (такое название она получила) было решено с организации выпуска центральных газет и журналов. Поэтому не только местные, но и многие региональные издания разной направленности, даже не ставящие перед собой политические цели, были закрыты – оставалась существовать лишь официальная печать, органами которой являлись партийные комитеты. В нашей Архангельской губернии к таковым относились газета «Волна» с приложениями «Северная деревня», «Комсомолец», партийный журнал «Большевистская мысль», экономический журнал «Северное хозяйство», журнал «Северный кооператор» [3, Буторин М., с. 16]. И это не было каким-то исключением. Подобная система печати сложилась в соседних с Архангельской губерниях — в Вологодской и Северодвинской.

Создание нынешних «районок» было отложено до проведения административно-территориальной реформы, которая предусматривала образование районов вместо уездов. Пробным стало создание газет на уровне округов, являющихся промежуточным звеном между краем и районами, но не оправдавших себя и вскоре ликвидированных. А затем, в 1930–1932 гг., повсеместно создаются газеты в районах.

Это была печать нового типа, её предназначение связано, прежде всего, с решением важных задач социалистического строительства, укрепления связи с массами. Директивными документами было чётко определено, что «каждый район может иметь по одной газете, её органом в обязательном порядке являются райком ВКП (б), районный Совет депутатов» [3, Буторин М., с. 19]. Но при наличии двух, казалось бы, равноправных органов, важное место в руководстве вновь появившейся прессой уже отводилось партийным комитетам: они подбирали и утверждали редакторов, рассматривали планы работы своего печатного издания, давали директивные указания по самым различным вопросам. Советам, которые являлись такими же равноправными органами печати, отводилась второстепенная роль: они были призваны обеспечить, главным образом, материально-техническую и финансовую деятельность редакции.

Несмотря на свой объём (первоначально выходила на двух страницах), «районка» пыталась охватить большой спектр вопросов социально-экономической жизни территории, на которой она распространялась. Правда, в зависимости от времени менялась тематика: в разные периоды существования газеты диктовало время. Откройте газеты тридцатых годов — на их страницах вопросы коллективизации и индустриализации, стахановского движения, социалистического соревнования, и тут же борьба с врагами народа. С началом Великой Отечественной войны тематика меняется, но газета, несмотря на трудности с бумагой, продолжает выходить — главным её лейтмотивом становится: «Всё для фронта, всё для победы!».

Насыщенными по своему содержанию стали «районки» в шестидесятые-восьмидесятые годы. Интерес к ним возрос, тираж многих из них превысил десять тысяч экземпляров. В расчёте на одного жителя это была самая востребованная у читателя пресса, которая освещала местную жизнь во всем её многообразии. Газеты пишут о социалистическом соревновании, развитии экономики, социальной сферы, о людях, но главное место на её страницах отводится письмам читателей.

Печатные издания районов не раз меняли объём и периодичность выхода. Долгое время — это помнят многие жители районов — они выходили строго по установленному графику: три раза в неделю на четырёх полосах.

Переломным моментом в жизни «районка» стало начало девяностых годов прошлого столетия. Этому способствовало появление правовой основы их деятельности, в частности, принятие Закона РФ «О средствах массовой информации», который определил, что «поиск, получение, производство и распространение массовой информации, учреждение средств массовой информации, владение, пользование и распоряжение ими, не подлежат ограничениям, за исключением предусмотренных законодательством Российской Федерации о средствах массовой информации»³.

Большинство из местных изданий меняют свои названия, например, шенкурская газета «Ленинец» — на «Важский край», каргопольская газета «Коммунист» — на «Каргополье», холмогорская газета «За коммунизм» — на «Холмогорскую жизнь», коношская газета «Призыв» — на «Коношский курьер». Учредителями газет выступают органы государственной власти. Меняется и периодичность выхода: теперь её устанавливает сама редакция исходя из собственных возможностей. Первой в области на еженедельник в 1994 г. перешла приморская газета «У Белого моря», что вызвало неоднозначную реакцию со стороны коллег. Сегодня же, в том числе учитывая и условия доставки, абсолютное большинство «районков» в области выходят именно в таком формате, что позволяет им, используя современные компьютерные технологии и программы, делать газету разнообразнее по своему оформлению и вёрстке.

³ Закон РФ «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 г. № 2124-1 (с изм. на 01.05.2019 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ от 13 февраля 1992. № 7. Ст. 300.

Однако с появлением правовой основы и развитием демократии районная газета не получила полную независимость. Её учредителями являются администрация губернатора и правительства области, которая диктует свои условия при освещении жизни региона, отдавая предпочтение показу деятельности областной власти, а также местная администрация. Таким образом, освободившись от диктата КПСС, редакции оказались зависимы от современной власти, которая оказывает им мизерную финансовую помощь, зависящую от публикации предоставленных властью материалов.

Анализ местной печати показывает, что газеты, выходящие в городах и районах области, выпускаются издательскими домами, которые являются государственными автономными учреждениями. Однако своё распространение они имеют на территориях муниципальных образований, органы которых, в соответствии с 12 статьёй Конституции Российской Федерации, не входят в систему органов государственной власти⁴.

Выходит, что муниципалитеты имеют право на создание собственных средств массовой информации. Оно закреплено не только в Законе РФ «О средствах массовой информации», но и в федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Однако этим правом в Архангельской области могли воспользоваться лишь в Архангельске и Коряжме. В других же муниципальных образованиях нет таких денег, чтобы содержать собственные СМИ.

Передача «районки» под влияние местных властей имеет тоже немало так называемых подводных камней, что ставит под вопрос независимость местной прессы. На наш взгляд, первым шагом на пути этого могло быть передача «районки» под покровительство представительных органов местного самоуправления.

Это в определённой степени обеспечило бы им самостоятельность и независимость, позволило бы шире освещать местную жизнь, затрагивая имеющиеся проблемы, предлагая пути их решения, чего, собственно, нынешней местной периодике и не хватает. Ведь сама периодическая печать является не только источником информации — газетной строкой она создаёт историю района, а все вместе взятые — Архангельской области как одного из регионов Российской Федерации. И это наглядно видишь, перелистывая страницы уже пожелтевших от времени газет. Перед нашими глазами встаёт жизнь многих поколений людей, живших и творивших в разные периоды становления и развития северного края.

Литература

1. Буторин М.В. Провинциальная печать Европейского Севера России (правовые, организационные и социально-экономические аспекты): монография. Москва; Архангельск, 2011.
2. Зашихин А.Н. Местная периодическая печать: основные этапы и проблемы изучения. Архангельск, 1992.

⁴ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учётом поправок, внесённых законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. №31. Ст.4398.

3. Буторин М.В. Местная периодическая печать и её влияние на социально-экономическую жизнь Архангельского Севера в 1921–1925 годах / Автореферат дисс. канд. ист. наук. Архангельск, 1998.
4. Буторин М.В. Районная печать: сто лет вместе со своим читателем // Современные СМИ в контексте информационных технологий: сб. науч. тр. 4-й Всерос. науч.-практ. конф. СПб.: СПбГУПТД, 2019. С. 57–60.
5. Журналистика Русского Севера: история, современность, перспективы: материалы международной научно-практической конференции. Архангельск: «СОЛТИ», 2008.

References

1. Butorin M.V. *Provintsial'naya pechat' Evropeyskogo Severa Rossii (pravovye, organizatsionnye i sotsial'no-ekonomicheskie aspekty): monografiya* [The provincial press of the European North of Russia (legal, organizational and socio-economic aspects): monograph]. Moscow; Arkhangelsk, 2011. (In Russ.)
2. Zashikhin A.N. *Mestnaya periodicheskaya pechat': osnovnye etapy i problemy izucheniya* [Local periodical press: the main stages and problems of study]. Arkhangelsk, 1992. (In Russ.)
3. Butorin M.V. *Mestnaya periodicheskaya pechat' i ee vliyanie na sotsial'no-ekonomicheskuyu zhizn' Arkhangel'skogo Severa v 1921–1925 godakh* [The local periodical press and its impact on the socio-economic life of the Arkhangelsk North in 1921–1925]. Avtoreferat. diss... kand. ist. nauk [Abstract of a dissertation, Candidate of Historical Sciences]. Arkhangelsk, 1998. (In Russ.)
4. Butorin M.V. *Rayonnaya pechat': sto let vmeste so svoim chitatelem* [District press: one hundred years with its reader]. *Sovremennye SMI v kontekste informatsionnykh tekhnologiy: sb. nauch. tr. 4-y Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Modern media in the context of information technology]. Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design Publ., 2019, pp. 57–60. (In Russ.)
5. *Zhurnalistika Russkogo Severa: istoriya, sovremennost', perspektivy: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Journalism of the Russian North: history, modernity, prospects: materials of an international scientific and practical conference]. Arkhangelsk, SOLTI Publ., 2008. (In Russ.)

УДК: 93/94(470.11)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.140

Рецензия на книгу М.А. Лукиной

«Исторические очерки о жизни на островах в дельте Северной Двины» *

© ДРАННИКОВА Наталья Васильевна, доктор филологических наук, доцент, профессор

E-mail: n.drannikova@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

Аннотация. Книга является результатом многолетней работы М.А. Лукиной над историей деревень, находящихся в дельте реки Северной Двины. Это первое исследование, посвящённое процессам колонизации островной территории, формирования и многовекового развития поселений, расположенных в устье Двины. В книге сочетаются традиционный исторический подход к изложению материала и метод, связанный с изучением смены ценностных установок на протяжении веков и проблемы исторической памяти.

Ключевые слова: рецензия, острова, дельта Северной Двины, архивы, воспоминания.

Review on the book “Historical Essays about Life on the Islands of the Northern Dvina Delta” by M.A. Lukina

© Natalia V. DRANNIKOVA, Dr. Sci. (Philol.), Associated Professor

E-mail: n.drannikova@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Abstract. The book is the result of a great work of M. A. Lukina on the history of villages in the Delta of the Northern Dvina River. The book is the first study of the island colonization, establishment, and centuries-old development of settlements in the mouth of the Northern Dvina River. The author combined the traditional historical approach to the data presentation and the method associated with the study of the value change over the centuries and historical memory.

Keywords: review, islands, the Northern Dvina Delta, archives, memories.

Книга является результатом многолетней работы М.А. Лукиной над историей деревень, находящихся в дельте реки Северной Двины. Это первое исследование, посвящённое процессам колонизации островной территории, формирования и многовекового развития поселений, расположенных в устье Двины (к ним относятся Вознесенье, Конецдворье, Байкалово, Ластола, Студименское, Онишово, Вагино).

М.А. Лукина посвятила книгу изучению истории своей малой родины — д. Вагинский Наволок Приморского района Архангельской области. Как она объясняет, причины, побудившие её заняться работой над книгой, были желание узнать историю места своего рождения и понять, что произошло с крестьянской культурой в XX в. В книге сочетаются традиционный исторический подход к изложению материала и метод, близкий школе «Анналов»,

* Для цитирования:

Дранникова Н.В. Рецензия на книгу М.А. Лукиной «Исторические очерки о жизни на островах в дельте Северной Двины» // Арктика и Север. 2019. № 37. С. 140–143. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.140

For citation:

Drannikova N.V. Review on the book “Historical Essays about Life on the Islands of the Northern Dvina Delta” by M.A. Lukina. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 37, pp. 140–143. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.140

связанный с изучением смены ценностных установок на протяжении веков и проблемы исторической памяти.

В течение многих лет М.А. Лукина работала в различных архивах Москвы и Архангельской области: Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Государственном архиве Архангельской области (ГААО), архивном отделе Администрации муниципального образования Приморского района и др. Помимо архивных материалов, М.А. Лукина использует в книге другие источники: летописи, монографии, энциклопедии, статьи, периодические и краеведческие издания, воспоминания старожилов, археологические отчёты и др. Впервые в научный оборот ею вводится большое количество малодоступных архивных материалов (метрические книги и духовные росписи, исповедные книги, ревизские сказки, подворные описи, переписи населения, порядные грамоты, договорные акты, мирские приговоры и др.). Материал для книги собран, как пишет она сама, «по крупицам». Список источников впечатляет своим количеством и многообразием. Он придает исследованию фундаментальный характер.

Опираясь на данные археологии, М.А. Лукина пишет, что побережье и острова Белого моря были заселены уже в эпохи мезолита и неолита. В книге убедительно раскрыты особенности славянской колонизации низовий Северной Двины, связанных с освоением территории, на которой уже проживало аборигенное финно-угорское население. В связи с этим хочется отметить, неточности в объяснении этнонима *чудь* и отсутствие в книге ссылок на научную литературу по этому вопросу. Ссылаться на книгу А.А. Тунгусова некорректно, так как это краеведческое издание. Существует большое количество исследований о значении и происхождении слова *чудь*. Все они рассматриваются в книге Н.В. Дранниковой «Чудь в устной традиции Архангельского Севера» (Архангельск, Изд-во Помор. ун-та, 2007). М.А. Лукина, поставив вопрос, кто такая *чудь*, не отвечает на него, хотя в науке существует сложившееся мнение о том, что *чудь* — это аборигенное финно-угорское население (чаще — прибалтийско-финское), жившее на территории современного Русского Севера до прихода сюда славян и впоследствии ассимилировавшееся с ней (см. Дранникова Н.В. «Чудь в устной традиции Архангельского Севера», Архангельск, Изд-во Помор. ун-та, 2007).

Последовательно и глубоко в книге раскрыты исторические периоды развития островной территории в устье Северной Двины от Новгородской волости Заволочья, Двинской земли до Двинского и Архангельского уездов Российского государства. Система волоков, по которым шло освоение северной части современной Архангельской области, рассмотрена М.А. Лукиной с привлечением информации из книги Т.А. Бернштам «Поморы. Формирование группы и системы хозяйства». Большое внимание ею уделяется истории церковных приходов и роли церкви в жизни крестьянина. Достоинством книги является раздел, посвященный социально-политической жизни крестьянства в XX в. Многие материалы этого раздела публикуются впервые.

Отдельно хочется сказать о разделах «Социально-политическая жизнь в 1917-начале 1930-х гг.» и «Коллективизация крестьянского хозяйства и раскулачивание в XX веке». Считаю, важным их включение в книгу. К этим периодам истории архангельские историки обращаются редко, поэтому исследование позволяет раскрыть «белые пятна» не только в истории островных поселений, но и всей Архангельской области. М.А. Лукина использует архивные материалы и свидетельства старожилов-свидетелей этих событий.

В книге убедительно показано, как происходил процесс «раскрестьянивания» в северных деревнях, начиная от продразвёрстки и продналогов до раскулачивания. Процесс начался сразу после 1917 г., его затормозила высадка войск Антанты и создание Верховного управления Северной области (ВУСО). Трагические страницы советской истории раскрыты М.Л. Лукиной глубоко и всесторонне. Судходство, занятия морскими рыболовными и зверобойными промыслами давали местным жителям хорошие заработки, они имели высокий уровень жизни по сравнению с крестьянами, проживающими в аграрной части Архангельской губернии. Он резко понизился после 1924 г., когда был отменен НЭП. Советская власть сразу же разделила крестьянство на «кулаков» и «бедноту», что привело к обострению отношений между ними. Бедняки освобождались от налогов, которые должны были выплачивать более обеспеченные жители деревень, что приводило к конфликтам в местных сообществах.

С 1930 г. репрессивные меры в отношении деревни усилились. Крестьяне начали облагаться многочисленными налогами в зависимости от социальной и имущественной принадлежности. Многие из них были лишены избирательных прав, подверглись самообложению, сельскохозяйственным налогам, началась контрактация, твёрдое задание / твёрдые поставки, закупка сельскохозяйственной продукции по минимальным ценам, крестьянам перестали выдавать паспорта, ограничили свободу их передвижения, ввели ненормированный тяжёлый физический труд, начались подписи на займы и облигации, в деревнях отсутствовали продукты питания и одежда, приняты законы об обязательном страховании от стихийных бедствий, постановление о производстве госпоставок не с урожая, а с количества гектар земли и др. Происходила финансовая мобилизация населения, начались показательные выездные заседания сельсоветов, похожие на показательные судебные процессы. Северные деревни пережили голод 1921 и 1933 гг., который был вызван экономической политикой государства в отношении крестьян — изъятием зерна. Деревня была принесена в жертву индустриализации: в 1930 г. государство перешло к сплошной коллективизации. В январе 1930 г. принято постановление ЦК ВКПб «О мерах по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Начинается массовая высылка «кулаков» на необжитые земли и более северные районы. Высокий уровень жизни жителей островных поселений, привел к тому, что многие из них были раскулачены, впоследствии репрессированы. Эти события вызвали бегство крестьян из деревни в город, они устраиваются на работу на лесозаводы и судостроительный завод 402 в г. Молотовске (Северодвинске). Политика госу-

дарства в отношении деревни привела к её нищете и резкому снижению уровня жизни. М.А. Лукина показывает на конкретных примерах и цифрах, как происходили эти процессы в деревнях, расположенных в дельте Северной Двины.

Эта же участь постигла церковь. В 1929 г. были закрыты почти все храмы, а их здания разрушены или разобраны, иконы сожжены. Вместо церквей были созданы избы-читальни, клубы, школы, обучение в них ведётся по новым программам, появляются пионерские и комсомольские организации. Опубликованные в книге материалы позволяют понять, как происходил процесс создания нового советского человека, связанный со сменой ценностных поколенческих установок.

Книга имеет хороший справочный аппарат. В неё помещён «Словарь употребляемых терминов, понятий», который включает в себя диалектную и архаичную лексику. Хотела бы отметить, что значение не всех слов приводится в нем верно, в частности, слово «братан» объясняется как племянник, хотя в северных говорах «братаном» называли двоюродного брата [1]. Книга включает в себя 8 приложений, в которых опубликованы труднодоступные архивные материалы (сведения о причте Вознесенской приходской церкви в XIX в., Всеобщей переписи населения Российской империи в 1897 г., метрические справки сдавших экзамен в 1901 г. в Конецдворской церковно-приходской школе и др.).

Появление книги М.А. Лукиной «Исторические очерки о жизни на островах в дельте Северной Двины» считаю важным событием в научной и культурной жизни Архангельской области. Книга представляет большой интерес не только для архангельских учёных, краеведов и местных жителей, но и для всего российского научного сообщества. Она может являться примером научно добросовестной, глубокой и многоаспектной работы для всех архангельских исследователей и краеведов. В заключение хочется пожелать автору переиздать столь ценную книгу в более удобном виде для чтения: материала в книге так много, что это привело к уменьшению шрифта и увеличению объёма информации, что затрудняет чтение. На мой взгляд, книгу надо переиздать в двух томах.

Литература

1. Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. Т.2: Береза-Бяше. 216 с.

References

1. *Arkhangel'skiy oblastnoy slovar'* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Ed. by O.G. Getsova. Moscow, MSU Publ., 1982, vol. 2, Bereza-Byashe, 216 p. (In Russ.)

УДК 001.32(470.23-25)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.144

История и деятельность Арктической общественной академии наук *

© **МИТЬКО Валерий Брониславович**, доктор технических наук, профессор

E-mail: vmitko@arcticas.ru

Арктическая общественная академия наук, Санкт-Петербург, Россия

© **МИНИНА Марина Виссарионовна**, кандидат технических наук, доцент

E-mail: m-minina@yandex.ru

Арктическая общественная академия наук, Санкт-Петербург, Россия

© **МИТЬКО Арсений Валерьевич**, кандидат технических наук, доцент

E-mail: amitko@arcticas.ru

Арктическая общественная академия наук, Санкт-Петербург, Россия

Санкт-Петербургский университет Государственной пожарной службы МЧС России, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Кратко изложена история возникновения и становления Санкт-Петербургской научной общественной организации «Арктическая общественная академия наук», созданной в начале 21 в. Академия формировалась на базе Арктического направления секции Геополитики и безопасности Российской академии естественных наук. Обозначены и прокомментированы три этапа развития академии, а также показаны основные направления деятельности Академии и примеры крупных проектов. Академия активно участвует в международных форумах, конференциях, саммитах, комитетах и фестивалях. Являясь экспертной научной организацией, АОН играет важную роль одной из ячеек гражданского общества, вокруг которой консолидируется отечественный интеллектуальный потенциал.

Ключевые слова: Арктика, экспертиза, негосударственная академия наук, междисциплинарность, образовательная сфера, издательская деятельность, международные форумы.

History and activities of the Arctic Public Academy of Sciences

© **Valery B. MITKO**, Dr. Sci. (Tech.), Professor

E-mail: vmitko@arcticas.ru

Arctic Public Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

© **Marina V. MININA**, Cand. Sci. (Tech.), Associated Professor

E-mail: m-minina@yandex.ru

Arctic Public Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

© **Arseny V. MITKO**, Cand. Sci. (Tech.), Associated Professor

E-mail: amitko@arcticas.ru

Arctic Public Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

Saint Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The founding of the St. Petersburg Scientific Public Organization “The Arctic Public Academy of Sciences”, created at the beginning of the 21st century, is briefly described in the article. The Academy is based on the Arctic direction of the Geopolitics and Security Section of the Russian Academy of Natural Sciences. Three stages of its development are designated and commented on, as well as the main directions of the Academy's activities, and examples of projects. The Academy actively participates in

* Для цитирования:

Митько В.Б., Минина М.В., Митько А.В. История и деятельность Арктической общественной академии наук // Арктика и Север. 2019. № 37. С. 144–152. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.144

For citation:

Mitko V.B., Minina M.V., Mitko A.V. History and activities of the Arctic Public Academy of Sciences. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 37, pp. 144–152. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.144

international forums, conferences, summits, committees, and festivals. Being an expert scientific organization, APAS plays a vital role in civil society and consolidates domestic intellectual potential.

Keywords: *the Arctic, expertise, non-state academy of sciences, interdisciplinarity, education, publishing, international forums.*

Прошло 16 лет со дня замысла создания в г. Санкт-Петербурге новой альтернативной научной организации — Арктической академии наук, основанной на роли институтов гражданского общества в развитии научной сферы страны. При этом предпосылки к её созданию возникли ещё раньше, в последние годы существования СССР.

В конце 80-х гг. прошлого века значительная часть экспертного сообщества России имела ясное представление о переходе от плановой к рыночной экономике. Представители отраслевой и вузовской науки понимали, как легко из-за реформ может исчезнуть чрезвычайно важный и довольно тонкий слой профессионалов, и предвидели опасность утраты Россией лидерства в научном и технологическом развитии. В тот период ещё действовала Академия наук СССР, известная всему миру выдающимися работами в области математики, физики, химии, наук о Земле, биологии и др. Ещё работали крупные отраслевые НИИ и вузовские лаборатории по широкому спектру направлений. При этом отечественные учёные осознали необходимость создания новых, более жизнеспособных форм научных объединений.

В это же время Верховный Совет РСФСР обратился к научному сообществу России с просьбой внести свои предложения по принципам создания и организации Российской академии наук. Инициативная группа московских и ленинградских профессоров выдвинула идею создания Российской академии естественных наук как альтернативной научной организации. Её базой должны были стать авторы научных открытий, опубликованных в Большой советской энциклопедии (том «Научные открытия в СССР за тридцать лет»). Академия формировалась как мультидисциплинарная научная организация под руководством талантливых и инициативных учёных.

В 1991 г. в РАЕН была сформирована секция геополитики и безопасности, которую возглавил В.С. Пирумов, и Санкт-Петербургское отделение секции, которое возглавил Яковлев В.В., затем Беляев В.С., а затем Митько В.Б. С самого начала Санкт-Петербургское отделение было ориентировано на арктическое направление, хотя в Москве на научном совете Совета безопасности России его основные предложения были восприняты без энтузиазма: там считали, что арктические проблемы больше относятся к Северной столице, чем к центральной.

На базе Санкт-Петербургского отделения секции Геополитики и безопасности РАЕН была создана Арктическая общественная академия наук, которая была зарегистрирована Министерством юстиции РФ 3 декабря 2003 г. Её учредителями стали Беляев В.С., Кудерский Л.А., Митько В.Б., Петров А.А., Привалов А.А., Щитинский В.А., Яковлев В.В. Учёным секретарём Академии была назначена Минина М.В.

В развитии Академии можно выделить три этапа:

- на первом этапе (2003–2008 гг.) возникли секции, которые практически соответствовали основным геополитическим факторам, определяющим устойчивое развитие Арктики и, соответственно, Арктической миссии России, а также разрабатываемой проектом Арктической доктрины;
- на втором этапе (2008–2013 гг.) в связи с возникновением новых приоритетных направлений исследований (социально значимых для обновлявшегося и самоопределявшегося российского общества) появились секции «Геополитики и безопасности», «Молодых учёных Севера», создано «Агентство по наукоёмким и инновационным технологиям»;
- на третьем этапе (2013–2018 гг.) создан Центр по арктическим инфокоммуникационным технологиям, заключены многие соглашения с российскими и зарубежными организациями, сформирован Арктический совет Ассамблеи народов Евразии, председателем которого стал Президент АОАН Митько В.Б., а ответственным секретарём — учёный секретарь АОАН Минина М.В.

Деятельность академии

Основной целью Арктической академии наук стало содействие в осуществлении научно-координационной деятельности по обеспечению академической поддержки и консультаций по всем вопросам, касающимся деятельности Арктических организаций, выполнение научных исследований, способствующих комплексному гармоничному развитию северных территорий, коренному улучшению жизни и быта северян.

Деятельность Арктической академии наук с самого начала была направлена на достижение целей и задач реализации научного потенциала Санкт-Петербурга в решении проблем Арктики и Севера, российских и международных организаций и координацию своей работы с комитетами приоритетных проектов арктического направления. С самого начала работа велась по гуманитарным и социально-экономическим направлениям.

Большинство секций Академии работает внутри университетов. При этом значительная часть членов Академии является ведущими профессорами лучших университетов, институтов и академий России, Болгарии, Финляндии, Франции, Китая, Казахстана, Армении и других стран. Именно эти люди несут в молодёжные аудитории фундаментальные и прикладные знания.

Основные программы и проекты Академии

В области научно-исследовательской деятельности:

- выполнение исследований в обоснование формирования системы управления Арктической зоной Российской Федерации с Центром в г. Санкт-Петербурге;
- разработка цифровых моделей управления регионами на федеральном, региональном и корпоративном уровнях и оценки стратегической устойчивости государства в Арктике;
- разработка схем территориального развития, транспортной инфраструктуры, планировочной организации Мурманской и Томской областей, Республики Саха (Якутия) и др.

В области научно-организационной деятельности:

- участие в международном конкурсе научных, научно-технических и инновационных разработок, направленных на развитие и освоение Арктики и континентального шельфа ОФШОР-2015, 2016, 2017, где ежегодно проекты Академии признаются лауреатами Правительства РФ (Минэнерго);
- разработка методологии оценки экологических рисков в Арктике и участие в разработке Экологического общественного стандарта;
- участие в Конкурсе инновационных проектов Комитета по науке и высшей школе Правительства г. Санкт-Петербурга.

В области научно-образовательной деятельности:

- разработка учебников и учебных пособий, учебно-методических материалов по дисциплинам, соответствующим профилю секций Академии и секции Геополитики и безопасности РАЕН;
- участие в Национальном арктическом научно-образовательном консорциуме Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;
- организация проведения ежегодной Международной БИОС — Олимпиады школьников и студентов;
- содействие проведению ежегодного Всероссийского образовательного слёта юных полярников «Наша планета»;
- участие в работе Учёного совета Ямало-Ненецкого автономного округа при финансовой поддержке Фонда президентских грантов, реализующего проект «Школа Арктика».

В области культуры, искусства и туризма:

- участие в проектах и программах «Морское наследие» как членов Ассоциации с привлечением Совета молодых учёных Севера;
- участие в качестве соорганизаторов ежегодного международного кинофестиваля морских и приключенческих фильмов «Море зовёт»;
- реализация проекта «Александр Сибиряков — учёный и меценат»;
- проведение торжественных мероприятий в г. Санкт-Петербурге и г. Котка (Финляндия), посвящённых юбилею А.С. Попова;
- организация работы по проведению ежегодного Международного фестиваля народного творчества и мультимедиа «Молодая Арктика»;
- организация и проведение ежегодного Международного культурно-образовательного проекта «Таланты Арктики. Дети»;
- инициирование в 2019 г. Международного научно-просветительского кластера «Сохранение национальных традиций, языка и культуры коренных народов Европы»;
- научное открытие теории арктической циркумполярной цивилизации как исторического феномена в развитии человечества, занимающего особое место в системе локальных цивилизаций пятого поколения;
- патронаж экспедиции в Воттовару и Аркаим.

В области научно-производственной деятельности:

- взаимодействие с организациями Республики Саха (Якутия) по вопросам безопасности эксплуатации энергетических систем;
- участие в экспедициях Республики Саха (Якутия) по медицинскому обследованию жителей арктических регионов Якутии;

- научное обоснование основных направлений конверсии и диверсификации предприятий оборонного комплекса для нужд Арктических регионов.

В области международного сотрудничества:

- традиционное сотрудничество со скандинавскими странами (Норвегия, Финляндия, Эстония). Это сотрудничество приобретает ещё большую актуальность в турбулентных международных условиях;
- сотрудничество с Арктическим экономическим советом Межправительственного форума «Арктический Совет» (Arctic Council);
- продолжение проекта «Адмирал де Траверсе — морской министр России» по исследованию военно-морского взаимодействия Франции и России и подготовке к 200-летию открытия Антарктиды в 2020 г.;
- новое направление — развитие отношений с Китаем, участие в морском форуме совместно с Академией военных наук РФ и Центром изучения Второй мировой — Антияпонской войны и послевоенного международного мира при Цзилиньском университете, организованным по указанию руководителей Китая и России;
- восстановление научных связей с Азербайджаном по многим направлениям: в области информационных технологий, поise-мониторинга рисков при транспортировке нефти по трубопроводам в Восточной Сибири и Южной Якутии, образовательной сфере. Это сотрудничество представляется важным и перспективным с учётом подписанных соглашений.

В области организации профильной деятельности и проведении мероприятий:

- главным результатом является создание в 2016 г. Арктического Совета Международного союза неправительственных организаций «Ассамблея народов Евразии», где научная и организационная ответственность лежит на Арктической академии наук и секции Геополитики и безопасности РАЕН. Арктический совет был успешно представлен в Париже, в 2019 г. будет представлен в Турции, Болгарии, Дании, Китае;
- развитие общественно-государственного партнёрства — членство в Общественной палате Северо-Западного Федерального округа;
- организация и руководство Полярной комиссией Морского совета при Правительстве г. Санкт-Петербурга;
- заключение двухсторонних договоров о сотрудничестве со многими российскими и зарубежными организациями;
- в 2006 г. создание Агентства по наукоёмким и инновационным технологиям;
- в 2016 г. создание Центра Арктических инфокоммуникационных технологий на базе Ленинградского отделения Центрального научно-исследовательского института связи;
- 2008–2016 гг. проведение Международного конгресса «Цели развития тысячелетия и инновационные пути развития Арктических территорий», г. Санкт-Петербург;
- в 2014 г. проведение Арктического международного инвестиционного саммита «Северный морской путь. Инфраструктура и транспортно-коммуникационная система Арктического региона» в г. Москве, Отель «Москва Тверская»;
- в 2015 г. проведение II Арктического международного инвестиционного саммита развития в г. Москве, Отель «Бородино»;
- в 2018 г. проведение III Международного арктического саммита «Арктика и шельфовые проекты: перспективы, инновации и развитие регионов» (Арктика 2018

СПб) в г. Санкт-Петербурге на базе Санкт-Петербургского государственного морского технического университета;

- с 2012 г. один раз в два года проведение Международной научно-практической конференции «Россия в Арктике» в рамках Международного фестиваля морских и приключенческих фильмов «Море зовёт» в Санкт-Петербурге, Филиале Музея Мирового океана в г. Санкт-Петербурге — ледоколе «Красин»;
- с 2013 г. проведение ежегодного совместного с Центром общественно-политических исследований и Фондом Розы Люксембург семинара «Арктика: вектор развития и диалога» в г. Санкт-Петербурге;
- с 2018 г. проведение Международного семинара при поддержке фонда имени Горчакова «Арктическая публичная дипломатия в сообществе единой судьбы» в г. Санкт-Петербурге.

Примеры крупных проектов

За годы деятельности Академии было реализовано несколько крупных проектов. Два из них наиболее значимы.

Проект «Александр Сибиряков — учёный и меценат» начинался с доклада на одной из конференций о забытом соотечественнике человеке, чьё имя ассоциировалось с ледоколом, погибшем в Карском море во Второй мировой войне. Академия заинтересовалась этой темой и организовала круглый стол, начала работу в архивах и поиск заинтересованных учёных и специалистов. Это был 2008 г. В итоге проект стал международным, деятельность Академии в 2009 г. была посвящена имени Александра Михайловича Сибирякова, 160 лет со дня рождения которого отмечала научная общественность. В течение 2009 г. был собран большой архивный материал, проведена крупная международная научно-практическая конференция в Доме учёных РАН, собравшая представителей 5 стран, связанных с именем Сибирякова, выпущен сборник трудов, а в октябре делегация Академии посетила с визитом Париж, Тулон и Ниццу, где на русском кладбище «Кокад» нашёл своё упокоение А.М. Сибиряков. Представители Академии стали единственной делегацией из России, которая возложила цветы на его могилу за последние десятилетия.

Вот лишь небольшой перечень заслуг перед Отечеством Сибирякова. Финансирование совместно с английским предпринимателем Гардинером плавания шотландского капитана У. Уиггинса в 1876 г. до устья Енисея и вверх до впадения реки Курейки с доставкой в регион европейских товаров. Организация за счёт средств мецената экспедиции А. Норденшельда по Северо-Восточному проходу и вокруг Евразии в 1878–1880 гг. Это были первые попытки освоения Северного морского пути. Проложение дороги из Европы (за успехи которого были отмечены участники и устроители в Швеции, но никак не в России) в Азию через Северный Урал, соединившей реки Обь и Печора, получившей название «Сибиряковский тракт», организация экспедиций немецких и французских естествоиспытателей в район Оби в 1890 г. Не менее важная часть его деятельности — просветительская и благотворительная. На личные средства предпринимателя были

построены первый сибирский университет в Томске, четыре бесплатных начальных училища в Иркутске, учреждено Высшее техническое училище, типография «Сибирь», возведены церкви и храмы, выделен Академии наук капитал в 10 тысяч рублей для присуждения раз в три года премии за лучшее историческое оригинальное сочинение о Сибири, осуществлялась материальная поддержка сибирских студентов, обучавшихся в Москве и Санкт-Петербурге.

В 2019 г. Арктическая академия наук в год 170-летия со дня рождения Сибирякова вновь обратилась к этому проекту, объявив конкурс сочинений о Сибири и Севере для школьников старших классов и студентов вузов в рамках предстоящего арктического саммита «Инновационная Арктика 2019 СПб».

Второй значимый международный проект, реализуемый Арктической академией наук, — **«Адмирал де Траверсе — морской министр России»**. Начало он берёт в далёком 2004 г., когда в стенах Аграрного университета в Луге была организована конференция, посвященная 250-летию юбилею со дня рождения француза по происхождению, но истинного сына России по многолетней безупречной службе, Ивана Ивановича Траверсе, урождённого Жана Батиста Прево де Сансак, маркиза де Траверсе. Во времена Екатерины Великой Траверсе, отличившийся в сражениях с англичанами в ходе американской войны за независимость, был приглашён на российскую службу и дал своё согласие. Во Франции свирепствовала Великая революция, а потомственных дворян новая власть не жаловала. Своим появлением в России француз, изначальный враг Британии, откровенно путал карты англофилам, коих немало было при дворе, что особенно ярко проявилось в деле убийства Павла I, присвоившего де Траверсе чин контр-адмирала. Интриги преследовали маркиза всю жизнь, что не помешало ему проявить себя поначалу в роли командующего парусной эскадрой гребной флотилии Балтийского флота (1802), затем в должности Главного командира Черноморского флота и, наконец, в качестве Морского министра Российской империи (1809) в высшей степени эффективно. Вступив в последнюю должность в 1811 г., маркиз 18 лет возглавлял морское министерство, став членом Государственного совета. За организацию многочисленных экспедиций, включая экспедицию Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева, открывшую Антарктиду в 1820-м, адмирал Траверсе был награждён высшим орденом Российской империи — Святого Андрея Первозванного. Так что «золотой век» географических открытий нашего флота связан именно с адмиралом де Траверсе.

Однако самый красноречивый эпизод, характеризующий маркиза Траверсе как личность, связан с попыткой Наполеона вернуть адмирала на родину любой ценой. В 1811 г. к адмиралу Траверсе прибыл специальный посланник императора французов с предложением вернуться во Францию на его условиях и занять любой пост, включая должность морского министра... Маркиз отказался, заявив, что не предаст свою новую Родину, которая выручила его в трудный час, и в этом же году принял российское

подданство. Он сдержал своё слово и встретил свою смерть в поместье в деревне Романщина под Лугой, где и был похоронен.

За годы проведения проекта были собраны архивные материалы, проведены круглые столы и семинары, налажены научные связи с Францией, Финляндией, Украиной, США, Ассоциацией наследников Траверсе; делегация Арктической академии наук ежегодно в апреле посещает место захоронения Морского министра и его супруги в Романщине, проводит пресс-конференции и совещания у Главы местной администрации. В марте 2019 г. состоялась Международная конференция «Le Marquis de Traversay un autre héros des deux mondes» (Маркиз Траверсе — герой Старого и Нового Света), которая предоставила возможность рассмотреть личность адмирала в широком аспекте франко-русско-американских отношений в ретроспективе трёх столетий. Конференция прошла в рамках реализации Международного проекта Арктической академии наук «Адмирал де Траверсе — Морской министр России», инициированного в 2009 г. и посвящённого 200-летию открытия русскими мореплавателями шестого континента Земли — Антарктиды. Организаторами конференции помимо Арктической академии наук и хозяина мероприятия — Исторической службы МО Франции (Service historique de la Défense), располагающейся в Венсанском замке (Château de Vincennes), — стали: университеты Сорбонна и Panthéon-Sorbonne и Военно-морской колледж США в Ньюпорте (Naval War College, Newport, USA). В 2020 г., в год 200-летия открытия Антарктиды российскими мореплавателями, Академия проведёт ответную Международную научно-практическую конференцию в Санкт-Петербурге. В планах Академии учреждение Международного благотворительного фонда имени Траверсе для поддержания научных, исторических, культурных связей между Россией и Францией, а также организация исторических туристических маршрутов в Лужской области Ленинградской области.

Заключение

Особенности геополитических факторов, определяющих межрегиональные взаимодействия в Арктическом суперрегионе, состоят, прежде всего, в новой роли регионов в условиях глобализации. Исследование этих процессов является одним из основных направлений деятельности Арктической академии наук. Её участие в разработке концепции национальной безопасности и многолетние усилия в принятии предлагаемого варианта Арктической доктрины России увенчались успехом, найдя практически полное отражение в «Основах государственной политики России в Арктике». По содержанию они полностью повторяют предложенную Арктической академией наук доктрину, за исключением последнего раздела, где говорилось об арктической организации государства. По существу, предложенная доктрина была созвучна военной доктрине, где без этого раздела все предыдущие являются просто декларацией, что сегодня и наблюдается в Арктике.

Создалась ситуация, в которой Россия должна выработать совершенно новую стратегию в своей региональной политике, с тем чтобы не только сохранить свою целостность, но и осознать свою новую геоэкономическую роль в быстро меняющемся мире. Для этого необходимо серьёзное научное обоснование.

Современная социально-политическая ситуация в России существенно отличается от середины XX в., когда централизованная система управления позволяла реализовать северную (арктическую) политику на основе директив Госплана СССР. В настоящее время необходима гармонизация отношений «Наука — власть — бизнес» в условиях формирования гражданского общества. А это значит вовлечение институтов местного самоуправления, активного общественного ресурса — и научного обоснования принимаемых решений.

Арктическая общественная академия наук в течение шестнадцати лет продолжает отстаивать научные принципы, способствующие устойчивому развитию Арктической зоны Российской Федерации, обеспечению достойного качества жизни населения Арктики.

РЕЗЮМЕ SUMMARY

Авторы, названия, аннотации, ключевые слова
Authors, titles, abstracts, and keywords

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

ОСИПОВА Е.Э., СМИРНОВ С.В., ХАИРОВА Т.А. Предпосылки развития экспорта российской Арктики, каботажных перевозок и проектных грузов для арктических проектов
OSIPOVA E.E., SMIRNOV S.V., KHAIROVA T.A. Preconditions for the development of Russian Arctic export, coastal (cabotage) transportation and project cargo for the arctic demand

Аннотация. В статье рассматривается понятие и описание Северного морского пути, основные предпосылки развития экспорта Российской Арктики при использовании СМП. Дается понятие и анализ каботажных перевозок с использованием арктических судов и прогнозные выводы по возможным арктическим проектам. Системы развития экспорта российской Арктики, каботажных перевозок и проектных грузов для арктических проектов включает системы грузовых перевозок по железным дорогам и морским транспортным флотом. Целью настоящей статьи является анализ данных транспортных систем, а также определение ключевых перспектив развития данной системы в России с учётом нового понятия — Северный морской транспортный коридор. Учитывая, что это национальная транспортная коммуникация Российской Федерации, развитие арктического грузопотока в акватории Северного морского пути связано, главным образом, с проектами освоения минеральных ресурсов Арктической зоны Российской Федерации. Для перевалки углеводородного сырья и руд, отгружаемых из акватории Севморпути, задействованы порты Баренцева моря. В дальнейшем значительную роль будет играть перевалка СПГ в портах Петропавловск-Камчатский, Мурманск (Морской комплекс по перегрузке СПГ), планируется задействовать порт Индига для перевалки угля с Западного Таймыра. Порты отгрузки в акватории Севморпути и порты перевалки образуют единую транспортную цепочку и требуют скоординированного управления.

Ключевые слова: Северный морской путь, каботажные перевозки, российская Арктика, Северный морской транспортный коридор, перевалка, экспорт, арктические суда, углеводородное сырьё, транспортно-логистические маршруты,

Abstract. The authors consider the concept and description of the Northern Sea Route (NSR), the main pre-conditions for the development of the export in the Russian Arctic when using the NSR. The concept and analysis of coastal transport using Arctic vessels and the forecast conclusions on possible Arctic projects are discussed. System for the development of the Russian Arctic export, coastal transport, and project cargo include rail and sea freight transport systems. The purpose of the article is to analyze the data on transport systems, as well as to determine the critical prospects for their development in Russia, considering a new concept — the Northern Sea Transport Corridor. It is the national transport communication of the Russian Federation. Therefore, the development of the Arctic cargo flow in the Northern Sea Route is mainly connected with the projects for the development of mineral resources in the Arctic zone of the Russian Federation. For the transshipment of hydrocarbon raw materials and ores from the Northern Sea Route area, the ports of the Barents Sea are used. In the future, a significant role will be played by LNG transshipment in the ports of Petropavlovsk-Kamchatsky, Murmansk (Marine LNG transshipment complex). Also, it is planned to use the port of Indiga for the transshipment of coal from Western Taimyr. The NSR shipment ports and transshipment ports form a single transport chain and require coordinated management.

Keywords: the Northern Sea Route, short sea shipping, Russian Arctic, The Northern Sea Transport Corridor, transshipment, exports, arctic vessels, hydrocarbons, transport and logistics routes, transport infrastructure.

транспортная инфраструктура.

СИНИЦА А.Л. Развитие системы образования как фактор демографического развития регионов Крайнего Севера

SINITS A.V. The education system development as a factor in the demographic growth of the Far North of Russia

Аннотация. Крайний Север является важным регионом, который в значительной степени определяет перспективы социально-экономического развития страны. Тем не менее, отдельной комплексной программы развития этой территории нет, а в существующих программах развития Арктической зоны РФ вопросы демографии и развития образования отражены очень слабо. На основе данных Росстата и экспертных оценок в статье рассматривается динамика возрастной и образовательной структур населения регионов Крайнего Севера. Особое внимание уделяется группе моложе 30 лет, поскольку она является основным потребителем услуг системы образования. Также затрагивается вопрос о том, как развитие системы образования может повлиять на демографическое и экономическое развитие Крайнего Севера. Показано, что с 1990 г. численность и доля молодёжи значительно сократилась и до 2035 г. продолжит сокращаться. Европейская часть Крайнего Севера показала худшую динамику по сравнению с Азиатской. Образовательная структура населения регионов Крайнего Севера близка к общей по стране, но доля населения со средним профессиональным образованием выше, хотя и снижается. Это отражает особенности экономики данного макрорегиона. Приведённые в статье примеры показывают, что развитие системы образования положительно повлияет на демографические и экономические показатели.

Ключевые слова: Крайний Север, уровень образования, система образования, государственная политика, молодёжь, возрастная структура населения, образовательная структура населения, социально-экономическое развитие.

СКУФЫНА Т.П., БАЖУТОВА Е.А., САМАРИНА В.П. Предпринимательская активность в регионах российской Арктики в сравнении с общероссийской ситуацией

SKUFINA T.P., BAZHUTOVA E.A., SAMARINA V.P. Entrepreneurial activity in the Russian Arctic territories compared to the all-Russian situation

Аннотация. В работе рассматривается предпринимательская активность регионов российской Арктики и выявляется её специфика относительно общероссийской ситуации. Актуальность этой

Abstract. The Far North is an important area that, to a great extent, determines the prospects for the socio-economic development of Russia. Nevertheless, no particular synthetic development program for these territories has been worked out. Existing programs for the development of the Arctic zone of the Russian Federation pay very little attention to demography and education. Based on Rosstat data and expert assessments, the author considers the dynamics of the age and educational structures of the population of the Far North. Special attention is paid to the group under 30 years old since it is the primary consumer of the education services. The author also addresses the question of how the development of the education system affects the demographic and economic development of the Far North. It has been argued that since 1990 the number and proportion of young people have declined significantly and will continue to decline until 2035. The European part of the Far North has a much worse dynamic compared to the Asian one. The educational structure of the population of the Far North is close to the total in the country, but the proportion of the people with secondary vocational education is higher but declining. It reflects the economy features of this macroregion. The examples discussed in the article prove the development of education will have a positive effect on demographic and economic indicators.

Keywords: the Far North, level of education, educational system, state policy, youth, the age structure of the population, educational structure of the population, social and economic development.

Abstract. The paper considers the entrepreneurial activity of the Russian Arctic territories and reveals its specificity compared to the all-Russian situation. The relevance of the scientific task is determined by

научной задачи определена тем, что обеспечение экономического роста и социального развития российской Арктики невозможно без необходимого усиления предпринимательской активности на этой территории. Поиск механизма управления арктическим предпринимательством в настоящее время также является актуальной научной задачей. В работе приведены авторские оценки предпринимательской активности регионов российской Арктики в сравнении с общероссийской ситуацией. Представлена классификация регионов РФ и российской Арктики по виду преобладающей в них предпринимательской активности относительно субъекта рынка, её проявляющего. Определено, что арктическая специфика и региональные особенности обуславливают развитие в Арктике предпринимательской активности таких субъектов рынка, как бизнес и государство. Учёт данной региональной особенности позволил предложить и обосновать практические рекомендации по стимулированию предпринимательской активности с учётом принадлежности арктического региона к определённой классификационной группе.

Ключевые слова: Россия, регионы, Арктика, развитие, предпринимательская активность, сравнительные оценки, государственное управление.

the fact that ensuring economic growth and social development of the Russian Arctic is impossible without the necessary strengthening of entrepreneurial activity. The search for a mechanism for managing Arctic entrepreneurship is currently an urgent scientific task. The paper presents the authors' estimates of the entrepreneurial activity of the Russian Arctic territories compared to the all-Russian situation. The authors present the classification of the territories of the Russian Federation and the Russian Arctic by the principal business activity related to the subject of the market manifesting it. It is argued the Arctic specificity, and local conditions determine the development of entrepreneurial activity in the Arctic for such market actors as business and the state. This feature allowed us to offer and justify recommendations to stimulate entrepreneurial activity regarding the belonging of the Arctic to a classification group.

Keywords: Russia, regions, Arctic, development, entrepreneurial activity, comparative assessments, public administration.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ POLITICAL PROCESSES AND INSTITUTIONS

КИМ М., МАРЧЕНКОВ М.Л. Республика Корея в Арктическом регионе: от теоретического оформления политики к её практической реализации

KIM M., MARCHENKOV M.L. The Republic of Korea and the Arctic region: from policy formulating to policy making

Аннотация. В статье представлен обзорный анализ арктической политики Республики Корея, который подразумевает определение причин и предпосылок заинтересованности Южной Кореи в создании собственной политической доктрины в Арктике, основанной на особенностях географического положения страны, её экономических условиях и потребностях. Политика Южной Кореи в Арктическом регионе рассматривается нами с точки зрения трёх её этапов: до вступления в Арктический совет, в период первого генерального плана по Арктике и после обновления арктической политики государства. Приводится краткая история арктической деятельности Южной Кореи. Кроме того, нами рассмотрены положения первого генерального плана Кореи по

Abstract. The following article is a policy review paper devoted to the general analysis of the Arctic policy of the Republic of Korea. The analysis includes the explanation of the country's demand for conducting its own policy in the Arctic that mostly resides in the peculiarities of South Korea's geographical position and economic conditions and demands. The policy of South Korea in the Arctic region is highlighted in the three stages: before joining the Arctic Council, during the first master plan for the Arctic, and after the updated Arctic policy was issued. The brief history of the Korea's participation in the Arctic activities is highlighted. Also, the provisions of Korea's first master plan for the Arctic are highlighted, and some conclusions are made regarding its implementation. Then the updated Arctic pol-

Арктике, а также проанализирована практика его реализации. В статье также анализируется обновлённая арктическая политика Южной Кореи. За 20 лет присутствия в Арктическом регионе государству удалось трансформировать свою политику. Первоначально она была ориентирована исключительно на научные исследования. Теперь же арктическая политика Южной Кореи затрагивает обеспечение национальных экономических интересов, заключающихся в многостороннем участии страны в арктическом сотрудничестве. В заключение приводятся размышления авторов о дальнейших направлениях развития политики Республики Корея в Арктике.

Ключевые слова *Республика Корея, Арктический совет, арктическая политика, неарктические акторы в Арктике, экономические выгоды от деятельности в Арктике, научное сотрудничество в Арктике.*

ТУЛУПОВ Д.С., ЦАРЕНКО Е.В. Подход Европейского союза к политике в арктическом направлении и его соотношение с региональными интересами РФ

TULUPOV D.S., TSARENKO E.V. European Union's approach to the Arctic policy development through the lens of the Russian regional interests

Аннотация. В данной статье на основании обширной базы документов анализируются основные характеризующие черты арктической стратегии Европейского союза и их соотношение с российскими интересами в регионе. Авторы исходят из того, что вероятность достижения между двумя акторами каких-либо существенных точек соприкосновения крайне мала. Несовместимость их стратегических линий определяется тем, что ЕС рассматривает Арктику как очередную площадку для реализации своего потенциала «нормативной силы», в то время как Россия во взаимодействии со своими зарубежными партнёрами в первую очередь нацелена на привлечение инвестиций в развитие арктической инфраструктуры. В условиях продолжающегося кризиса в двусторонних отношениях, вызванного событиями на Украине, говорить о перспективах гармонизации региональных устремлений ЕС и РФ не представляется возможным.

Ключевые слова: *Арктика, Европейский Союз, внешняя политика, экология, окружающая среда, стрессоустойчивость, устойчивое развитие.*

icy of South Korea is examined. The core conclusion is that during 20 year of participation in the Arctic-related activities, the Republic of Korea has transformed its Arctic policy from being research-oriented only to providing national economic benefits from the multilateral inclusion in the Arctic cooperation institutions and events. Some further reflections on Korea's further Arctic policy are provided at the conclusion.

Keywords: *Republic of Korea, Arctic Council, Arctic policy, non-Arctic actors in the Arctic, economic benefits from the Arctic activities, Arctic research cooperation.*

Abstract. Based on an extensive database, the authors analyzed the main features of the EU Arctic strategy and their relationship with Russian interests in the region. The authors proceed from the fact that the probability of reaching any significant points of contact between the two actors is minimal. The incompatibility of their strategic lines is because the EU considers the Arctic as another platform for its potential of "normative strength", while Russia, in cooperation with its foreign partners, is primarily aimed at attracting investments in the development of the Arctic infrastructure. In the context of the ongoing crisis in bilateral relations caused by the events in Ukraine, it is not possible to talk about the prospects for harmonizing the regional aspirations of the EU and the Russian Federation.

Keywords: *the Arctic, the EU, Russia, foreign policy, ecology, environment, stress tolerance, sustainable development.*

СЕВЕРНЫЕ И АРКТИЧЕСКИЕ СОЦИУМЫ NORTHERN AND ARCTIC SOCIETIES

ЛЫТКИНА Т.С., СМИРНОВ А.В. Вытеснение на Российском Севере: миграционные процессы и неолиберальная политика

LYTKINA T.S., SMIRNOV A.V. Expulsions in the Russian North: migration processes and neoliberal policy

Аннотация. В статье обобщаются результаты многолетних исследований изменений условий жизни населения, проживающего на Севере при становлении торгового капитализма и распространении неолиберальной политики. Вытеснение рассматривается как институционально организованная форма исключения в виде государственной политики, активно поддерживающей социальную поляризацию, способствующей потребительскому способу освоения природных ресурсов и экстенсивному использованию прежде выстроенной инфраструктуры, а также сопровождающейся изоляцией опыта, игнорированием интересов и нарушением прав местных жителей. Доказывается, что советская политика, заинтересованная в привлечении рабочей силы для освоения Российского Севера и использовавшая для этих целей распределительную систему благ, не столько способствовала закреплению трудовых мигрантов на северной территории, сколько инициировала по окончании трудовой биографии их возвращение на родину. Позицию «временщика» формировали предлагаемые привилегии, служившие компенсацией за работу в неблагоприятных климатических условиях, не увязанные с перспективами развития северной территории. При этом интересы местных жителей, оказавшихся отрезанными от престижных рабочих мест и попавших в худшие условия жизни, регулярно игнорировались, а права не признавались. Если благодаря каналам вертикальной мобильности и интеграции в советскую распределительную систему удавалось сгладить несправедливость неравного распределения благ, то с переходом страны к рынку и началом нового этапа изъятия природных ресурсов скрыть это становится сложнее. При этом, учитывая, что процессы исключения получили дальнейшее распространение и теперь в число уязвимых групп попадают не только коренные жители Севера, но и второе поколение мигрантов, фокус конфликта сместился и выразился в отношениях жителей центра и регионов.

Ключевые слова: социальное исключение, вытеснение, миграционные процессы, неолиберальная политика, Северные регионы России,

Abstract. The article summarizes the results of a long-term study of changes in living conditions of the population in the North during the formation of trade capitalism and the spread of neoliberal policy. Expulsion is considered as an institutionally organized way of exception in the form of state policy, actively supporting social polarization, contributing to consumer way of natural resource development and extensive use of before-built infrastructure, and accompanied by the isolation of the experience, disregard of the interests and violation of the rights of residents. The article proves that Soviet policy, interested in attracting labor to develop the Russian North and used a distribution system of goods for these purposes, did not contribute much to the consolidation of labor migrants in the northern territories as it initiated their return to the homeland at the end of their labor biography. The position of a “temporary worker” was formed by the proposed privileges, which served a compensation for work in adverse climatic conditions but did not contribute to the prospects for the development of the northern territories. At the same time, the interests of residents, who turned out to be cut off from prestigious jobs and found themselves in worse living conditions, were regularly ignored, and their rights were unrecognized. If, through vertical mobility and integration into the Soviet distribution system, it was possible to smooth out the inequities in the distribution of benefits, it became more difficult to hide this with the country's transition to the market and the beginning of a new phase of natural resource extraction. Moreover, considering the exclusion processes have become more widespread. Now not only the indigenous peoples of the North but also the second generation of migrants are among the vulnerable groups. The focus of the conflict has shifted and expressed itself in the relations between the residents of the Center and the regions.

Keywords: social exclusion, expulsions, migration processes, neoliberal policy, Northern regions of Russia, development and colonization, Soviet herit-

освоение и колонизация, советское наследие. age.

НЕДОСЕКА Е.В., ЖИГУНОВА Г.В. Особенности локальной идентичности жителей моногородов (на примере Мурманской области)

NEDOSEKA E.V, ZHIGUNOVA G.V. Features of local identity of single-industry town residents (the case of the Murmansk Oblast)

Аннотация. В статье представлен анализ локальной идентичности жителей моногородов в условиях Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) на примере Мурманской области, имеющей в своём составе половину моногородов Арктической зоны. Авторы, понимая локальную идентичность как часть территориальной идентичности, представляют её символическим пространством для создания и укрепления чувства территориальной принадлежности. При этом положительная идентификация населения с территорией проживания, по мнению авторов, способствует построению эффективной системы регионального взаимодействия и является одним из важнейших факторов устойчивого развития территорий. По результатам эмпирического исследования были получены позитивные и негативные факторы её проявления у жителей моногородов обследуемого региона (методы анкетирования (n=428), глубинного интервью (n=12)), определены оценка связи с местом проживания и социально-экономического положения жителей, степень привлекательности городов и миграционные установки населения. Авторы показывают, что социально-экономический образ региона в сознании его жителей складывается во взаимосвязи с проявлением их укоренённости. Отличительным свойством локальной идентичности жителей моногородов Мурманской области является материальный фактор, который определяет уровень выраженности связи с местом проживания, а повышение благосостояния прямо пропорционально росту идентификации с городом, что имеет стратегическое значение для выстраивания региональной политики в моногородах.

Ключевые слова: локальная идентичность, территориальная идентичность, моногород, Арктическая зона Российской Федерации, Мурманская область.

Abstract. The article presents an analysis of the local identity of single-industry town residents in the Arctic zone of the Russian Federation (AZRF) in the case of the Murmansk Oblast, which has half the single-industry towns of the Arctic zone. Considering local identity as a part of territorial identity, the authors present it as a symbolic space for creating and strengthening the sense of territorial identity. At the same time, according to the authors, the people's identification related to the area of residence contributes to the construction of an effective system of regional interaction. It is one of the critical factors for the sustainable development of territories. According to the results of the study, positive and negative factors of identity manifestation were obtained from the residents of single-industry towns of the surveyed area (questionnaire (n=428), in-depth interviews (n=12)); the assessment of connection with the place of residence and socio-economic status of residents, the degree of attractiveness of cities and migration attitudes of the population were determined. The authors argue that the socio-economic image of the area in the minds of its residents is developing along with the manifestation of their rootedness. A distinctive feature of the local identity of single-industry town residents in the Murmansk Oblast is well-being. It determines the visibility of communication with the place of residence. The increase in prosperity is proportional to the growth of identification with the town, and it is of strategic importance for building regional policies in single-industry towns.

Keywords: local identity, territorial identity, single-industry town, the Arctic zone of the Russian Federation, the Murmansk Oblast.

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ REVIEWS AND REPORTS

БУТОРИН М.В. «Районка» как летописец истории Архангельского Севера

BUTORIN M.V. District newspapers as a chronicler of the Arkhangelsk North history

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы создания и деятельности периодической печати на уровне районов Архангельской области. Анализируется её роль в решении задач в разные периоды существования региона, оценивается место «районки» в системе взаимоотношений органов государственной власти и органов местного самоуправления. На основе исследования современной местной периодики автор делает вывод, что печать, освободившись от диктата КПСС, попала в зависимость от современной власти и вынуждена освещать преимущественно её деятельность и достижения. Выходом из создавшегося положения видится создание муниципалитетами собственных газет.

Ключевые слова: периодическая печать, районная газета, реформы, муниципальное образование, органы государственной и муниципальной власти.

ДРАННИКОВА Н.В. Рецензия на книгу М.А. Лукиной «Исторические очерки о жизни на островах в дельте Северной Двины»

DRANNIKOVA N.V. Review on the book “Historical Essays about Life on the Islands of the Northern Dvina Delta” by M.A. Lukina

Аннотация. Книга является результатом многолетней работы М.А. Лукиной над историей деревень, находящихся в дельте реки Северной Двины. Это первое исследование, посвящённое процессам колонизации островной территории, формирования и многовекового развития поселений, расположенных в устье Двины. В книге сочетаются традиционный исторический подход к изложению материала и метод, связанный с изучением смены ценностных установок на протяжении веков и проблемы исторической памяти.

Ключевые слова: рецензия, острова, дельта Северной Двины, архивы, воспоминания.

МИТЬКО В.Б., МИНИНА М.В., МИТЬКО А.В. История и деятельность Арктической общественной академии наук

MITKO V.B., MININA M.V., MITKO A.V. History and activities of the Arctic Public Academy of Sciences

Аннотация. Кратко изложена история возникновения и становления Санкт-Петербургской научной общественной организации «Арктическая общественная академия наук», созданной в начале 21 в. Академия формировалась на базе Арктического направления секции Геополитики и безопасности Российской академии естественных наук. Обозначены и прокомментированы три этапа развития академии, а также показаны основные направления деятельности Академии и

Abstract. The article discusses the creation and operation of district periodicals in the Arkhangelsk Oblast. The author analyzed their role in solving problems in different periods and evaluated the place of the “district” in the relations of the state and local authorities. Based on a study of modern local periodicals, the author concluded that the press, freed from the CPSU dictates, became dependent on new power and was forced to cover mainly its activities and achievements. The way out of this situation is the creation of municipal newspapers.

Keywords: a review, a monograph, the Russian Arctic, the Arctic zone of the Russian Federation, strategy.

Abstract. The book is the result of a great work of M.A. Lukina on the history of villages in the Delta of the Northern Dvina River. The book is the first study of the island colonization, establishment, and centuries-old development of settlements in the mouth of the Northern Dvina River. The author combined the traditional historical approach to the data presentation and the method associated with the study of the value change over the centuries and historical memory.

Keywords: review, islands, the Northern Dvina Delta, archives, memories.

Abstract. The founding of the St. Petersburg Scientific Public Organization “The Arctic Public Academy of Sciences”, created at the beginning of the 21st century, is briefly described in the article. The Academy is based on the Arctic direction of the Geopolitics and Security Section of the Russian Academy of Natural Sciences. Three stages of its development are designated and commented on, as well as the main directions of the Academy's activities, and examples of projects. The Academy

примеры крупных проектов. Академия активно участвует в международных форумах, конференциях, саммитах, комитетах и фестивалях. Являясь экспертной научной организацией, АОАН играет важную роль одной из ячеек гражданского общества, вокруг которой консолидируется отечественный интеллектуальный потенциал.

Ключевые слова: Арктика, экспертиза, негосударственная академия наук, междисциплинарность, образовательная сфера, издательская деятельность, международные форумы.

actively participates in international forums, conferences, summits, committees, and festivals. Being an expert scientific organization, APAS plays a vital role in civil society and consolidates domestic intellectual potential.

Keywords: *the Arctic, expertise, non-state academy of sciences, interdisciplinarity, education, publishing, international forums.*

Редакционный совет журнала «Арктика и Север» Editorial board of the “Arctic and North” journal

1. Alfred Colpaert (Альфред Кулпарт), доктор географических наук, профессор физической географии и геоинформатики, отделение географии и истории, Университет Восточной Финляндии.
2. Arild Moe (Арилд Мое), кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт Фритьофа Нансена, Норвегия.
3. Jens Petter Nielsen (Йенс Петтер Нильсен), доктор исторических наук, профессор отделения истории и религиоведения, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.
4. Jukka Nyussönen (Юкка Нюссонен), доктор философии, профессор отделения культурологии, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.
5. Lassi Heininen (Ласси Хайнинен), доктор политических наук, профессор арктической политики, отделение социальных наук, Университет Лапландии, Финляндия.
6. Maria Lähteenmäki (Мария Лахтенмаки), доктор философских наук, профессор истории, отделение географии и истории, Университет Восточной Финляндии.
7. Natalia Loukacheva (Лукашева Наталья Вячеславовна), доктор юридических наук, заведующая кафедрой управления и прав коренных народов, отделение политических наук, Университет Британской Колумбии, Канада.
8. Andrey N. Petrov (Петров Андрей Николаевич), Ph.D. (география), адъюнкт-профессор (доцент) кафедры географии, директор Центра междисциплинарных исследований Арктики, отдалённых и холодных территорий, Университет Северной Айовы, США.
9. Øyvind Ravna (Ойвинд Равна), доктор юридических наук, профессор права юридического факультета, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.
10. Paul Josephson (Пол Джозефсон), доктор политических наук, профессор, отделение истории, Колби Колледж, США.
11. Голохваст Кирилл Сергеевич, доктор биологических наук, проректор по научной работе, Дальневосточный федеральный университет.
12. Дрегало Александр Алексеевич, доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
13. Зайков Константин Сергеевич, кандидат исторических наук, доктор философии, проректор по международному сотрудничеству, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
14. Кефели Игорь Фёдорович, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой глобалистики и геополитики Балтийского государственного технического университета «Военмех» имени Д.Ф. Устинова. Главный редактор журнала «Геополитика и безопасность». Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.
15. Котляков Владимир Михайлович, доктор географических наук, профессор, директор Института географии РАН (Москва). Действительный член Российской Академии наук, член Европейской академии наук, иностранный член Французской и Грузинской академий наук. Учёная степень Doctor Honoris Causa Тбилисского государственного университета. Почётный член Американского, Мексиканского, Итальянского, Грузинского, Эстонского и Украинского географических обществ, Почётный президент Русского географического общества. Член Межправительственной группы экспертов по проблеме изменения климата, удостоенной (2007) Нобелевской премии мира. Лауреат 11 золотых ме-

- далее и премий, в том числе Государственной премии РФ в области науки и техники (2001).
16. Кудряшова Елена Владимировна, доктор философских наук, профессор, ректор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
 17. Лукин Юрий Федорович, доктор исторических наук, профессор. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.
 18. Маслобоев Владимир Алексеевич, доктор технических наук, профессор, директор Института проблем промышленной экологии Севера Кольского научного центра Российской академии наук (ИППЭС КНЦ РАН).
 19. Сергиенко Людмила Александровна, доктор биологических наук, профессор кафедры ботаники и физиологии растений Института биологии, экологии и агротехнологий, Петрозаводский государственный университет.
 20. Сергунин Александр Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет.
 21. Сизова Ирина Леонидовна, доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии, Санкт-Петербургский государственный университет.
 22. Соколова Флера Харисовна, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
 23. Титова Вера Эдуардовна, доктор экономических наук, кандидат геолого-минералогических наук, профессор, директор Центра «Недропользование в арктических регионах: экономические и правовые аспекты», Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
 24. Ульяновский Виктор Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
 25. Фаузер Виктор Вильгельмович, доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом социально-экономических проблем, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН. Заслуженный деятель науки Российской Федерации
 26. Федоров Павел Викторович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина, руководитель лаборатории геокультурных исследований и разработок Автономной некоммерческой организации ВПО «Международный банковский институт».

Утверждён на заседании редакции журнала «Арктика и Север»

30 марта 2018 года

Веб-версия доступна по ссылке:

<http://www.arcticandnorth.ru/DOCS/redsovet.php>

Благодарности Acknowledgments

Редакция электронного научного журнала «Арктика и Север» выражает благодарность следующим людям, оказавшим значительную помощь редакции в 2019 г. своими рецензиями на статьи, консультациями, предложениями по развитию журнала:

1. Ануфриев Владимир Валерьевич, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лавёрова РАН.
2. Деттер Геннадий Филиппович, ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики».
3. Жгилева Лариса Александровна, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
4. Журавель Валерий Петрович, Институт Европы РАН.
5. Задорин Максим Юрьевич, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
6. Зайков Константин Сергеевич, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
7. Каторин Игорь Вячеславович, администрация губернатора Архангельской области.
8. Липина Светлана Артуровна, Совет по изучению производительных сил Министерства экономического развития России.
9. Лукин Юрий Федорович, редсовет журнала «Арктика и Север».
10. Максимов Антон Михайлович, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени Н.П. Лаверова РАН.
11. Медведев Дмитрий Андреевич, Российский государственный университет нефти и газа имени И.М. Губкина.
12. Николаева Анна Борисовна, Кольский научный центр РАН.
13. Пилясов Александр Николаевич, АНО «Институт регионального консалтинга».
14. Питухина Мария Александровна, Петрозаводский государственный университет.
15. Плисецкий Евгений Евгеньевич, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
16. Сабуров Александр Алексеевич, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
17. Севастьянов Дмитрий Викторович, Санкт-Петербургский государственный университет.
18. Сергунин Александр Анатольевич, Санкт-Петербургский государственный университет.
19. Сизова Ирина Леонидовна, Санкт-Петербургский государственный университет.
20. Степанова Вера Владимировна, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
21. Титова Вера Эдуардовна, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
22. Трошина Татьяна Игоревна, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
23. Фаузер Виктор Вильгельмович, Коми научный центр Уральского отделения РАН.
24. Чистобаев Анатолий Иванович, Санкт-Петербургский государственный университет.
25. Шалапин Сергей Олегович, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
26. Шихвердиев Ариф Пирвелиевич, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина.

Выходные данные Output data

АРКТИКА и СЕВЕР. 2019. № 37

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37

Главный редактор — Кудряшова Елена Владимировна.

Ответственный секретарь — Шепелев Евгений Александрович. E-mail: e.shepelev@narfu.ru

Редактор — Грошева Татьяна Евгеньевна. E-mail: t.grosheva@narfu.ru

Художественный редактор (английская версия) — Котлова Екатерина Сергеевна.

E-mail: e.kotlova@narfu.ru

Размещение на сайте — Шепелев Евгений Александрович.

Свидетельство о регистрации — Эл № ФС77-42809 от 26 ноября 2010 года

Учредитель — ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова»

Адрес учредителя: Россия, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17

Адрес для писем и иной корреспонденции: Россия, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17, редакция журнала «Арктика и Север»

Электронный адрес редакции: e.shepelev@narfu.ru

Подписано «в печать» для размещения на сайте <http://www.arcticandnorth.ru/> — 30.12.2019

ARCTIC and NORTH, 2019, no. 37

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37

Editor-in-chief — Kudryashova E.V.

Executive secretary — Shepelev E.A. E-mail: e.shepelev@narfu.ru

Editor — Grosheva T.E. E-mail: t.grosheva@narfu.ru

Art editor (English version) — Kotlova E.S. E-mail: e.kotlova@narfu.ru

Placement on the webpage by E.A. Shepelev.

Registration certificate El № FS77-42809 from November 26, 2010

Founder — Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

Address of the founder: 17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, Russia, 163002

Address for letters and other correspondence: "Arctic and North" journal, 17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, Russia, 163002

E-mail address of the editorial office: e.shepelev@narfu.ru

Signed for placement on the webpage <http://www.arcticandnorth.ru/> on 30.12.2019